

Общій видъ кишлака въ Дарвазѣ.

53
249 сн

А. А. СЕМЕНОВЪ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

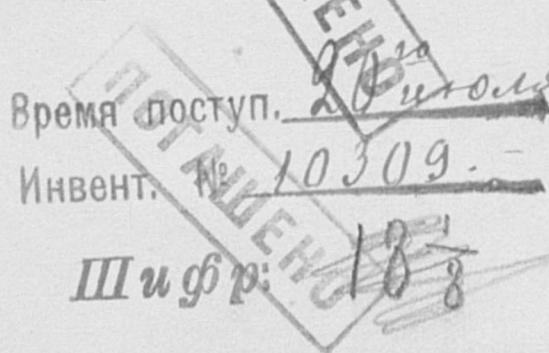
ЗАРАФШАНСКИХЪ ГОРЪ,

КАРАТЕГИНА и ДАРВАЗА.

Фототипії и цинкографії — работы Павлова, съ фотографії Н. В. Богоявленского и набросковъ и калекъ автора.

1903.

Дозволено цензурою. Москва, 17 апреля 1903 г.

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

469-41

Предисловіе.

Настоящая книга—одинъ изъ результатовъ поѣздки по горамъ Зарафшана, Карагина и Дарваза гр. А. А. Бобринского, Н. В. Богоявленскаго и нынеподписавшагося, которые въ 1898 году бывли командированы въ упомянутыя мѣстности Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Содержаніе книги представляетъ попытку дать, на основаніи личныхъ наблюденій и разспросныхъ свѣдѣній, въ связномъ и болѣе или менѣе обстоятельномъ изложеніи этнографической особенности населенія Зарафшанскихъ горъ, Карагина и Дарваза, конечно въ той мѣрѣ и полнотѣ, въ какихъ возможно было что-либо сдѣлать въ теченіе двухмѣсячного пребыванія среди туземцевъ названныхъ мѣстностей.

При собираніи матеріаловъ для настоящаго труда авторъ руководствовался «Программою для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, составленной при Этнографическомъ Отдѣленіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи». Она принесла ему не мало пользы, такъ какъ представляетъ собою, выражаясь метафорически, готовую канву, по которой вышить узоръ не составляетъ особой трудности.

Въ то время, когда пишущій это только еще задумывалъ составленіе этихъ очерковъ, онъ пользовался для предстоящей

работы различными указаниями и совѣтами: М. О. Аттая, гр. А. А. Бобринского, акад. Ф. Е. Корша, проф. В. Ф. Миллера, Н. Н. Харузина и бар. Р. Р. Штакельберга. Этимъ лицамъ онъ нѣнѣ и приноситъ свою глубокую благодарность, а дорогому учителю, Н. Н. Харузину, sit levis terra!

А. Семеновъ.

Асхабадъ.

Оглавление.

	<i>Cmp.</i>
Глава I. Географической очеркъ Зарафшанскихъ горъ, Каратегина и Дарваза	1
Глава II. Горные таджики	19
Глава III. Жилище горного таджика	32
Глава IV. Бытъ, занятія и промыслы	49
Глава V. Изъ области религіозныхъ вѣрованій горныхъ таджиковъ	70
Глава VI. Семейные нравы и обычай	79
Глава VII. Образцы памятниковъ народного творчества .	97
I. Басня. Осель, Левъ, Верблюдъ и Волкъ	98
II. Басня. Человѣкъ и Змѣя	99
III. Сказка. Сынъ визиря	100
IV. Сказка. О курильщикѣ опія и о его мнимомъ богатствѣ .	103
V. Сказка. О продѣлкахъ Ашур-Айора и его жены	105
VI. Басня. Лисица и Перепелка.	108
VII. Басня. Ястребъ, Ворона и Лисица.	111

Перечень фототипическихъ таблицъ.

Таблица I. Общий видъ кишлака въ Дарвазѣ	Послѣ обложки.
Въ концѣ книги.	
Таблица II. Дарвазъ. Жилая постройка въ кишлакѣ на Пяндѣ.	
» III. Образцы рѣзныхъ дверей.	
» IV. Образцы рѣзныхъ орнаментовъ.	
» V. Образцы рѣзныхъ орнаментовъ.	
» VI. Образцы рѣзныхъ орнаментовъ.	
» VII. Деревянныя издѣлія горныхъ таджиковъ.	
» VIII. Образцы тканей.	
» IX. Желѣзныя издѣлія.	
» X. Образцы мѣдныхъ кунгановъ.	

Глава I.

Географический очеркъ Зарафшанскихъ горъ, Карагина и Дарваза.

Въ томъ мѣстѣ Центральной Азіи, гдѣ образуютъ горный узелъ юго-западнѣе отроги Тянъ-Шаня, Памирѣ съ ихъ западнѣими склонами и сѣвернѣие склонѣ Хиндукуша, сплетаются двѣ великихъ системѣ плоскогорій Монголіи и Ирана.

Эта мѣстность, столѣ чтимая въ легендахъ первобытнѣихъ индо-иранцевъ и во всѣ послѣдующіе вѣка столѣ извѣстная въ караваннѣихъ дорожникахъ Нагорной Азіи, нынѣ называется на языцѣ мѣстнѣихъ туземцевъ просто «кухистонѣ», т. е. горная страна, и раздѣляется на нѣсколько отдѣлнѣихъ областей, именно: Зарафшанъ (горная часть нынѣшней Самаркандинской области), Карагинъ по р. Сурхобу (правый притокъ р. Аму-Дарви), Дарвазъ, лежащій по обѣимъ сторонамъ р. Пянджа¹⁾, Шугнанъ, Рошанъ и Ваханъ (по правую сторону Пянджа).

Въ этой книжѣ мы коснемся только первыхъ трехъ странъ, какъ наиболѣе намъ извѣстнѣихъ по личному знакомству съ ними.

Рѣка Зарафшанъ²⁾ лежитъ на сѣверѣ отъ Аму и зарождается изъ громаднѣихъ ледниковъ въ западнѣихъ отрогахъ Тянъ-Шаня. Въ своеи верхнемъ теченіи она представляется могучею рѣкою, питаемою многочисленнѣими рѣчками и потоками—ея притоками съ правой и лѣвой сторонѣ. По выходѣ же въ долину водѣ

1) Такъ называется Амў-Дарья въ верхнемъ теченіи.

2) Что значитъ *разсыпающая, разбрасывающая золото* (отъ персидскаго *зѣр**), *зар*—*золото* и *аффаш*, *аффон*—*разсыпающій, разбрасывающій*).

*) Буквою ё мы изображаемъ средній звукъ между а и э, онъ вполнѣ соответствуетъ немецкому ё или английскому а въ словѣ *band*.

Зарафшана расходятся по безчисленыи арѣкамъ и, не дойдя верстъ ста до Аму-Дарви, Зарафшанъ совершенно истощается и пропадаетъ.

Горная страна, орошааемая Зарафшаномъ, занимаетъ востокъ и югъ Самарканской области и наполнена системами хребтовъ: Туркестанскаго, Зарафшанскаго и Хисарскаго. Всѣ они исходятъ изъ общаго горнаго узла Тянъ-Шаня на границѣ Ферганской области, близъ Зарафшанскаго ледника. Первые два хребта идутъ сначала параллельно съ востока на западъ, сопутствуя р. Зарафшану до меридіана сел. Урмитанъ. Отсюда Туркестанскій хребетъ, постепенно понижаясь, тянется извилистымъ горнымъ кряжемъ къ сѣверо-восточному углу области, получая сначала название Мор-Гузарскихъ горъ, а затѣмъ, отъ г. Джизака,—Нур-Атинскихъ горъ, или Кара-Тау. На меридіанѣ сел. Сабахъ Зарафшанскій хребетъ вѣдѣляетъ Хисарскій, который составляетъ нашу государственную границу съ Бухарою, и, сохрания прежнее свое направленіе, переходитъ ниже г. Пенджакента сначала въ рядъ невысокихъ (3—5 т. футовъ) горъ (Шахрисябзскихъ), а затѣмъ въ холмистую степь.

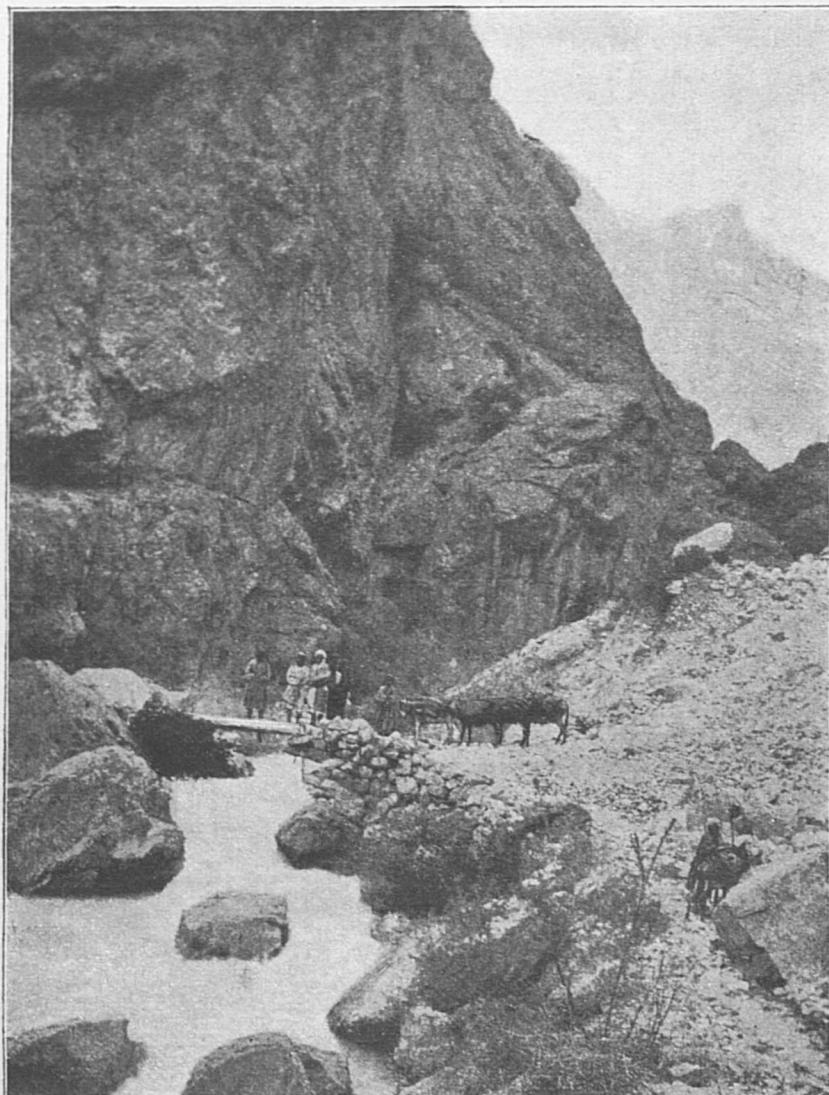
Долина р. Зарафшана, заключенная между Туркестанскимъ и Зарафшанскимъ хребтами, есть самая значительная въ этой горной мѣстности. Мѣстами она расширяется, образуя относительно удобныя для поселенія и посѣвовъ пространства, мѣстами же до такой степени суживается, что представляетъ собою глубокую трещину, чрезъ которую съ ревомъ и пѣною бурлитъ рѣка. Параллельно Зарафшанской долинѣ, на югъ отъ нея, лежить долина р. Януб-Дарви; она заключена между Зарафшанскимъ и Хисарскимъ хребтомъ и отличается такимъ же характеромъ, какъ и Зарафшанская.

Природа сѣверныхъ склоновъ трехъ вышеуказанныхъ хребтовъ, въ сравненіи съ южными склонами Хисарскаго хребта, бѣднѣе и суровѣе. Здѣсь чаще встречаются голыя скалы, нагроможденія одна на другую, глубокія и мрачныя разсѣлины и сердито ревущіе потоки, хотя древесная и кустарная растительность,—въ числѣ которой арча¹⁾, береза, кленъ, жимолость, барбарисъ, черная смородина, шиповникъ и друг. часто занимаютъ большія пространства,—значительно смягчаетъ суровость окру-

¹⁾ Извѣстныи породы хвойныхъ (*Juniperus pseudosabina*).

жающаго пейзажа, особенно тамъ, гдѣ такія заросли чередуются съ обширными лугами, покрытыми разнообразною травяною растительностью. Въ самой южной части системы горъ Хисарскаго хребта лежитъ замѣчательное по своему высокому положенію въ горахъ озеро Искандер-Кулъ. Оно находится въ огромной котловинѣ, на высотѣ почти 7000 фут. надъ уровнемъ моря и имѣетъ въ окружности, приблизительно, 11 верстъ. Берега озера и окружающая его невысокія горы (до $3\frac{1}{2}$ т. фут.) покрыты зарослями деревъ и кустарниковъ, вся же местность представляеть одинъ изъ красивыхъ горныхъ видовъ въ Туркестанѣ. Однако, вслѣдствіе труднаго доступа къ озеру, берега его чужды поселеній, лишь лѣтомъ сюда заходятъ стада кочевниковъ - узбековъ и киргизовъ, да заглянетъ тотъ или другой любознательный европеецъ-путешественникъ¹⁾.

Происхожденіе озера среди местныхъ туземцевъ существуетъ слѣдующая легенда. До прихода Александра Македонскаго (*Искандар-Подиб*) въ Зарафшанскія горы, на томъ месте, гдѣ теперь находится Искандер-Кулъ, бывшъ городъ огнепоклонниковъ (*оташпараст*). Александръ взялъ городъ, разрушилъ его и приказалъ

Въ горахъ Зарафшана.

¹⁾ Все, приведенное до сихъ поръ о Зарафшанскихъ горахъ, позаимствовано въ значительной степени изъ «Справочника и адресъ-календаря Самаркандской области за 1902 г.», сост. М. И. Вирскимъ.

на этомъ мѣстѣ вѣрѣтѣ громаднѣй бассейнѣ и наполнить его водою. Такимъ образомъ будто бы образовалось озеро Искандер - Кулъ. «Теперь», прибавляютъ окрестныie таджики, «по ночамъ изъ озера вѣходитъ водяной конь (*аспи-об*) на берегъ бѣть траву, оставаясь на сушѣ до утренней зари».]

Прилегающаia къ Зарафшану горная область Карагинъ лежитъ по р. Сурхобу и заключена между двумя хребтами: по правую сторону рѣки идетъ Зарафшанскій хребетъ, а по лѣвую сторону — хребетъ Петра Великаго, отдѣляющій Карагинъ отъ Дарваза.

Рѣка Сурхобъ), значительнѣй притокъ Аму-Дарви, носящій въ своемъ нижнемъ теченіи название Вахша ²⁾, принимаетъ въ себя изъ безчисленнѣихъ боковыхъ долинъ и ущелій множество потоковъ и рѣчекъ. По берегамъ одной изъ послѣднихъ (Оби-Гармъ—горячая вода) мѣстами находятся горячіе сѣрнѣе источники. Самый значительнѣй изъ нихъ находится въ кишлакѣ ³⁾ Оби-Гармъ, въ глубокой ложбинѣ, почти въ центрѣ селенія. Онъ окруженъ деревяннѣимъ срубомъ, сбоку котораго по желобу падаетъ внизъ вода и бѣжитъ извилистѣемъ ключомъ между корней деревъ и кустарниковъ въ рѣку.

Поверхность воды въ бассейнѣ равна, приблизительно, 12 кв. аршинамъ, глубина не превышаетъ 2 аршинъ; температура воды 38° по Цельсію. Поднимающіеся со дна бассейна пузыри свидѣтельствуютъ объ обильномъ выѣденіи сѣрнаго газа. Передъ каждымъ намазомъ вокругъ этого источника собираются жители кишлака для омовеній, передъ послѣднимъ же намазомъ, незадолго до сна, сюда идутъ купаться. Цѣлебнѣя свойства мѣстнѣихъ сѣрнѣихъ ключей едва ли кому изъ населенія извѣстнѣ, хотя, безъ сомнѣнія, они существуютъ и при болѣшей культурности туземцевъ давно бы нашли должное примѣненіе.

¹⁾ Сурхоб—красная вода (*surx*, *sorx* по-персидски значитъ *красный*, *об*, *аб*—вода). Воды рѣки действительно красны вслѣдствіе большой насыщенности ихъ глиною.

²⁾ Вахшемъ, какъ извѣстно, въ древности назывался одинъ изъ городовъ Хоталана, отъ котораго получилось название и цѣлый округъ. Въ настоящее же время туркмены и узбеки, кочующіе по Вахшу, называютъ его *Vayish*, объясняя это тѣмъ, что въ ропотѣ волнъ быстро бѣгущей рѣки (течение Вахша действительно весьма быстро) какъ бы слышится *vayish-vayish*.

³⁾ Кишлакъ (или, вѣрище, *kyishlak*) по-туркски означаетъ *зимовку*, *зимнее жилище*. Во всѣхъ же горныхъ говорахъ значитъ *селеніе вообще* и произносится *кишлакъ*.

Отъ кишлака Оби-Гармъ пролегаетъ чрезъ долину Сурхоба широкая, прекрасно содержимая дорога, одна изъ лучшихъ, видѣнныхъ нами въ Нагорной Азіи. Она вѣтается по склонамъ горъ, по правую сторону рѣки, до перевала «Акбай-Куллюк-Карамукъ»¹⁾. Возможно, что здѣсь пролегалъ одинъ изъ древнихъ караванныхъ путей, связывавшій Бухару съ долиной Алая, Южною Ферганою и Китаемъ. Своимъ настоящимъ видомъ эта дорога обязана двумъ покойнымъ мѣрамъ²⁾ (губернаторамъ) Каратегина, именно: началъ ее разрабатывать въ 80-хъ годахъ прошлого столѣтія Худай-Назар-Аталыкъ, а за смертью его она была окончена его преемникомъ Алмас-Бекомъ (умершимъ, кажется, въ 1891 году). Пріятное впечатлѣніе отъ дороги еще болѣе усиливается при видѣ обильной растительности, насаженной по сторонамъ пути его строителями.

Вся долина р. Сурхоба представляетъ собою одинъ изъ цвѣтушихъ по природѣ уголковъ Нагорной Азіи. Гранаты, персики, сливы, абрикосы, миндалъ и проч. плоды, исполинскіе чинарьи, шапкообразные карагачи, раскидистыя могучія деревья грецкаго орѣха, хорошия пастбища съ свѣтлымъ нагульнымъ скотомъ и многочисленные кишлаки, потонувшіе въ зелени садовъ,— свидѣтельствуютъ о мягкомъ, тепломъ климатѣ страны и о большой производительности ея почвъ.

Мѣстныій мѣръ живетъ въ единственномъ городѣ страны, Гармѣ, лежащемъ на правомъ берегу Сурхоба. Во времена независимости Каратегина³⁾ это бывала резиденція его владѣтелей, которые, какъ и ханы Дарваза, вели свой родъ отъ Александра Македонского.

1) Такъ, по крайней мѣрѣ, называли намъ этотъ перевалъ мѣстные туземцы.

2) *Mir'ami* въ Бухарѣ называютъ *губернаторовъ* (сокращенное изъ арабск. *амиро* (امير) ⁽¹⁾ *князь, владыка, повелитель*), титулъ же *амир'a* придается исключительно коронованнымъ особымъ. На ряду со словомъ *миръ* въ большомъ ходу также тюркское *бекъ* (بک—*господинъ, князь*). Первое слово (*миръ*) употребляется больше интеллигенцію, второе же (*бекъ*)—простонародьемъ и русскими.

3) Послѣднимъ владѣтелемъ Каратегина былъ Музаффар-Шахъ, при которомъ Каратегинъ былъ присоединенъ къ Коканду, а самъ Музаффар-Шахъ взятъ въ плѣнъ и поселенъ въ Кокандѣ. Но вскорѣ послѣ этого (въ концѣ 1869 г.) у Коканда возникли изъ-за Каратегина крупныя недоразумѣнія съ Бухарою. Во избѣженіе вооруженного столкновенія между двумя ханствами, тогдашній Туркестанскій генералъ-губернаторъ, К. П. Кауфманъ, явился посредникомъ между обѣими враждующими сторонами и посовѣтовалъ Кокандскому хану Худояру возвратить Каратегинъ его прежнему владѣтелю Музаффар-Шаху, что и было исполнено. Послѣ же Музаффар-Шаха Каратегинъ былъ присоединенъ къ Бухарѣ, которая съ тѣхъ поръ и владѣеть имъ.

Сосѣдняя съ Карагиномъ страна—Дарвазъ. Она лежитъ на югъ отъ него, по обоимъ берегамъ Пянджа. Часть Дарваза по правую сторону Пянджа (Сѣверный Дарвазъ)¹⁾ занимаетъ западній склонъ Памирскаго плоскогорья; этотъ край изрѣзанъ глубокими долинами рѣкъ: Пянджа и его притоковъ справа: Оби-Хингоу, Ванджа и Язгуляна. Водораздѣлами этихъ рѣкъ служатъ два высокихъ хребта: Дарвазскій, между рр. Оби-Хингоу и Ванджемъ съ Пянджемъ, и Ванджскій,—между долинами рр. Ванджа и Язгуляна. Третій хребетъ — Петра Великаго, онъ проходитъ на сѣверѣ Дарваза и отдѣляетъ долину р. Оби-Хингоу отъ долинѣ Сурхоба. Въ верховьяхъ Ванджа всѣ упомянутыя горы ѿ ѿбѣи сходятся въ одинъ узелъ и сливаются съ Памирами.

Три долинѣ Сѣвернаго Дарваза по характеру ихъ мѣстности отличаются другъ отъ друга.

Такъ, долина Оби-Хингоу въ низовьяхъ во многомъ напоминаетъ сосѣднюю долину Сурхоба. То же разнообразіе растительности, плодовъ и фруктовъ и тѣ же прекрасныя урожаи хлѣбовъ, обусловливаемые теплымъ климатомъ и плодородiemъ почвѣ. Вѣше по рѣкѣ начинаетъ преобладать обычній горыій пейзажъ: болѣше встрѣчается обнаженнѣхъ склоновъ, покрытыхъ снѣгами горыіхъ вершинъ, попадаются ледники, глубокие овраги и сердитые потоки чаще пересѣкаютъ путь, преобладаетъ растительность, свойственная умѣренной и холодной полосамъ: береза, осина, таль, арча и проч.

При сліяніи четырехъ рѣчекъ, изъ которыхъ образуется Оби-Хингоу: Кыргыза, Гармб, Бухуда и Бодруда стоитъ послѣд-

1) Южный Дарвазъ лежитъ по лѣвому берегу Пянджа. По послѣднему Памирскому разграниченію этотъ край былъ отнятъ у Бухары и отданъ афганцамъ. По отзывамъ туземцевъ южная часть Дарваза весьма населенная и цвѣтущая. Жители съ величайшимъ неудовольствиемъ сносятъ тяжелое иго афганцевъ. Ежедневно чинимыя кровавыя расправы послѣднихъ надъ мирнымъ населеніемъ, грабежи, насилия надъ женщинами и проч. ужасы заставляютъ многихъ туземцевъ покидать свою родину и переселяться въ Бухару. Въ 1898 году, именно въ то время, когда мы находились въ Горной Бухарѣ, 400 семей бѣжало изъ Южнаго Дарваза въ Бухару, вынужденныхъ къ этому неистовствами новыхъ хозяевъ края. И на пути отъ г. Карагата до р. Сурхоба намъ то и дѣло встрѣчались мужчины, шедшие впереди нагруженныхъ разными скарбомъ лошадей и ословъ, на которыхъ сидѣли женщины, закутанныя съ ногъ до головы. На каждый вопросъ, откуда они идутъ, слѣдовалъ одинъ отвѣтъ: «изъ Афганистана», при чемъ многие разсказывали возмутительныя вещи о водвореніи афганцевъ въ отнятомъ отъ Бухары краѣ. По словамъ переводчика Хисарскаго Куш-Беги, Рахмат-Уллы *), Бухарское правительство охотно отводить этимъ бѣглецамъ мѣста для поселеній и, несмотря ни на какія требованія афганцевъ, рѣшило не выдавать ихъ.

*.) Нынѣ не состоить на службѣ у Куш-Беги.

ній кишилакъ долинѣ, Пашмгаръ, далѣе которого мѣстнѣя горы сливаются съ Памирами. Въ этомъ горномъ узлу лежитъ на высотѣ свыше 15 тис. футовъ надъ уровнемъ моря перевалъ Сытаргі¹⁾ въ долину р. Ванджа, или Ванча.

1) Здѣсь позволю себѣ привести изъ своей записной книжки нѣсколько словъ объ этомъ перевалѣ: по описанію Сытарги можно составить представление о перевалахъ вообще, такъ какъ далѣе въ книгѣ не разъ упоминается объ этихъ неизбѣжныхъ путяхъ сообщенія между мѣстными долинами.

... Рано утромъ, когда еще не занималась заря, всѣ люди были на ногахъ и спѣшили навьючивать лошадей. Еще послѣдніе сборы—и нашъ караванъ изъ двѣнадцати лошадей при пятнадцати людяхъ выступилъ къ перевалу.

Въ открывающейся передъ нами долинѣ бѣлѣли снѣжныя вершины горъ, чрезъ которыхъ мы собирались переваливать на Ванджъ. Взошедшій надъ горою мѣсяцъ обливалъ съ высоты безоблачного неба спящія окрестности. Неспѣшнымъ шагомъ, осторожно ступая межъ острыхъ камней, шли умныя горныя лошади. Вотъ поравнялись и миновали нальво тѣснину съ бѣлѣвшими громадами какого-то ледника. Дорога вступала въ узкое ущелье, гдѣ царилъ холодный полумракъ, хотя на дальнихъ снѣжныхъ вершинахъ уже дрожали первые розовые отблески утренней зари.

Верстъ пять ѿдемъ вверхъ по громаднымъ пластамъ твердаго, какъ камень, снѣга, мѣстами усѣяннаго обломками сланца, а мѣстами стаявшаго и обнаружившаго каменистую почву. По ней небольшимъ бурнымъ потокомъ, выбиваясь изъ-подъ снѣга, бѣжалъ Бохудъ. Вдругъ какъ то неожиданно выростаютъ передъ глазами громадные пласти льда, возвышающіеся исполинской стѣной чрезъ всю полуверстную ширину ущелья. Твердая снѣговая массы, идущія вверхъ, помогаютъ намъ безъ труда взобраться на ледникъ, по которому и продолжается путь до самой вершины перевала. Ледникъ, называемый туземцами «Пир-Ёх-Сытаргі» (вѣчный ледъ «Сытарги»), беретъ начало на издали виднѣющихся уступахъ горы, потонувшихъ въ снѣгу, и занимаетъ своею площадью пространство въ нѣсколько верстъ, причемъ самая масса льда покрыта сверху толстымъ слоемъ снѣга. Въ самомъ началѣ пути по ледникушли поперечная глубокія трещины, хотя и не особенно широкія. По словамъ мѣстныхъ таджиковъ, самыя широкія и опасныя разсѣлины бываютъ на ледникахъ въ то время, когда созрѣвшій грекій орѣхъ начинаетъ лопаться, т. е. въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Эти трещины не мало затрудняли путь, такъ какъ лошадямъ приходилось дѣлать чрезъ нихъ прыжки *) и тонуть въ снѣгу, изъ которого ихъ стоило не малаго труда выручить.

Но вотъ опасное мѣсто миновало, небольшой подъемъ кверху—и мы на обширной снѣжной равнинѣ, составляющей прямое продолженіе того же ледника. Всюду, куда ни кинешь глазомъ, одно снѣжное поле; залитое солнечными лучами, оно ослѣпительно рѣжетъ глаза своимъ яркимъ нестерпимымъ свѣтомъ. Безъ темныхъ очковъ нельзя обойтись; сопровождающіе насъ туземцы то и дѣло закрываютъ глаза руками или, упавъ ничкомъ, пологу лежать на снѣгу съ сомкнутыми глазами.

Нѣсколько верстъ ѿдемъ по снѣжному полю и, не дойдя до его конца, свертываемъ вправо, гдѣ высокой, почти отвѣсной стѣной возвышается снѣговой валъ, на немъ чернѣютъ какія-то движущіяся точки, рѣзко выдѣляющіяся на снѣжной бѣлой скатерти. Это таджики съ Ванджа выѣхали къ намъ навстрѣчу. Подѣзжаемъ къ этому мѣсту, сходимъ съ лошадей и пѣшкомъ вѣзираемся на верхъ снѣжной стѣны, такъ какъ разрыхлѣвшій снѣгъ не только не держитъ лошадь, но даже проваливается подъ ногами человѣка. Выюки сняты съ лошадей и на людяхъ внесены на верхъ; началось втаскиванье животныхъ, обильное всякими бьющими по нервамъ сценами. Послѣ полуторачасового подъема лошадей на высоту не болѣе трехъ саженъ весь караванъ былъ наконецъ на самомъ гребнѣ перевала, на высотѣ свыше 15.000 футовъ надъ уровнемъ моря, среди вѣчныхъ льдовъ и снѣговъ, среди абсолютной

*) Выюки, конечно, передъ этимъ снимались съ лошадей, причемъ это развязыванье и выключение отнимали не мало времени.

Послѣдняя заключена между двумя хребтами горъ: Дарвазскимъ (по правую сторону рѣки) и Ванджскимъ, отдѣляющимъ эту долину отъ долинѣ р. Язгуляна.

Всю ширину Ванджской долинѣ занимаетъ обмелѣвшее русло рѣки¹⁾, сплошь усѣянное большими и мелкими камнями. Мутнѣя же воды Ванджа бѣгутъ въ центрѣ этого русла въ видѣ небольшого потока. На оползняхъ съ сосѣднихъ горъ юятся кишлаки, густо заросшіе растительностью, съ пшеничными и ячменными полями подлѣ хижинъ, чего въ прочихъ описываемыхъ нами мѣстностяхъ не встрѣчается. Подобное сосредоточие садовъ, полей и жилищъ въ одномъ мѣстѣ, среди окружающей безплодной каменистой почвы, придаетъ мѣстнѣмъ селеніямъ видъ оазисовъ среди пустыни.

Въ низови р. Ванджа лежитъ самыи значительныи кишлакъ долинѣ, Кал'аи-Ванджъ, или Кал'аи-Рохарвъ (крѣпость Ванджъ, крѣпость Рохарвъ). Укрѣпленіе въ немъ до сихъ поръ довольно хорошо сохранилось. Оно стоитъ на обрывистомъ берегу рѣки, стѣнѣ мѣстами глинобитныя, мѣстами сложены изъ кирпичей и камней. По бокамъ лицевой стороны крѣпости—двѣ полуразрушенныи зубчатыи башни. Отъ крѣпостныхъ воротъ сохранились лишь притолки и соединяющая вверху ихъ балка. Этотъ проходъ, да еще справа его большая брешь въ стѣнѣ ведутъ во дворъ, гдѣ неизмѣнныie переходы съ темными сводами, подпerteими рядами рѣзныхъ деревянныхъ

тишины и покоя. Усталые люди, зажмутивъ глаза, неподвижно лежали на снѣгу; измученные лошади, покрытыя пѣною, съ окровавленными копытами, едва держались на ногахъ.

Послѣ небольшой передышки стали спускаться въ снѣжную долину, ведущую на Ванджъ. Сначала скатили съ снѣгового гребня на разостланыхъ кошмахъ вещи, а потомъ свели лошадей и сошли сами. Дальнѣйшій спускъ верстъ на 10—12 шель по довольно мягкому снѣгу, что по ровной дорогѣ затрудняло бы движение, но здѣсь, при крутизне ската, это сослужило не малую службу. Ноги сами-собой быстро двигались впередъ, такъ что ихъ приходилось задерживать въ рыхломъ снѣгу. Попрежнему мѣшалъ нестерпимо яркій солнечный свѣтъ, отражаемый необычайной бѣлизной снѣговъ, да среди окружающего холднаго воздуха сильно жгло руки и лицо горячее солнце.

Послѣ двухчасовой безпрерывной ходьбы или, лучше сказать, бѣга внизъ по снѣгу мы достигли голыхъ, лишенныхъ снѣга черныхъ скаль, усѣянныхъ камнями. Отсюда шла узкая тропа, вьющаяся по крутымъ обрывамъ и уступамъ скаль, взирающаяся въ высъ и опять круто спускающаяся внизъ. По этой тропѣ мы сдѣлали весь остальной спускъ на лошадяхъ до самой долины р. Ванджа, которая своею зеленою и теплomъ производила крайне отрадное впечатлѣніе послѣ четырнадцатичасового пребыванія въ снѣгахъ и льдахъ.

1) Мы были въ долинѣ Ванджа въ концѣ іюня и началѣ іюля, когда разливъ рѣкъ отъ таянія снѣговъ въ горахъ еще не начинался.

колоннъ, раздѣляются вѣсокими и низкими дверями, сплошь покрѣтвими затѣйливою рѣзьбою.

Крѣпость, по преданію, бывала построена лѣтъ двѣстѣ тому назадъ дарвазскимъ ханомъ, Азиз-Ханомъ, и, вѣроятно, не разъ сослужила хорошую службу ея защитникамъ во времена независимаго Дарваза. Теперь въ ней живеть амлекдѣръ (начальникъ округа) долинѣ Ванджка. Отъ покоевъ прежнихъ властителей сохранилась небольшая комната въ углу крѣпости къ рѣкѣ; двери и окна въ ней вѣбиты, на полу навалены кучи мусора и пыли, съ потолка мѣстами висятъ куски грошоввихъ обоеvъ русской фабрикаціи, слѣды, повидимому, позднѣйшаго безвкуснаго укращенія. Когда-то прекрасно оштукатуренныя алебастромъ и укращенныя лѣпнинъ орнаментомъ стѣны почти сплошь покрѣтви многочисленными надписями посѣтителей. Для образца позволяю себѣ привести дѣль изъ нихъ.

دوران شکست شیشة امید با سنگ
از دل صدای ناله درین کوهسار رفت
جواب
انها که روز دولت عالی بتافتند
با صد فغان ناله خونبار رفت

Что вѣ перевода съ персидскаго гласить слѣдующее: «судьба разбила камнемъ сосудъ надеждъ, и истогнутые изъ сердца вопли и крики пронеслись надъ этой горной страной. Поясненіе: тѣхъ, которые проводили дни вѣ великомъ счасти, съ сотнею стоновъ и рѣданій унесъ потокъ кровавый». Это по одну сторону двери, а по другую: «Прибыль разѣздъ 25 числа августа за старшава обѣщикъ Яковъ Черновъ. и джигитъ Николай Каплун. и перевочикъ Ашурбай. 1896 Года».

За Кал'аи-Ванджемъ долина Ванджка вѣсматриваетъ очень печальною. Здѣсь, въ самомъ концѣ ея, находится распутье двухъ дорогъ: направо дорога лежитъ на Кал'аи-Хумъ, главнѣй городъ Дарваза, налево, по дрожащему мостику чрезъ рѣку, пролегаетъ по голымъ, вѣжженнымъ солнцемъ холмамъ путь на Язгулянъ и Рошанъ, который дальше, вдоль Пянджа, переходитъ вѣ тропу, но такую, обратившуюся по которой лишь могутъ опытные и бывалые туземцы. Она вѣтается надъ обрывистымъ и каменистымъ берегомъ Пянджа часто на головокружительной вѣсотѣ; ея ширина вѣ общемъ не превосходитъ фута, даже менѣе.

Мѣстами на ней лежатъ огромные камни, на которые приходится взбираться, рискуя сломать себѣ шею, мѣстами же пересѣкаютъ пропасти. Для переправы черезъ послѣднія, по словамъ туземцевъ, существуютъ особья приспособленія—воткнутые въ разсѣяніи скаль шесты, отъ которыхъ спускаются на разстояніи аршина другъ отъ друга веревки, къ ихъ концамъ внизу прикреплены толстые палки. Желающій переправиться на ту сторону пропасти хватается обѣими руками за палку и, отведя ее руками назадъ, ногами отталкивается отъ земли и перелетаетъ на другую сторону. Туземцы называютъ эту тропу «брой-маймунъ» т. е. обезьянья дорога. Съ нами бывъ на этой тропѣ ея строитель, бадахшанскій таджикъ (дорога «построена» нѣсколько лѣтъ тому назадъ по приказанію Хисарскаго Куш-Беѓи), который чистосердечно увѣрялъ насъ, что хуже и опаснѣе его сооруженія нѣть во всемъ свѣтѣ. И чтобы добраться до Рошана такимъ путемъ, надо идти 20 верстъ до Язгуляна, отъ Язгуляна 8 верстъ можно сдѣлать на лошади до Вазнау, а отъ Вазнау опять такая же тропа вплоть до самаго Кал'аи-Вамара, главнаго города Рошана¹⁾. Другого сообщенія, болѣе удобнаго, не существуетъ, если не считать Гуш-Хона (кровь изъ ушей) и другихъ переваловъ съ Ванджа на Язгулянъ, но они болѣе или менѣе продолжительное время въ году, вслѣдствіе снѣга, бываются закрытыми, почему постоянною дорогою въ Рошанъ и Шугнанъ остается эта «обезьянья тропа». Болѣе же удобная и широкая дорога въ Рошанъ находится на лѣвомъ берегу Пянджа и отошла къ Афганистану опять по тому же «вѣгодному для Россіи» Памирскому разграниченію.

Верстахъ въ пяти отъ распутья дорогъ на Рошанъ и Кал'аи-Хумъ Ванджъ сливаются съ темными бурными водами древняго Окса, носящаго здѣсь название *Пянджъ*²⁾. На про-

¹⁾ Эти свѣдѣнія собственноручно вписаны въ мою записную книжку (по-персидски) амлекдаромъ Ванджской долины и цѣликомъ взяты оттуда.

²⁾ О происхожденіи этого названія среди туземцевъ существуетъ одна легенда, которую привожу здѣсь въ дословномъ переводѣ съ таджикскаго, какъ мнѣ рассказывалъ ее въ темную ночь въ Кал'аи-Хумскомъ губернаторскомъ саду сопровождавшій насъ эмирскій «джевачі» (нынѣ «карауль-бѣги»), Сайд-Махрам-Бекъ *).

«Однажды сидѣлъ Пророкъ—да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе—въ Медин-

*) Между прочимъ варіантъ (но относящейся не къ р. Пянджу) приводимаго мною разсказа можно найти въ книгѣ Борнса «Кабулъ» (См. русскій переводъ по порученію П. В. Голубкова, изд. 1847 г., т. I-й, стр. 326—329).

тивоположной сторонѣ, въ противовѣсь унѣлому и безжизненному берегу, прекрасный видъ на зарѣчье, принадлежащее Афганистану: по живописному берегу раскинулся большой кишлакъ Джомарчъ, вѣше его, на склонахъ горѣ, темнѣютъ перескокъ храмъ, окруженный своими «асхабами» (сподвижниками). Приходитъ къ нему убѣленный сѣдинами старець—правовѣрный и говоритъ:

— Посланникъ Божій, что мнѣ дѣлать? Я задолжалъ одному еврею 1000 «ашрафи»*) и нынѣ подошелъ срокъ расплаты, а я ничего не имѣю, чтобы заплатить свой долгъ, и потому еврей требуетъ: или я принялъ бы его вѣру, или отдалъ бы за него свою дочь, или же заплатилъ 1000 «ашрафи».

И сказалъ Пророкъ, обращаясь къ своимъ «асхабамъ»:

— Кто изъ васъ можетъ выкупить этого старца изъ рукъ еврея?

Никто не отозвался, кромѣ Алія, Льва Господня. Поднялся онъ и сказалъ:

— Пророкъ Божій, я помогу этому старцу уплатить его долгъ.

— Отлично, произнесъ Пророкъ.

И вышелъ Алій съ старикомъ изъ храма и сказалъ ему:

— Отнынѣ я твой невольникъ. Кто бы тебя ни спросилъ обо мнѣ, говори, что я рабъ твой, и кто станетъ меня покупать у тебя, проси за меня тысячу «ашрафи». А теперь садись мнѣ на плечи и читай «фатиху» (1-ю суру Корана), когда окончишь ее, можешь открыть глаза.

И сдѣлалъ старику такъ, какъ приказалъ ему Алій: сѣль ему на плечи, закрылъ глаза и сталъ читать «фатиху», и когда кончилъ ее и открылъ глаза, то увидѣлъ себя въ незнакомомъ большомъ городѣ. Этотъ городъ былъ въ самомъ верховыи теперешняго Пянджа и царствовалъ въ немъ царь Барбаръ, терпѣвшій со своими подданными много бѣдствій отъ двухъ золь: отъ нападеній дракона (аждахѣра), въ страхѣ державшаго всю окрестность и жившаго подлѣ города, и отъ опустошительныхъ разливовъ рѣки. Когда увидѣли люди города незнакомаго старца съ Аліемъ, то изумились тучности послѣдняго и его великому росту и спросили:

— Кто это такой?

— Это мой невольникъ, сказалъ старикъ.

И повели ихъ обоихъ къ царю. Увидѣлъ царь Алія и, взглянувъ на его богатырскую наружность, взымѣлъ намѣреніе купить его во что бы то ни стало.

— Сколько стоитъ твой невольникъ? спросилъ онъ старика.

— Тысячу «ашрафи», отвѣчалъ тотъ.

Заплатилъ царь безъ торгу спрошеннную сумму и остался у него Алій, а старику, получивъ деньги, вернулся въ Медину и уплатилъ долгъ еврею.

Призвалъ однажды царь Алія и сказалъ ему:

— Рабъ мой Алій, хорошо бы было, если бы ты сразился съ дракономъ, который живетъ подлѣ нашего города и опустошаетъ окрестности. Ты силенъ и могучъ, можетъ быть тебѣ удастся одолѣть его.

Взялъ Алій свой мечъ Зульфикаръ и пошелъ за городъ къ жилищу дракона, держа передъ собой обѣими руками поднятый кверху обнаженный мечъ. Увидѣлъ его драконъ, поднялся съ мѣста, выступилъ противъ Алія, раскрывъ свою громадную пасть, и съ страшной силой сталъ втягивать въ себя воздухъ. Попалъ Алій въ это воздушное теченіе и какъ перо полетѣлъ во внутренность «аждахора», по пути разрѣзавъ ему остріемъ Зульфикара горло и желудокъ, отчего онъ и издохъ. Святѣйшій же Алій, очутившись во внутренности дракона, прорубилъ оттуда себѣ выходъ наружу и съ торжествомъ явился въ городъ, избавивъ такимъ образомъ населеніе отъ страшнаго чудовища. Щедро одарилъ царь своего раба за такой подвигъ.

Прошло нѣсколько времени, опять призываютъ царь Барбаръ Алія и говорить ему:

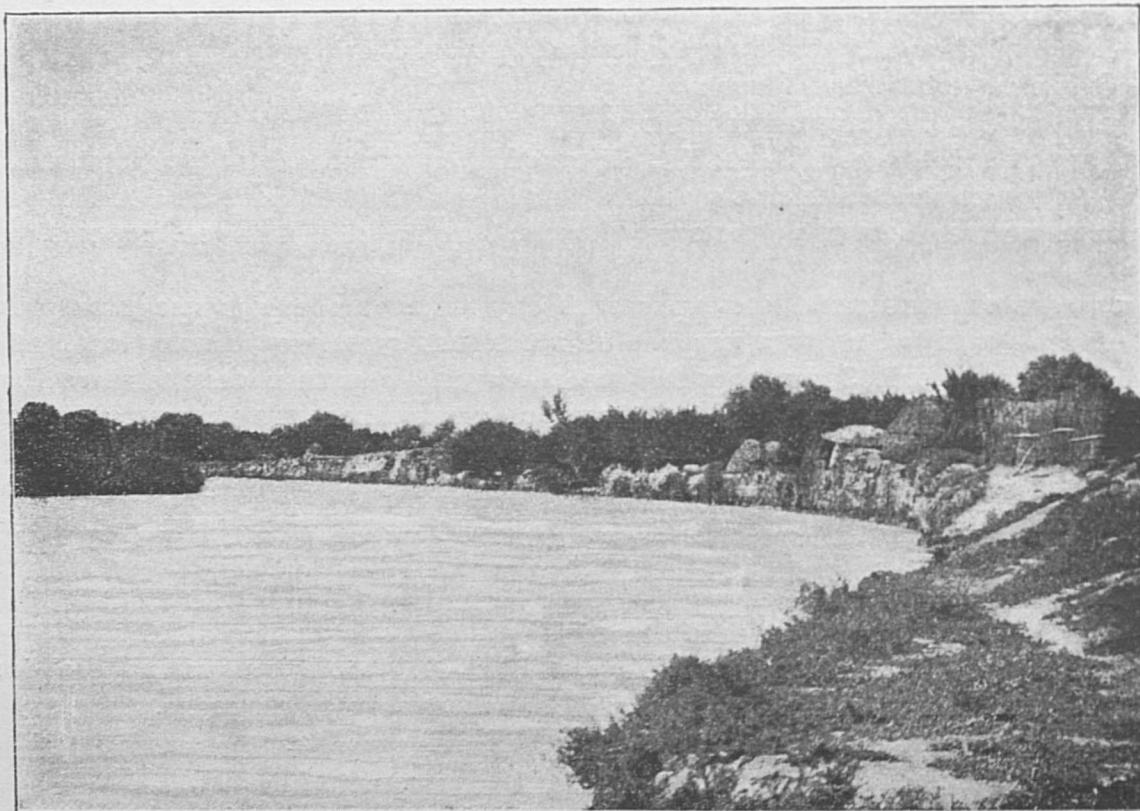
*) Золотая индійская монета стоимостью около 14 рублей на наши деньги.

лѣски, зеленѣютъ сады, золотятся посѣвы ячменя и пшеницы и бѣлѣютъ хижинки другихъ кишлаковъ.

Доволено «замѣловатая» дорога въ Кал’ай-Хумъ вдоль праваго берега Пянджа можетъ называться извѣстнаго рода по-

— О, Алій, ты сдѣлалъ великое дѣло, котораго я никогда не забуду: ты убилъ дракона. Попробуй совершить еще одинъ подвигъ и я тебя освобожу совсѣмъ: отведи воды рѣки въ другое мѣсто. Я дамъ тебѣ въ помощь тысячу слугъ.

И пошелъ святѣйшій Алій съ тысячью царскихъ слугъ за городъ къ рѣкѣ; дойдя до берега, онъ отпустилъ ихъ всѣхъ домой. Пошли всѣ слуги царя назадъ, лишь одинъ остался, который незамѣтно спрятался за дерево и сталъ наблюдать, чтѣ сдѣлаетъ Алій. И видѣлъ этотъ царскій невольникъ, какъ сталъ Алій на колѣни и вознесъ Богу горячую молитву о

Аму-Дарья въ равнинѣ (у кипл. Сарай).

благополучномъ исходѣ возложеннаго на него порученія. Потомъ всталъ, схватилъ свой мечъ Зульфикаръ и съ страшной силой ударили имъ по одной изъ горъ, которыя тянулись вдоль берега повыше города. Распалась гора на двѣ части и воды рѣки съ страшнымъ шумомъ устремились въ эту разсѣлину, но въ это время половина горы обрушилась и завалила вновь образовавшійся проходъ, полное потопленіе грозило всей окрестности. Но Алій, Левъ Господень, не смутившись этимъ, протянулъ свою могучую руку и вытянутыми пятью пальцами ея пронзилъ скалу, преградившую ходъ водамъ рѣки. Отъ этого въ пять образовавшихся отверстій въ горѣ пятью ручьями потекла рѣка. Отсюда и произошло самое название ея *Пянджъ*, что значитъ *пятерня*, по имени пятерни Алія, Льва Господня.

Въ нижнемъ своемъ теченіи, послѣ принятія справа и слѣва многочисленныхъ притоковъ, Пянджъ становится болѣй и широкой рѣкой, почему живущіе тамъ полукочевые и кочевые туркмены и узбеки различныхъ племенъ называютъ его *Амин-Дарьѣ*, т. е. великая рѣка, такъ какъ слово *амин* по-туркменски и узбекски означаетъ *великий, огромный, а также—старшина*. Вѣроятно, это название вначалѣ было всеобщимъ, но многія племена,

двигомъ, такъ какъ Дарвазъ здѣсь представляетъ мрачную и малопривѣтливую мѣстность. Дорога здѣсь идетъ мудренѣми

отличающіяся грубымъ выговоромъ, исказили это слово въ общеупотребительное Амун-Дарьѣ, Амѣ-дарьѣ и даже Амбў-Дарьѣ. Подъ такими названіями Пянджъ извѣстенъ у большинства туркменъ и узбековъ въ нижнемъ теченіи. Говорятъ, что въ далекую старину его теченіе было не тамъ, гдѣ теперь. Эта рѣка протекала чрезъ то мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ Бухара, и тамъ, гдѣ теперь находится мечеть Могакъ *), бывъ страшный водоворотъ, причинявший окрестнымъ жителямъ не мало заботъ и беспокойствъ. Отсюда Амин-Дарьѧ шла къ Ургенчу и сливалась по близости его съ Сыр-Дарьёю(?). Но теченіе Амин-Дарьѧ измѣнилось по случаю того, что пророкъ Хызръ, придя въ Бухару и видя водоворотъ, ревъ и шумъ котораго пугали людей, отправился вверхъ по рѣкѣ, непрестанно молясь Богу, чтобы Онъ отвелъ рѣку въ другое мѣсто, и Аллахъ услышалъ молитву святого: приказалъ рѣкѣ идти по тому пути, которымъ она сейчасъ течетъ, т. е. на Керки, Чарджуй и т. д.».

Какъ бы въ подтвержденіе словъ почтеннаго Сайд-Махрам-Бека о названіи «Амин-Дарьѧ» намъ самимъ пришлось услышать это слово впервые въ кишлакѣ Сайдъ, въ Кулябской провинціи, въ равнинной Бухарѣ, на границахъ Афганистана.

Случайно въ разговорѣ съ узбекомъ, подававшимъ намъ чай, мы спросили его, указывая на рѣку:

— Какъ называются эти воды?

— Амин-Дарьѧ, отвѣчалъ узбекъ и въ видѣ поясненія тутъ же добавилъ: «каттѣ-дарьѧ-дэ», т. е. большая, громадная рѣка.

И во время дальнѣйшаго путешествія по равнинной Бухарѣ, желая проѣхать справедливость вышеприведенныхъ объясненій, мы неоднократно разспрашивали при случайныхъ нашихъ встрѣчахъ узбековъ и туркменъ разныхъ родовъ, какъ они называютъ рѣку, на берегахъ которой живутъ, и всегда ото всѣхъ слышали одно название «Амѣ-Дарьѧ», конечное и въ словѣ *амин* отбрасывалось для сокращенія. Когда же спрашивали, что значитъ *ами*, то узбеки и туркмены поясняли, что это слово (при чемъ отдельно взятое произносили полностью, *ами*) значитъ *каттѣ*—великій, огромный.

Повидимому, старо-персидскія *амун* и *амуйя* (آمویه، آمون) оба въ значеніи *полный, переполненный до краевъ, многоводный, великий* (о рѣкѣ)—были общеупотребительными названіемъ древняго Окса

[(тадж.) *Омун-Дарьо*, *Омуїй-Дарьо* *Дарьо-Омун, Дарьо-Омуїй* *Омун, Омуїй*]
[(перс.) *Амун-Даріا*, *Амуїй-Даріا*, или *Даріاء-Амун, Даріاء-Амуїй*, а то и просто *Амун, Амуїй*]
среди иранскаго населенія, жившаго по его берегамъ; нахлынувшія же на Приаму-дарынскіе оазисы орды кочевниковъ тюрко-монгольского происхожденія не дали рѣкѣ своего названія, а оставили прежнее персидское, немного лишь измѣнивъ его (*Амун, Амѣ, Аму, Амбў*)]

Хотя есть и другая версія относительно происхожденій названія «Аму-Дарьѧ»: по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ лучшихъ персидскихъ словаряхъ (какъ, наприм., въ Борханѣ-Катѣ и Фархангѣ-Джехангири) наряду съ вышеприведенными названіями Окса (Амун, Амуїй), говорится также, что название «Аму» рѣка получила отъ города Аму или Амуїй, находившагося на ея берегахъ. Грамматически же слово *amu* или *amuy* означаетъ повелительное наклоненіе и основу глагола *амудан* наполнять, дѣлать полнымъ (о жидкости); б. украшеннымъ; смѣшать.

اموی بسکون یای حطی نام شهریست بر کنار جیجون و چیجون منسوب با نشهرست
و بمعنی پر کردن و مملو ساختن وامر با ین معنی و فاعل هم آمده است

(Борханѣ-Катѣ', изд. въ Лукновѣ 1888/1305 г., т. I, стр. 44).

امو رو دخانه ايست معروف که هياب ايران و توران واقع است گويند ديده است
امو نام که اين رو دخانه بنام آن ديه موسوم شده باشد

(Фархангѣ-Джехангири, изд. въ Лукновѣ 1876/1293 г., т. I, стр. 81).

*) Эта мечеть подземная. По преданію, въ нее сходились для молитвы первые мусульмане, а по другой версіи—послѣдователи ученія Зороастра.

зигзагами, извиваясь по карнизамъ и вѣступамъ скалистаго берега рѣки, порою пролегаетъ по навѣсамъ, устроеннымъ изъ сухихъ вѣтвей, листьевъ, камней и земли, которые наложены на ряды толстыхъ кольевъ, воткнутыхъ въ разсѣянныя скаль подчасъ на головокружительной вѣсотѣ. Часто при одномъ только прикосновеніи конскаго копыта подобный балконъ весь содрогается и вотъ-вотъ, думается, оборвется и полетитъ внизъ, унося за собою и коня, и сѣдока. Кончается такой ходенемъ-ходящій навѣсъ, тянущійся на нѣсколько саженъ, и дорога лѣзетъ вверхъ. Лошадь напрягается изо всѣхъ силъ и карабкается въ вѣсъ, цѣпляясь копытами за острѣе камни тропинки. Иногда путь вѣется, какъ винтовая лѣстница: бѣдущій впереди пробирается како разъ надъ головой, задніе движутся внизу, подъ ногами лошадей. Приподнявшись на стременахъ и заглянувъ внизъ, видишь, какъ отсвѣчивающейся узкой полосой бѣгутъ тамъ темнѣя воды Пянджа, да едва замѣтной тонкой змѣйкой вѣется прибрежная тропа на афганскомъ берегу.

Съ гребней громадныхъ освѣпей, вдоль которыхъ иногда пролегаетъ дорога, часто рушатся внизъ большие и мелкие камни, грозя путнику не малою опасностью, и идущіе впереди проводники - туземцы въ такихъ мѣстахъ пугливо посматриваютъ вверхъ и торопятъ бѣхать какъ можно быстрѣе. Какъ-то инстинктивно чувствуютъ это и лошади: гдѣ позволяетъ дорога — онѣ сами подвигаются впередъ рѣсью безъ понуканія.

Ближе къ Кал'ай-Хуму (съ кишлака Пошхарвѣ) дорога улучшается, хотя окрестный пейзажъ почти такъ же мало отраденъ, какъ и на пройденномъ пути: тѣ же каменистѣя, по большей части голыя скалы, тѣ же бѣдные кишлаки съ преобладающими тутовыми насажденіями и небольшими посѣвами ячменя, пшеницы и хлопчатника. Сплошь да рядомъ поля, за недостаткомъ удобныхъ мѣстъ для земледѣлія вблизи селеній, встречаются вдали отъ послѣднихъ на страшной вѣсотѣ. Глядя на такие посѣви, невольно разводишь руками отъ удивленія: какъ

Что касается употребленія у узбековъ и туркменъ того же слова *амин* (амун) въ значеніи *старшины*, на что указываетъ въ своемъ разсказѣ Махрам-Бекъ, то для обозначенія этого понятія употребляется арабское *амін* — тотъ, кому довѣряютъ, надежный, вѣрный *человѣкъ*; это слово, въ значеніи *сборщика податей*, *уполномоченного*, *выборного отъ общества*, употребляется, между прочимъ, и туркменами Ахал-Текинского и Тедженского оазисовъ Закаспійской области. Вообще, послѣднее *амин* сходно съ первымъ, взятымъ съ персидскаго и употребляемымъ въ значеніи *ката*, только лишь по звучанию.

могъ человѣкъ взобраться на такую поднебесную вѣсъ и заѣять тамъ эти необычайныя поля, безмолвно говорящія гла-замъ и сердцу каждого проѣзжаго чужеземца о томъ, что не сладкая доля владѣльца приволѣніяхъ пажитей, а тяжелое безземелье пасынковъ природѣ заставило здѣшняго таджика разработать поле на такой вѣсотѣ.

Столица всего Дарваза и вмѣстѣ съ тѣмъ его единственнѣй городъ—*Кал’аи-Хумъ*, или, какъ часто называютъ его мѣстныя туземцы, «Дарвозъ». Онъ производить весьма пріятное впечатлѣніе разнообразною зеленѣю своихъ садовъ, съ мелѣкающими изѣ-за нихъ бѣлыми домиками и прелестныимъ видомъ на дальние кишлаки, разбросанные ниже его по рѣкѣ и выше, по горнѣмъ склонамъ.

Образцовая чистота въ городѣ, столь не свойственная вообще Востоку, пріятно поражаетъ каждого заѣзжаго. Эта опрятность тщательно поддерживается: улицы по нѣскольку разъ въ день поливаются, мусоръ и всякия нечистоты удаляются, деревья, какъ и вездѣ въ Горной Бухарѣ, заботливо охраняются отъ различныхъ поврежденій и аккуратно поливаются, вслѣдствіе чего въ городѣ масса зелени.

Громадныій садъ бывшихъ дарвазскихъ хановъ, нынѣ находящійся въ вѣдѣніи мѣстнаго мира, наполненъ старыми виноградниками, исполинскими чинарами, карагачами и всевозможными фруктовыми деревьями. Пріятное впечатлѣніе, производимое имъ, еще болѣе усиливается при видѣ того ухода, который онъ полѣзуется. Разбитый на части побѣдоносными бухарцами каменнѣй тронъ бывшихъ «царственныхъ» потомковъ Александра (авлѣди-подио-Искандар) лежитъ здѣсь у подножья великана-карагача и молча напоминаетъ о сущности человѣческой жизни¹⁾. Этотъ садъ извѣстенъ во всей горной Бухарѣ и на-

1) Дарвазъ былъ окончательно покоренъ Бухарою при покойномъ эмирѣ Сайд-Музаффар-Эддин-Ханѣ. Послѣдній «Искандаридъ», Сиродж-Ханъ, сѣдовласый старецъ, былъ привезенъ въ Бухару, где и умеръ плѣнникомъ. Многочисленные его родственники: братья, сыновья и проч. всѣ почти куда-то безслѣдно исчезли: кто умеръ въ изгнаніи, кто безславно сгинулъ въ бухарскихъ клоповникахъ. Нынѣ въ живыхъ находятся лишь четыре сына Сиродж-Хана и его братъ Махмуд-Ханъ. Послѣдній съ двумя своими племянниками бѣжалъ въ Кабуль и послѣднее время состоялъ великимъ визиремъ у Абдур-Рахман-Хана; его племянники занимаютъ въ Афганистанѣ тоже какія-то придворныя должности. Два другихъ сына Сиродж-Хана бѣжали къ русскимъ и теперь живутъ въ Кокандѣ, получая отъ русского правительства пенсію (?)

Всѣ эти свѣдѣнія получены нами въ Дарвазѣ отъ мѣстныхъ туземцевъ и нѣкоторыхъ

звівається туземцами не іначе, якъ «Ирэмъ», т. е. райський садъ¹⁾.

Кал'аи-Хумъ оченъ невеликъ: въ немъ едва ли наберется тисячи полторы жителей. Широкія, прямвія улицы его застроены маленькими глинобитными вибленіями постройками. Кривые базары въ центрѣ города, обывчайна принадлежность почти каждого восточного города, здѣсь отсутствуютъ, а торгуютъ на всѣхъ почти улицахъ, при чёмъ и лавки и товары крайне убоги: въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, висятъ пять-шесть тюбетекъ, въ другомъ—лежатъ куска два-три дешеваго русскаго или англійскаго ситца и только.

Рядъ низкихъ, замѣчательно чиствихъ казармъ²⁾ съ цвѣтниками передъ ними и ярко вѣчищенніями дулами ружей въ козлахъ служитъ пріятнѣмъ дополненіемъ къ окружающей опрятности.

Памятниковъ независимаго Дарваза въ Кал'аи-Хумѣ почти не сохранилось. Дворецъ мира—глинобитная крѣпость—внутри подвергся существенному ремонту и заново перестроенъ лѣтъ двадцать тому назадъ, какъ гласить вѣрѣзанный по-персидски на одной изъ дверей тарихъ (дата). Городская мечеть съ бронзовой люстрой въ ней при насы подвергалась капитальной передѣлкѣ. Единственное, что осталось, это упомянутый старый садъ съ разбитымъ царскимъ трономъ да извѣстнія камения чаши.

О послѣднихъ слѣдуетъ сказать поподробнѣе, такъ какъ городъ отъ нихъ и получилъ свое название (Кал'аи-Хумъ или Кал'аи-Хумбъ въ переводѣ съ персидскаго значитъ «крепость чаши, горшка»³⁾), да къ тому же въ нѣкоторыхъ описаніяхъ путешествій по Дарвазу почти всегда упоминается объ этихъ достопримѣчательностяхъ Кал'аи-Хума.

бухарскихъ чиновниковъ, съ которыми приходилось встречаться во время путешествія. Насколько все это достовѣрно, судить не берусь.

¹⁾ Въ персидской литературѣ слово *эрэм* употребляется въ значеніи рая вообще. Въ арабскомъ же языке *ирам* (إِرَم) означаетъ имя области, обитаемой племенемъ Адъ, которое Богъ истребилъ за беззаконія.

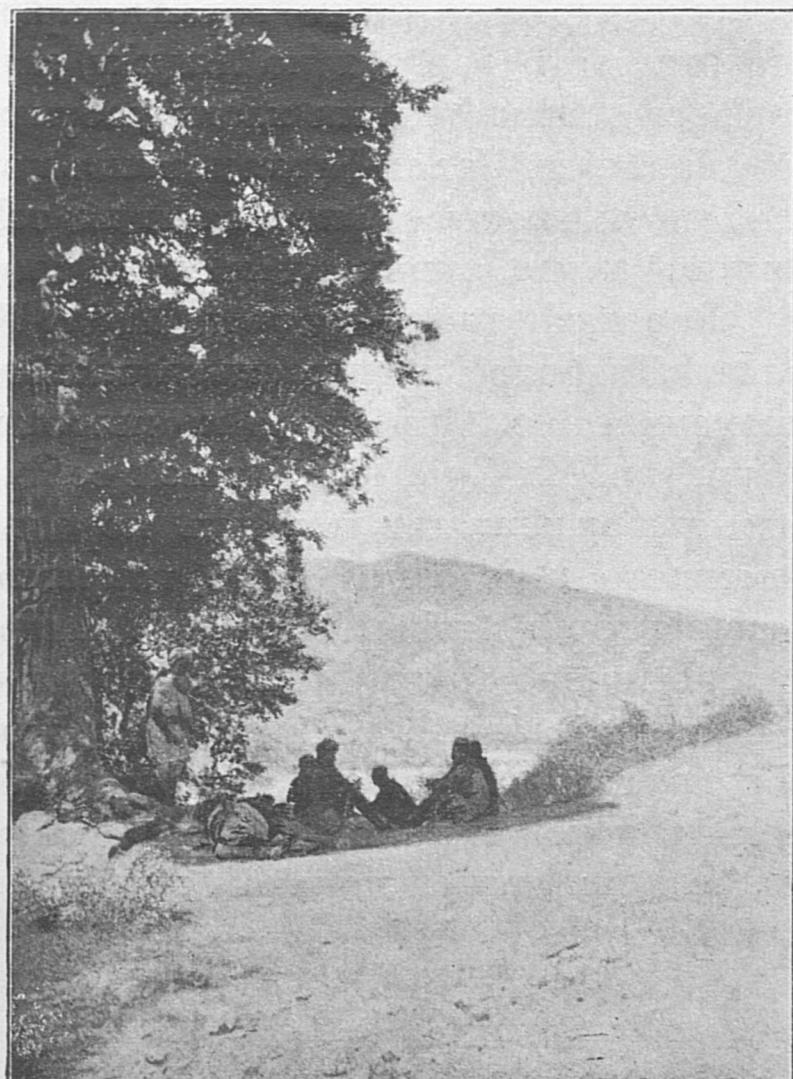
²⁾ Въ Кал'аи-Хумѣ находится бухарскій гарнизонъ, меняемый чрезъ каждые два года, на противоположномъ же берегу Пянджа, въ крѣпостцѣ, стоитъ афганскій отрядъ. Вечерами военная музыка бухарскихъ и афганскихъ войскъ безпрерывно раздается то на томъ, то на другомъ берегу.

³⁾ *Кал'а* (قلعه) по-арабски — крѣпость; *хум*, *хумб* или *хом*, *хомб* (خُمْب) по-персидски — большая чаша, горшокъ, большой сосудъ вообще.

Чаши находятся въ концѣ той улицы, гдѣ стоять казармы, на берегу рѣчки Калян-Хумъ, впадающей въ Пянджъ. Обѣ сдѣланы изъ цѣлѣнаго камня, каждая въ диаметрѣ имѣеть аршина полтора-два, въ глубину — поларшина. Одна чаша съ отколотымъ краемъ лежитъ на улицѣ, а другая — въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ первой задѣлана въ уголъ каменной ограды чвего-то сада, такъ что виденъ одинъ лишь край.

Мѣстные ученые муллы, мирзы¹⁾ и миръ говорятъ, что эти чаши сдѣланы руками дэвовъ по повелѣнію Александра Македонскаго, бывшаго здѣсь во время своихъ азіатскихъ завоеваній. Возможно, что прежніе ханы независимаго Дарваза, считая себя потомками Великаго Македонца, хотѣли видѣть въ этихъ посудинахъ памятникъ могущества ихъ славнаго предка и потому создали эту легенду, до нынѣ повторяемую мѣстными привилегированными мусульманами. Со словъ же послѣднихъ, повидимому, передавали ее и нѣкоторые путешественники, заглядывавшие въ городъ.

Среди простого же народа существуетъ обѣ этихъ, во всякомъ случаѣ почтенней старинѣ, памятникахъ преданіе, что они сдѣланы лѣтъ 200 тому назадъ однимъ вѣходцемъ изъ Кашгара, чтобы толочь и растворять въ нихъ различныя краски для

Въ долинѣ р. Ях-Су. (Отдыхъ каравана).

¹⁾ Мирза — писецъ, секретарь.

окрашиванія хлопчатобумажніхъ тканей, и что этотъ кашгарецъ впервые научилъ подобному искусству дарвазцевъ. Этотъ разсказъ передавала намъ ѹѣлая толпа мѣстныхъ таджиковъ, собравшихся подлѣ чашъ, когда мѣи ихъ осматривали. Намъ кажется, что хотя это и менѣе поэтично, чѣмъ легенда о дѣвахъ и Александрѣ, но за то гораздо правдоподобнѣе, тѣмъ болѣе, что эта часть Дарваза (по Пянджу) славится по всей Горной Бухарѣ своими цвѣтніми хлопчатобумажніми тканями.

Далѣе за Кал'аи-Хумомъ, внизъ по Пянджу, горы начинаютъ замѣтно понижаться, перевалы не такъ вѣсоки (не выше 11/т. футовъ) и удобопроходимы, пути сообщенія легки.

Верстахъ въ 40—50 отъ Кал'аи-Хума чрезъ невѣсокій перевалъ Талъбаръ пролегаетъ главный путь, связующій Дарвазъ съ низменностью. Онъ идетъ по широкой, мало привлекательной долинѣ р. Ях-Су¹⁾, промывшей себѣ ложе въ большихъ наносахъ разрушеніяхъ горніхъ породъ. Дно этой долинѣ очень каменисто и мѣстами лишь покрыто растительностью. Окружающія горы невѣсоки и скорѣе напоминаютъ холмы, боковыя долинѣ очень узки. Самая рѣка, начиная съ верховьевъ, долго тянется по долинѣ въ видѣ скучного ручейка, лишь ближе къ вѣходу изъ долинѣ она становится болѣе и бѣжитъ уже широкимъ потокомъ. Чѣмъ дальше внизъ, тѣмъ горы все болѣе и болѣе понижаются, пока окончательно не исчезнутъ въ Равнинной Бухарѣ.

1) Или, какъ называютъ ее туземцы, «Ёғы-Су», т. е. *рѣка враговъ* въ переводѣ съ узбекскаго. Населяющіе эту долину арабы племени «Курайшъ» объясняли намъ, что во время нашествія тюрокъ на Приаму-дарынскіе оазисы они были оттеснены въ долину Ях-Су, где долгое время оказывали тюркамъ упорное сопротивленіе, почему послѣдніе и назвали будто-бы эту рѣку «Ёғы-Су».

Глава II.

Горные таджики.

[Туземцы, населяющие описаныя нами горыя области, называютъ своихъ предковъ однимъ общимъ именемъ «оташ-прастъ», т. е. огнепоклонники, чители огня, и въ горыихъ кишлакахъ понянѣ еще можно услышать, какъ воспоминаніе о нервозвратной сѣдой старинѣ, имя древняго пророка Зардустра или Зардушта, смотря по произношенію, и понянѣ еще тамъ разсказываются легенды о всемогущихъ мудрыхъ *муг'ахъ*, священнослужителяхъ чистѣйшей изъ стихій, огня.]

А такъ какъ религія Зороастра возродиласъ среди иранцевъ и была религіей, насколько известно, по преимуществу иранскихъ племенъ, то едва ли мы ошибемся, если признаемъ настоящихъ обитателей упомянутыхъ странъ за иранцевъ. Въ этомъ, кромѣ того, наскѣ убѣждаетъ и ихъ языкъ, болѣе старый, чѣмъ тотъ, которыемъ говорятъ современныie персы, отличающійся отъ послѣдняго особыемъ произношеніемъ и очень многими архаичными формами.

Къ сожалѣнію, ни письменныie памятники, ни устныя преданія не говорятъ намъ, были ли туземцы первыми заселниками этихъ горъ, или же при переселеніи сюда они нашли ихъ обитаемыми какимъ-либо народомъ.

Всѣ преданія туземцевъ относительно переселенія ихъ въ горы сводятся къ тому, что они пришли съ равнинъ древней Согдіаны и Бактріаны, т. е. съ современныхъ Приаму-даргинскихъ оазисовъ. Именно, всѣ туземцы Зарафшана, Каратегина и отчасти Дарваза говорятъ, что ихъ предки пришли сюда то изъ

подъ Самарканда, то изъ Бухары, по всему же Дарвазу единогласно повторяется молва, что населеніе этой области пришло въ горы «съ р. Ях-Су, съ равнинѣ близъ Куляба». Указывается при этомъ и самъ путь переселенія. Такъ, въ очень многихъ кишлакахъ восточнаго Дарваза намъ передавали, что предки теперешнихъ горцевъ пришли съ р. Хингоба, куда переселились съ р. Ях-Су. Обитатели долинѣ Ванджа говорили, что ихъ долина заселена недавно, лѣтъ сто тому назадъ, вѣходцами съ Хингоба. Это переселеніе, замѣтимъ, на Ванджъ съ Хингоба продолжается, вѣроятно, и до сихъ поръ: намъ здѣсь приходилось встрѣчать много туземцевъ, которые родились въ долинѣ Хингоба и недавно переселились на Ванджъ. Туземцы Дарваза по Пянджу передавали, что ихъ отцы заселили правый берегъ рѣки, когда лѣвый былъ занятъ, и пришли сюда изъ долинѣ Хингоба, туда же переселились съ Ях-Су. Преданія о переселеніяхъ съ Ях-Су встречаются мѣстами и по кишлакамъ Каратегина.

Но едва ли мы ошибемся, если признаемъ, что долина Ях-Су, играющая такую видную роль въ переселеніяхъ горцевъ, была только широкой и удобной дорогой, соединившей низменность съ горными странами, а не первоначально имъ исконнѣмъ отечествомъ переселенцевъ. На эту мысль наводить и то обстоятельство, что собственно не долина р. Ях-Су упоминается въ народныхъ преданіяхъ, а р. Ях-Су вообще; это иногда какъ бы поясняется словами: «съ равнинѣ близъ Куляба». Рѣчь идетъ, очевидно, не только о долинѣ Ях-Су, а о всей низменности, по которой течетъ Ях-Су, подразумѣвается вся обширная Кулябская провинція въ Равнинной Бухарѣ, весь Хоталанъ восточныхъ писателей.

Чѣмъ было вѣзвано это переселеніе — по этому поводу можно только строить догадки. Возможно, что въ горы уходили различные бѣглецы, спасавшіеся то отъ нашествій «туранцевъ», то отъ неудержимаго потока арабскихъ завоевателей, то отъ меча монголовъ и, наконецъ, можно допустить, что сюда бѣжали очень многие изстрадавшіеся и измученные въ беспрестанныхъ войнахъ различныхъ Тимуридовъ, Шейбанидовъ и прочихъ беспокойныхъ владѣтелей Маверан-Нахра.

Все населеніе горныхъ областей въ верховьяхъ Окса, также какъ и иранское населеніе Равнинной Бухары, называетъ себя *таджиками*. Что значитъ это слово, объ этомъ, кажется, ни-

чего достовѣрнаго и опредѣленнаго до сихъ порѣ не сказано. Хотя привести здѣсь предположенія нѣкоторыхъ оріенталистовъ и путешественниковъ на этотъ счетъ вообще не мѣшаетъ.

Такъ, А. Вамбери въ своихъ «Очеркахъ Средней Азии»¹⁾ говоритъ о бухарскихъ таджикахъ, что если они когда вѣкаваиваютъ желаніе чѣмъ-нибудь похвалитъся, то обыкновенно съ гордостью указываютъ на свое арабское происхожденіе²⁾, но тутъ же дѣлаетъ оговорку, что «неосновательность этого увѣренія уже доказана Ханѣковымъ» и приводить мнѣніе послѣдняго по этому поводу.

Именно, покойный Ханѣковъ въ своихъ «Mémoires sur l'ethnographie de la Perse³⁾ производить слово *таджик* отъ слова *тадж*, что значитъ корона, а также головной уборъ огнепоклонниковъ, который до сихъ порѣ носятъ гебры. Поэтому *таджик*, по его мнѣнию, есть название, которое мусульмане, во времена завоеванія персидскаго царства, дали послѣдователямъ Зороастра, а можетъ бывть послѣдніе и сами называли себя такъ. На гузварешкомъ же языке слово *таджик* или *тазик* и персидское *тази*, означающее араба, не имѣетъ съ первымъ ничего общаго.

Обычное филологическое толкованіе слова *таджик* производить послѣднее отъ слова *тай* (طای), означающаго название арабскаго племени, жившаго во времена Сассанидовъ рядомъ съ персами. Послѣдніе называли представителей этого племени *таджиками*. Позднѣйшая форма окончанія этого слова находится, напримѣръ, въ словѣ *Рейзей* (ریزی), уроженецъ, житель города Рея. Это *зей* (زی) соотвѣтствуетъ древнему *джик*. Во времена же арабскихъ завоеваній персы стали называть арабовъ и вообще всѣхъ мусульманъ *таджиками*.

Въ толковомъ словарѣ персидскаго языка «Семь Морей» (هفت قلرم⁴⁾) слово *таджек*, *тазик* и *тазек* تاجك, تازیک و تازک означаетъ какдаго, не принадлежащаго къ тюркской и арабской на-

¹⁾ Изд. 1868 г. Москва.

²⁾ Т. е. Вамбери имѣеть въ виду, что таджики Бухары производятъ свое название отъ слова *тази*, что по-персидски значитъ *арабъ*.

³⁾ Изд. 1866 г. Парижъ.

⁴⁾ Изд. въ 1230 г. Хиджры. Лукновъ (Индія). Въ 7 томахъ.

циональностямъ, кромъ того, этимъ словомъ обозначаются также тѣ потомки арабовъ, кои родились и вѣросли въ Персіи.

Тоже самое объясненіе слова *таджик* или *тазек* находимъ въ другомъ словарѣ персидскаго языка, «Борханэ-Катэ». По словарю же «Фархангэ-Джехангири» таджиками называются всѣ, кромъ тюрковъ¹⁾.

Л. Будаговъ въ своемъ «Сравнительномъ словарѣ турецко-татарскихъ нарѣчий»²⁾, на ряду съ другими толкованіями этого слова, говоритъ, что слово *таджик* (تاجیک تاجك) или *тазик* есть уменьшительное отъ *тадж*, корона, вѣнецъ. Это название давалось древними турками и монголами всѣмъ мусульманамъ, жившимъ на ихъ земляхъ, исключая соотечественниковъ, т.-е. иностранцамъ, жившимъ въ городахъ и деревняхъ, но не принадлежавшимъ къ поколѣніямъ номадовъ; вѣ особенности же такъ называли персіанъ, цари которыхъ носятъ корону (персіане въ прежнее время носили, и теперь дервиши носятъ, островерхіе колпаки въ видѣ коронъ).

Наконецъ, древними армянскими писателями словомъ *тачик* обозначались аравитяне и вообще мусульмане, а *тачкаст-номъ* (т.-е. страною тачиковъ) назывались Аравія и Азіатская Турція³⁾.

И понѣнѣ еще словомъ *таджик* армяне Западной Азіи называютъ мусульманъ, но только между собою, по секрету, какъ бы въ насыщку⁴⁾.

Кромъ того, словомъ *тачик* некоторые изъ мало-азійскихъ турокъ (лично намъ по крайней мѣрѣ приходилось это слышать

¹⁾ Въ словарѣ «Семь Морей» (т. I, стр. 226) подъ словами читаемъ слѣдующее:

تاجک بفتح اول بالف کشیده وکسر جیم وسکون کاف مخفف تاجیک است و تاجیک غیر عرب و ترک را گویند و در اصل معنی اولاد عرب است که در عجم بزرگ شده و برآمده باشد -

تازک بفتح اول بالف کشیده وکسر زای هموز و کاف زده مخفف تازیک است و تازیک اولاد عرب را گویند که در عجم زائیده و بزرگ شده باشد -

تازیک بفتح اول بالف کشیده وکسر زای هموز چنان تحتانی رسیده و کاف زده و تازیک براى پارسی معنی تاجیک آمده که غیر عرب و ترک باشد و فرزند عرب در عجم زائیده شده و برآمده را نیز گویند -

Совершенно то же самое объясненіе словъ находимъ въ «Борханэ-Катэ» (т. I, стр. 255—257). Въ «Фархангэ-Джехангири» (т. I, стр. 125) значится:

تازک بازاً منقوطه مكسور غير ترك را گويند و آنرا تاجیک نیز خوانند -

²⁾ Томъ I, стр. 330.

³⁾ См. „Исторію Арmenіи Моисея Хоренского“, перев. Н. О. Эмина. Изд. 1893 г., Москва. Стр. 124 текста и стр. 264, примѣчаніе 309.

⁴⁾ См. А. Вамбери «Очерки Средней Азии», стр. 321.

отъ трапезундскихъ турокъ) называють ренегатовъ изъ христианъ, принявшихъ мусульманство.

Слова *сарт* и *гальчá*¹⁾, обозначающія въ равнинахъ тѣ или другія народности и столѣ часто встрѣчающіяся въ различныхъ сочиненіяхъ о Туркестанѣ, въ горахъ неизвѣстны. Кромѣ, какъ таджикомъ, горецъ себя иначе не называется.

Раздѣленій на племена, которыя существуютъ, напримѣръ, у тюрковъ, афганцевъ и другихъ соѣдніихъ народовъ, у горныхъ таджиковъ, повидимому, совершенно нѣть. Правда, намъ пришлось слышать въ кишлакѣ Япучъ (у перевала того же имени изъ долинѣ Сурхоба въ долину Хингоба), что мѣстные таджики называли себя «таджиками-чагатай», причемъ прибавляли, что весь Дарвазъ населенъ ими. Дѣйствительно, потомъ привелось это название раза два-три услышать еще въ нѣкоторыхъ кишлакахъ за Япучемъ къ Дарвазу. Кромѣ того, по свидѣтельству нѣкоторыхъ путешественниковъ по Туркестану (наприм. проф. Яворского, г. Барщевского и друг.), во многихъ мѣстахъ Зарафшанскихъ горъ мѣстные таджики будто бы называютъ себя «македоні», считая себя потомками оставшихся здѣсь войскъ Александра Македонского. Хотя лично намъ во время нашей поѣздки по Зарафшанскимъ горамъ справедливость этого по-

¹⁾ Сартами называютъ все вообще осѣдлое населеніе Средней Азіи. Это название особенно распространено среди русскихъ, живущихъ въ краѣ. Каждаго туземца, будь то таджикъ или узбекъ, русскій безъ разбора называетъ сартомъ. Киргизы зовутъ сартами всѣхъ тѣхъ своихъ соплеменниковъ, которые бросили кочевой образъ жизни и стали заниматься земледѣліемъ на ряду съ осѣдлыми таджиками и узбеками, которые у киргизовъ тоже сарты. Осѣдлые же узбеки сартами называютъ смѣшанное таджико-туркское населеніе нѣкоторыхъ мѣстъ средней Азіи (наприм. Хивы, Ферганы и друг.), которое говоритъ тюркскимъ языкомъ съ громадною примѣсью персидскихъ словъ. У кочевыхъ узбековъ слово *сарт*, повидимому, имѣетъ другое значеніе. Помню, намъ пришлось однажды вечеромъ возвращаться съ развалинъ Термеза въ Патта-Хисаръ вдвоемъ съ узбекомъ-кочевникомъ изъ племени Дурманъ. Случайно въ разговорѣ пришлось его спросить, знаетъ ли онъ по-таджикски? Узбекъ отвѣталъ, что онъ *сартъ*. Когда я его попросилъ объяснить, что это значитъ, онъ отвѣтилъ мнѣ дословно слѣдующее: «сартъ по-узбекски означаетъ того человѣка, который никакого другого языка, кроме своего родного, не знаетъ (*сарт узбекча шул кишидики уз тильдани башкá хич бир тиль билмайды*)».

Гальчею называютъ преимущественно горожане Самарканда и Бухары, а также и другихъ городовъ равнины, всѣхъ вообще горныхъ таджиковъ.

Значеніе слова гальча до сихъ поръ, кажется, не выяснено. Объясненіе Реклю (по Федченку, Ujfalvy и Vule), что это слово значить «несчастные вороны» (*corbeau familique*) довольно подозрительно... По вышеупомянутому словарю «Семь Морей» староперсидское слово *галъча* (گلچا) значить: *музыкъ, поселникъ, рабитель, забулдыга* (عنه روستائی واو باش و زند آمدده). То же самое читаемъ и въ вышеназванныхъ словаряхъ: «Борханэ-Катэ» и «Фархангэ-Джехангир».

казанія не удалось подтвердить, несмотря на всевозможные разспросы, но, во всякомъ случаѣ, названія «чагатай»¹⁾ и «македоні» суть названія единичныя, не встрѣчаemыя въ прочихъ мѣстахъ горныхъ областей; на основаніи ихъ предполагать о дѣленіяхъ на племена было бы довольно рискованно. Подобныя названія отдельныхъ общинъ скорѣе указываютъ на то, что кромѣ иранцевъ въ мѣстныхъ горахъ укрылись еще и другія народности, потомки которыхъ своими прозвищами, присоединяемыми къ общему имени всего населенія горъ, «таджики», намекаютъ на никогда здѣсь господствовавшую обособленность иноземцевъ.

Преобладающими внѣшними признаками горныхъ таджиковъ служатъ: средний ростъ, крѣпкое тѣло, сложеніе безъ особенной худобы и толщины, руки и ноги мускулистые, сильные, глаза сѣрые или карие, темнорусые волосы на бородѣ, усахъ и головѣ, носъ прямой или съ едва замѣтной горбиной, губы умѣренной толщины и умѣренно окрашенныя, кисти рукъ пропорциональныя росту, ступни ногъ также. На ряду съ этимъ очень много встречается туземцевъ чисто

семитического типа. Особенно въ Зарафшанскихъ горахъ, Карагатинѣ и въ низовьяхъ долинѣ Хингоба много кишлаковъ, въ которыхъ замѣчается большое обилие арабскихъ и еврейскихъ физиономій. Тѣ же крючковатые или прямые носы, изогнутыя брови, подчасъ глубоко сидящіе глаза, подернутыя какимъ-то маслянистымъ блескомъ, густые черные волосы на головѣ, въ бородѣ и усахъ. Часто встречаются волнистые, густые

¹⁾ Чагатай или Джагатай было, собственно, имя сына Чингиз-Хана, управлявшаго Среднею Азіей съ 1222 г. по 1241 годъ отъ Р. Х. Джагатайскимъ въ восточной и европейской литературѣ и понынѣ называется нарѣчие средне-азіатскихъ узбековъ.

Вамбери въ своей «Исторіи Бухары» (Т. II-й, стр. 4-я) говоритъ, что прежде подъ именемъ чагатай подразумѣвался осѣдлый, такъ сказать, образованный турокъ Трансоксаніи

Типъ карагатинца.

Типы дарвазскихъ таджиковъ (снято въ долинѣ р. Оби-Хингоу).

бороды, начинающаяся прямо с висковъ, какъ традиционные пейсы свиновъ Израиля. Цвѣтъ лица у представителей этого типа смуглый, загаръ лица довольно силыній.

Кромѣ того, въ каждомъ почти кишлакѣ можно встрѣтить нѣсколько человѣкъ, внѣшность которыхъ рѣзко отличается отъ остальныхъ ихъ соплеменниковъ. У этихъ, при преобладающемъ среднемъ ростѣ и крѣпкомъ тѣлосложеніи, цвѣтъ кожи бѣлый, съ легкимъ румянцемъ, густые волосы на головѣ, бородѣ и усахъ блокурвые или рѣжкіе; носъ и губы умбранные; глаза голубые, синіе или сѣрые. Эти блокурвые и рѣжеволосые представители мѣстного населенія весьма напоминаютъ своими типичными чертами населеніе нашихъ великорусскихъ губерній и германской низменности.

Не мало также встречается и такъ называемыхъ смѣшанныхъ типовъ, среди которыхъ попадаются личности то вѣсокаго роста, то совсѣмъ низкаго, при этомъ разноглазые (по цвѣту глазъ) и разноволосые, т. е. волосы на головѣ черные, а бороды и усы блокурвые, темнорусые или рѣжкіе, и наоборотъ.

Къ этому типу надо также отнести нерѣдко попадающихся субъектовъ съ удивительно облагороженными чертами лицъ, съ античными профилями, съ шелковистыми мягкими волосами, матовыми оттенкомъ кожи и длинными, суживающимися книзу, пальцами рукъ.

Красною нитью проходятъ чрезъ всѣ разнообразные типы горныхъ таджиковъ немногочисленные представители одной расовой особенности, отличающейся отъ прочихъ слишкомъ смуглымъ цвѣтомъ тѣла, отливающимъ чернотой, черными, отчасти курчавыми волосами, дикими, сверкающими глазами и выдающимися челюстями съ круглыми мясистыми губами. Къ этому еще следуетъ добавить низкий лобъ, широкий, какъ бы приплюснутый носъ, тяжелое, угловатое тѣлосложение, повидимому не особенно крѣпкое, скрѣбе слабое и хилое.

Ко всѣмъ перечисленнымъ внѣшнимъ признакамъ слѣдуетъ добавить еще полнѣйшее отсутствіе тучности.

Упитанного, раздобрѣвшаго горца - таджики не встрѣтишь, хотя съ другой стороны не увидишь и той чрезмѣрной худобы, которой надѣлены очень многіе персіане.

У этихъ по большей части невысокихъ, но крѣпко сложенныхъ людей нѣть и тѣхъ разнообразныхъ оттенковъ голо-

са, какіе существуютъ у ихъ равнинныхъ одноплеменниковъ. Самый характеристичный голосъ горца—невысокий теноръ или баритонъ, голоса же хриплые, звонкие и пискливые встречаются рѣдко. Басовые густые голоса составляютъ, повидимому, явление исключительное: за все время нашей поѣздки по горючимъ кишлакамъ намъ пришлось слышать голосъ подобнаго тембра, насколько помнится, только разъ.

При мягкомъ грудномъ голосѣ средней высоты горцу присуща манера медленно говорить и медленно, неспешно ходить.

Типы жителей равнины (нальво—осѣдлый узбекъ, направо—таджикъ).

Своей спокойной походкой горецъ проходитъ безъ отдыха по южному десятковъ верстъ въ день, не чувствуя особенной усталости. Выносливость его въ этомъ случаѣ подчасъ бываетъ поразительна. Пройти верстъ 50 въ день безъ передышки по каменистымъ горючимъ дорогамъ и обрѣвамъ для горца самое обыкновенное дѣло.

Помню, какъ въ Зарафшанскихъ горахъ, когда мы были на берегахъ озера Искандер-Куля, къ намъ явился вечеромъ туземецъ изъ кишлака Якка-Хона, по имени Солѣ¹), старый знакомый

¹⁾ Сокращеніе арабскаго *sâlim* (صالح праведный).

мвій гр. Бобринского по прежней (въ 1895 году) поѣздкѣ на Памирѣ. Какъ оказалось, онъ въ этотъ же день, на разсвѣтѣ, вышелъ изъ своего кишлака и весь утомителнѣй горный путь вдоль стремнинъ, по крутымъ подъемамъ и спускамъ, сдѣлалъ пѣшкомъ, пройдя въ этотъ день верстъ 80 и на пути переваливъ въ долину р. Пасрудъ чрезъ трудно проходимый перевалъ Барщевскаго (на высотѣ 11.700 фут.) подъ озера Кули-Калѣнъ. На перевалѣ Соле только разъ и отдохнулъ за все время дороги.

Другой случай имѣлъ мѣсто по дорогѣ между озеромъ Искандер-Кулъ и переваломъ Мура (ведущимъ въ Бухарскія владѣнія).

Мы замѣтили шедшаго впереди настъ саженяхъ въ 20 таджика съ двумя тяжелыми стегаными халатами, перекинутыми чрезъ плечо, и съ палкой въ рукѣ. Несмотря на то, что наши лошади шли обыкновеннѣй хорошимъ шагомъ, мы его не могли догнать, такъ что онъ дошелъ первымъ до самаго мѣста нашей стоянки. При этомъ оказалось, что это бывъ уже немолодой туземецъ лѣтъ пятидесяти.

Добавьте еще ко всему сказанному большую зоркость глазъ, тонкій слухъ, прекрасно развитое

чутѣе, и вы получите общій набросокъ горнаго таджика со всѣми типичнѣими вышними чертами, такъ рѣзко отличающими его отъ юркаго, лукаваго и слабосильнаго таджика равниннаго, однимъ лишь выгодно отличающагося отъ горца,—своимъ щеголеватѣмъ костюмомъ, который не чета бѣдной и незатѣйливой одеждѣ послѣдняго.

На голое тѣло горнѣй таджикъ надѣваетъ длинную бѣлую бумажную рубашку (*куртѣ*), хотя, должны оговориться, въ большинствѣ случаевъ курта носятъ только муллы и, вообще, лица привилегированнѣя. Почти же весь простой народъ надѣваетъ вмѣсто рубашки прямо на тѣло легкій бѣлый бумажній халатъ (*якту*). Какъ курта, такъ и якта опоясываются грубымъ шерстянѣимъ поясомъ (*міонбанд* или *футѣ*). На ноги надѣваются бѣ-

«Мұккі».

лвіе штаны (лозимá), которые прячутся въ сапоги (масí или чорýк) грубой мѣстной работы, напоминающіе бахилы нашихъ крестьянъ. Такие сапоги шьются обыкновенно изъ кожи сурка мѣхомъ вверхъ. Часто вместо маси или чоруковъ носится и другая обувь: это мýкки и кафшъ. Мукки представляютъ себѣ сапоги, сшитые изъ грубой сырой кожи (большею частью изъ воловьей) съ голенищами, доходящими до колѣнъ. Подошвы такихъ сапогъ лодкообразныя, расширяющіяся спереди. Кафшъ—деревянныя, на трехъ ножкахъ, туфли, очень похожія на sabot французскихъ крестьянъ. Онѣ надѣваются на ногу, уже обутую въ мягкие чоруки. И чоруки, и мукки обуваются на ноги, обернутыя въ портянки (памáк), наверченныя только на лодыжки, или же обувь надѣвается на пестрѣе узорчатые шерстяные чулки (джурѣб). Портянки носятся въ Зарафшанѣ и Каратегинѣ, чулки же—въ Дарвазѣ¹⁾.

Поверхъ всего въ холодное время надѣвается толстый шерстяной темносѣрый или черный халатъ (чапáн, чакмáн) своего издѣлія. Часто такой халатъ, за неимѣніемъ курта и якта, носится круглый годъ, надѣваясь прямо на голое тѣло.

Рѣдко бритая голова горца покрыта рваной ситцевой тюбетейкой (*токы*), болѣе же зажиточныя и степенные навертываются на голову бумаажную или сѣрую шерстяную чалму (*салля*).

Этотъ не слишкомъ затѣйливый костюмъ горнаго таджика равнѣ одинаковъ и въ будни, и въ праздники.

Зимнимъ костюмомъ служитъ овчинный или стеганный на ватѣ халатъ, доходящій до колѣнъ и опоясанный поясомъ. Обувь

¹⁾ Замѣтимъ, между прочимъ, что такой способъ обуванія весьма распространенъ въ Средней Азіи, Кавказѣ, Персіи и Афганистанѣ. Именно: патахи (پاتاھ) носятся во многихъ мѣстахъ Сѣверного Афганистана, составляя необходимую принадлежность костюма мѣстныхъ туземцевъ; кромѣ того, словомъ *памава* (پاموا) у азербайджанскихъ тюрокъ и кавказскихъ татаръ обозначаются портянки, обертывающія, какъ наши онучи, всю ступню и голень ноги, а то, что называется у горцевъ-таджиковъ патахами, у названныхъ народностей известно подъ именемъ *дулах* (دۇلەخ). Шерстяные узорчатые чулки носятся чуть ли не по всемъ сѣвернымъ склонамъ Хиндукуша, на Кавказѣ и почти во всей Персіи, при чемъ изъ послѣдней страны, именно изъ Хорасана, сбываются и къ приграничнымъ съ Персіей племенамъ туркменъ. Разница между чулками, носимыми собственно въ Персіи и на Кавказѣ и въ Кухистонѣ, та, что персидскіе и кавказскіе чулки едва хватаютъ до половины лодыжекъ, а вторые настолько длинны (особенно шугнанскіе), что достигаютъ выше колѣнъ.

Чаруки или чарыки, чароки (چارق) также носятъ на Кавказѣ и всюду въ Персіи поселяне, при чемъ этими словами тамъ обозначаются сшитыя по большей части изъ сырой кожи, безъ твердой подошвы, туфли, которые завязываются на подъемѣ ноги тесемками или ремешками. Среди же туркменъ Ахал-Текинского оазиса чаруками называются кожаныя сандаліи, носимыя бѣднѣйшими людьми.

та же, что и лѣтомъ, остается также и неизмѣнная лѣтняя тюбетейка: голова горца привычна и къ лѣтнему теплу, и къ зимнимъ холодамъ. Лишь при перевалахъ чрезъ горы да на охоту за горными козлами, когда въ снѣгахъ приходится проводить много времени, туземецъ надѣваетъ широкіе, изъ грубой шерсти, толстые штаны, въ которыхъ запрятывается халатъ, да теплѣе обуваетъ ноги.

Одежда женщинъ состоитъ обыкновенно изъ длинной рубашки, при чемъ вороты женскихъ и девичьихъ рубашекъ дѣлаются различно. У первыхъ вороты съ длинныимъ продолѣнымъ разрѣзомъ, доходящимъ до пояса (чтобы удобнѣе было кормить дѣтей), а у вторыхъ—круглые глухие. И тѣ, и другіе оторачиваются шелковыми вышитыми оторочками (*шиrozъ* или *курипеш*) шириной въ вершокъ или въ полтора. Во многихъ мѣстахъ подобными вышивками обшиваются и рукава девичьихъ рубашекъ; такія нарукавия оторочки называются «дастмунѣ». Пожилыя женщины употребляютъ для воротовъ рубашекъ простыя, изъ чернаго шелка, оторочки безъ всякихъ вышивокъ.

На голову молодыя женщины и девушки повязываютъ узкія (въ вершокъ) и не длинныя (четверти въ 2—3) вышитыя шелкомъ повязки (*сарбандаѣ*). Подобная повязка накладывается на волосы, концы же ея подхватываются подъ косу и завязываются. Вместо чадры служитъ головная повязка (*пиллягії*—*ламси-кар* или *дорой*) въ аршинъ шириной и аршина два-три въ длину. Болѣе зажиточныя имѣютъ шелковыя повязки, сшитыя изъ трехъ полотнищъ, соединенныхъ тонкой ажурной прошивкой. Цѣлая подобныхъ покрываѣтъ различныя: у пожилыхъ—темныя, у молодыхъ—красныя, бордо и желтые. Женщины изъ зажиточныхъ семей въ праздники и въ особо торжественныхъ случаяхъ для закрыванія лицъ употребляютъ особые покровы (*чашибан* или *рубан*), расшитыя шелками по бумажной матеріи. Эта принадлежность женского костюма представляетъ четырехугольный продолговатый платокъ (вершковъ 8 въ длину) съ мелкими дѣрочками надѣглазами и съ двумя шелковыми шнурами съ кистями вверху для обвязыванія ими головы. При этомъ следуетъ замѣтить, что подобныя лицевыя покрываала нынѣ не въ такомъ ходу: прежде, по словамъ туземцевъ, ихъ носили болѣе¹⁾.

1) Желающихъ познакомиться съ весьма любопытною и заслуживающею серьезного вниманія орнаментациою мѣстныхъ женскихъ покрывааль, чулокъ и различныхъ вышивокъ,

Бѣлвіе или краснвіе бумажнвіе штанві (*избр*), суживающіеся книзу, — также неизбѣжная принадлежность туалета туземной женшинві.

Обуви лѣтомъ — никакой, какъ какъ почти всю жизнь таджичка проводить въ родномъ кишлакѣ, а если и бѣваетъ нужно посѣтить сосѣдній кишлакѣ, то дѣлаетъ это она не пѣшкомъ, а верхомъ на ослѣ. Зимою же, при вѣходѣ изъ дома, обуваются либо мукки, либо чоруки.

Если ко всему описанному прибавить, что женшинві состоятельнвіхъ семей украшаютъ себя ожерельями (*садаф*) изъ раковинъ и бусъ, мѣднвіми и серебрянвіми серѣгами (*гушибр*), перстнями (*ангыштарын*) и запястями (*дастбайн*), то понятіе о костюмѣ туземной женшинві будетъ полное.

Ни мази, ни духи, ни какія-либо вообще косметическая принадлежности совершенно неизвѣстнві. При разспросахъ объ этомъ горцѣ вопросително поглядывали другъ на друга, очевидно не понимая, что это за вещи. Разъ только въ кишлакѣ Пасрудѣ, въ Зарафшанскихъ горахъ, одинъ изъ туземцевъ, служившій джигитомъ¹⁾ у старшинві, оказался знающимъ, что такое духи.

— А, это я знаю, замѣтилъ онъ, о чёмъ вы спрашиваете. Такую вещь привозилъ старшина для своей женви изъ Самарканда.

Лишь одна хенá (*Balsamina hortensis*) находится здѣсъ, какъ и въ Иранѣ, примѣненіе. Всѣ горцѣ красятъ ею въ день Нау-Руз²⁾ ногти рукъ и ногъ; во многихъ мѣстахъ эту операцию продѣлываютъ и въ другіе праздники, при чёмъ часто красятъ и концы пальцевъ, и подошвы ногъ, и ладони рукъ. Это-де дѣлаетъ ногти и кожу крѣпкими и блестящими. Волосы же на головѣ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, хеною, обыкновенно, не красятся. Лишь головки дѣтей повидимому часто умащаютъ ею, судя по тому, что рѣдко встрѣтишь въ толпѣ играющихъ малютокъ такихъ, у которыхъ волосы не отливали бы характернвімъ краснвімъ цвѣтомъ.]

отсылаемъ къ прекрасному труду гр. А. А. Бобринского «Орнаментъ Горныхъ Таджиковъ Дарваза (Нагорная Бухара)», Москва, 1900 г. Съ 8 цветными и 15 черными фототипіями работы фот. Павлова.

1) Разъѣздной слуга.

2) *Нау-Руз, Нов-Руз* — Новый Годъ, особенно торжественный праздникъ, празднуемый всѣми современными иранцами въ мартѣ мѣсяца.

Глava III.

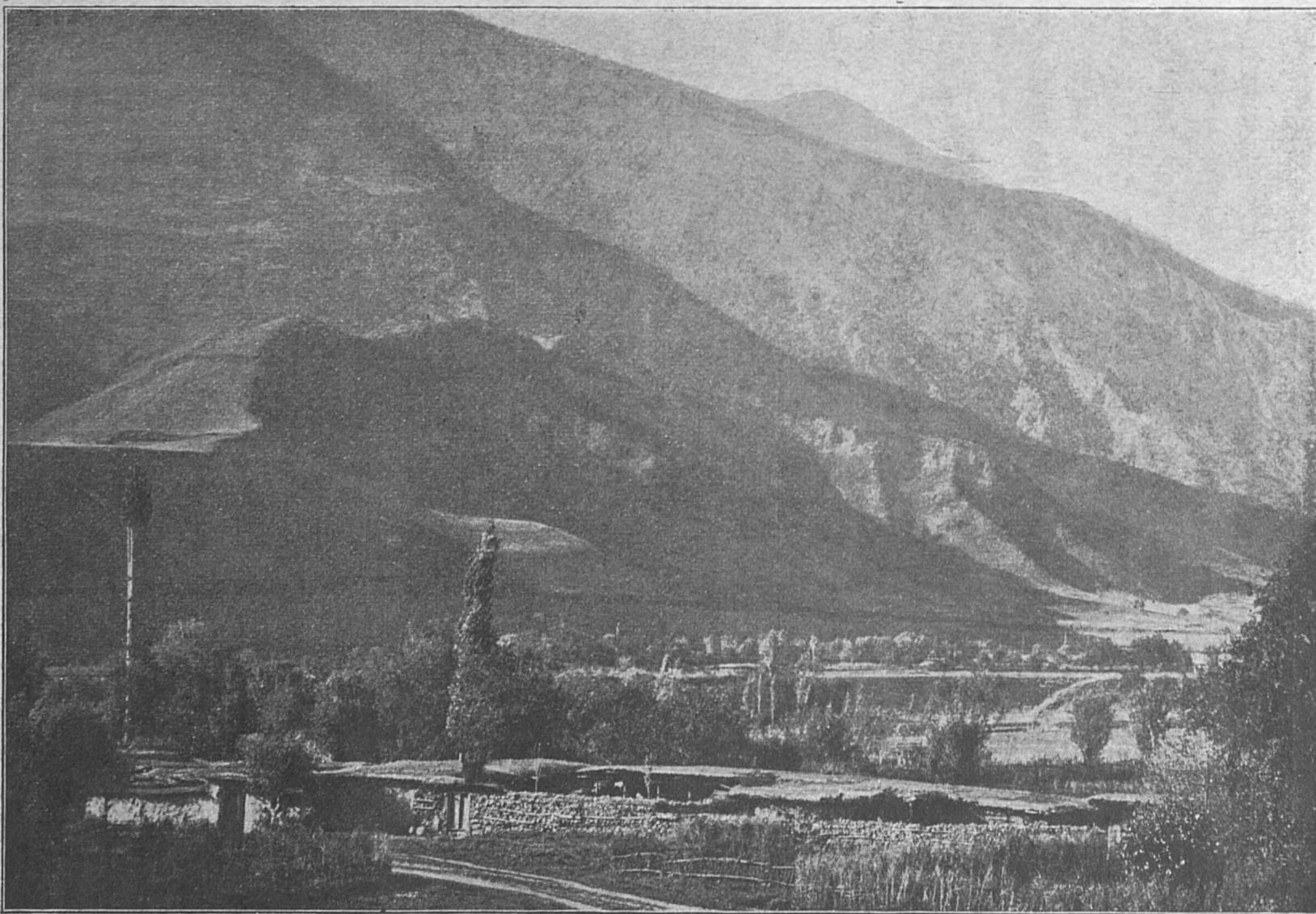
Жилище горнаго таджика.

Горные кишлаки ются обыкновенно где-нибудь по склонам горъ, надъ обрывомъ быстро бѣгущей горной рѣчки или у потока, чрезъ которые переброшены ветхій мостикъ, весь дрожающій при одномъ только прикосновеніи конскаго копыта. Плоскія крѣши убогихъ хижинъ поросли травой, темнобурья стѣнѣ порою покривились на сторону. Плетневвія и глинобитнія изгороди либо обнизились, либо полуразвалились, и лишь обильная зелень деревъ и кустарниковъ своимъ благодатнымъ ковромъ прикрыла убожество и нищету такихъ построекъ и окружающую ихъ грязь.

Справа и слѣва—величаввія массы горъ. Зелень ихъ склоновъ, сверкающій снѣгъ на вершинахъ и безпредѣльная вѣсъ голубого, удивительно чистаго неба еще сильнѣе отбняютъ всю мизерность и ничтожество расположившихся внизу человѣческихъ жилищъ.

Устройство каждого такого жилища (*хонѣ*) несложно и просто.

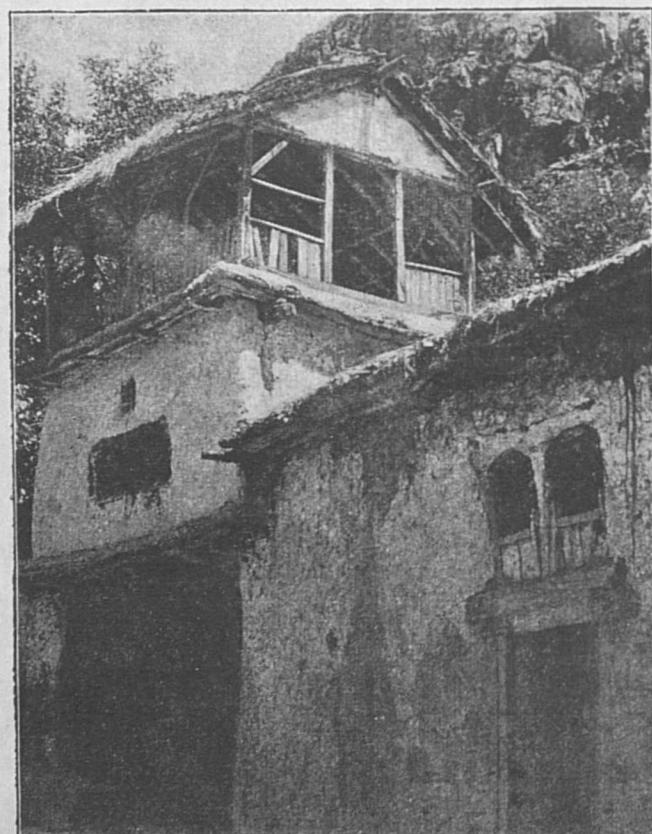
Стѣнѣ дѣлаются или изъ мелкихъ камней, кое-какъ замазанныхъ глиною, смѣшанною съ рубленою соломою, или изъ вѣсущихъ на солнцѣ сырцоввихъ кирпичей. Высота стѣнъ, вѣ среднемъ, не превышаетъ аршинъ трехъ или четырехъ. Оконъ вѣ нашемъ смисли совсѣмъ нѣть, если не считать продолговатаго отверстія вѣ стѣнѣ (*панджарѣ*), иногда дѣлаемаго надъ дверью (*мур*); оно служить и для свѣта, и для вѣхода дѣма. Крѣши (*бом*) плоски и дѣлаются изъ нетолстыхъ балокъ, на которыя накладывается настилка изъ хвороста или тонкихъ слегъ.

Типъ горнаго кишлака. (Селеніе «Чиль-Дарá» на Хингобѣ).

Сверху все это плотно замазывается глиной съ рубленой соломой, оставляется лишь круглое отверстие надъ очагомъ для дыма. Какъ исключение, въ Дарвазѣ по Пяндже часто можно встрѣтить и двускатныя крыши на высокихъ двухъ-этажныхъ домаахъ.

Внутрь ведеть почти всегда единственная дверь съ высокимъ деревяннымъ порогомъ. Она запирается изнутри вертушкой, насаженной на ручку, конецъ которой вѣходитъ сквозь притолку на улицу. Снаружи стбить только повернуть ручку вертушки и дверь отворяется. У некоторыхъ хижинъ встречаются надъ дверями привѣшанныя на бечевкѣ или на ремнѣ деревянные колотушки; кто желаетъ войти въ хонѣ, стукаетъ колотушкой въ дверь, предупреждая хозяевъ о своемъ посѣщеніи. Самая дверь составлена изъ одной или двухъ тяжелыхъ досокъ, преимущественно орѣховыхъ, и, въ большинствѣ случаевъ, лишена всякихъ узорчатыхъ украшеній, столъ обычныхъ на дверяхъ хижинъ самарканскихъ и бухарскихъ кишлаковъ.

Типъ двухъэтажныхъ домовъ и двускатныхъ крышъ въ Дарвазѣ по Пяндже.

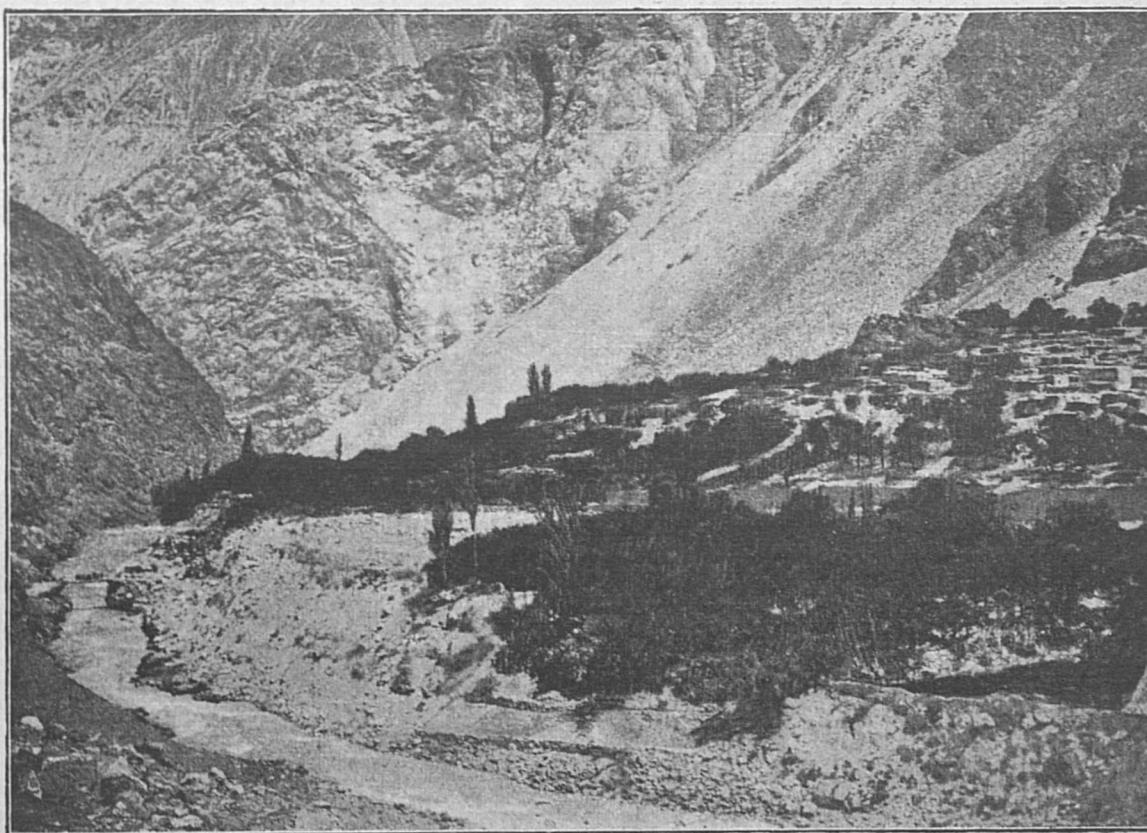
глиною или умазанныхъ коровьимъ пометомъ. Въ Каратегинѣ (по крайней мѣрѣ по Сурхобу) дворовья изгороди болѣею частью сдѣланы изъ колеевъ и хворосту, какъ и наши плетни.

Во дворѣ, подъ хонѣ, помѣщается хлѣвъ (*огыль*). Онъ дѣлается такъ же, какъ и хонѣ, только дверь совершенно отсутствуетъ, и отверстіе для входа бываетъ очень широкимъ, занимая иногда полстѣни.

На Ванджѣ и мѣстами по Пяндже встречаются подъ хижинъ еще небольшие, съ плоскими крышами, амбарчики (*амбар*)

для хлѣба и разнаго скарба; какъ и ихъ родичи, «амбарушки» нашихъ центральнихъ губерній, они воткнуты на землею на четырехъ (подъ углами) камняхъ или столбахъ.

Огороды и сады, неизмѣнная принадлежность дома каждого осѣдлаго равнинного туземца, встрѣчаются не у всѣхъ горцевъ. У зарапшанцевъ, напримѣръ, ихъ очень мало и плодовыя деревья растутъ не въ садахъ, а въ безпорядкѣ разбросаны подъ хонѣ; разведеніе же огородныхъ овощей: капусты, рѣдкы, моркови и проч. здѣсъ, кажется, почти неизвѣстно. Въ Карате-

Типъ кишлака Зарафшанскихъ горъ. (Варзамиоръ).

гинѣ же и Дарвазѣ, наоборотъ, сады съ разнообразными плодовыми деревьями и огороды съ грядами различныхъ овощей составляютъ, какъ и въ равнинѣ, необходимую принадлежность каждого кишлака.

Въ общемъ горные хижинѣ представляютъ значительную противоположность жилищамъ равнинныхъ таджиковъ. Послѣднія высоки и просторны, построены или изъ битой глины, или изъ сырцовыихъ кирпичей, прилизаны, подчищены и, вдобавокъ, окружены толстыми глинобитными стѣнами, часто сплошь покрытыми разнообразными орнаментами. Кромѣ того, такія жи-

лиша еще опрятно содержатся, что производить положительно приятное впечатлѣніе.

Всего этого нельзя сказать о хонѣ гориѣхъ таджиковъ. Виною ли этому вѣчная забота горца о кускѣ хлѣба, которая отодвигаетъ уходъ за жилищемъ на задній планъ, или общая скучность вѣ строительныхъ матеріалахъ—мудрено сказать.

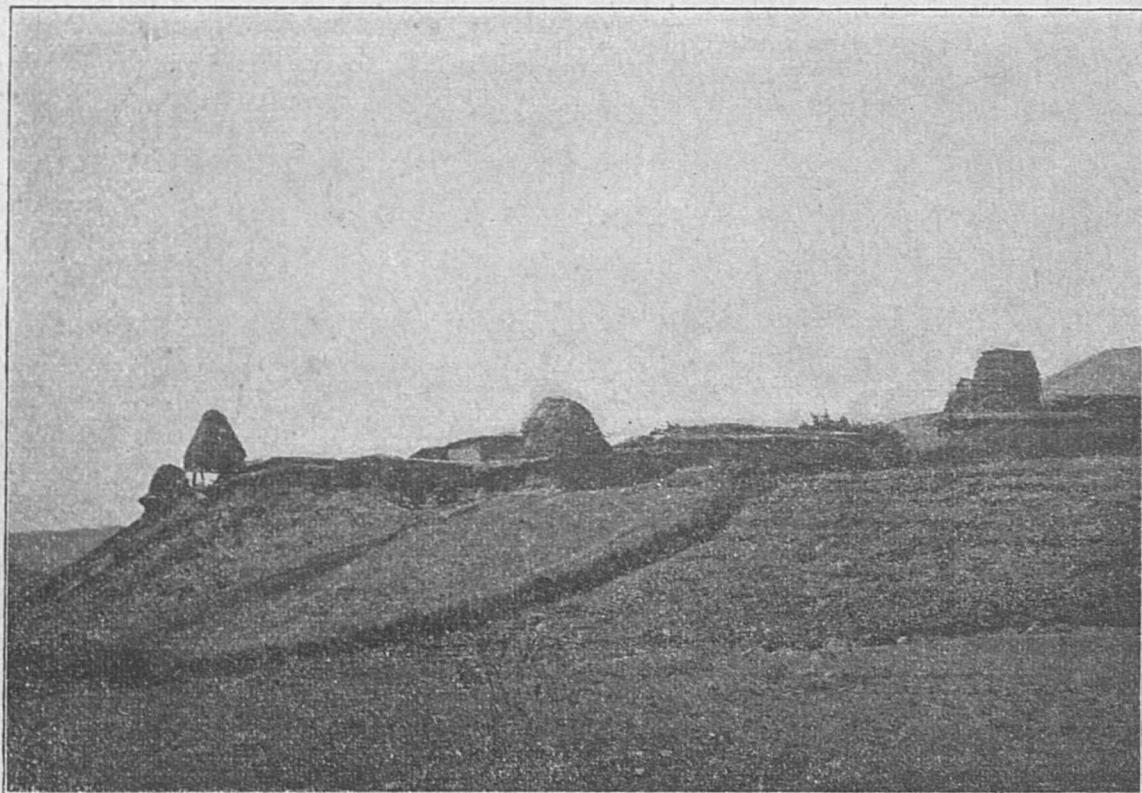
Лишь мѣстами по Каратегину и вѣ Дарвазѣ по Ванджку, гдѣ находятся залежи алебастра и бѣлой глины, встречаются бѣлыя оштукатуренные стѣны жилищъ. Такія, повидимому, заботливо содержимыя мазанки, скромно выглядѣвая изъ-за стройныхъ тополей и высокихъ чинаръ, издали такъ и напоминаютъ нашу Україну или донскія казачьи станицы. Недостаетъ лишь колодца съ неизмѣннымъ журавцемъ да задумчиваго аиста, неподвижно стоящаго на вѣшкѣ желтой соломенной крыши.

По Сурхобу и Хингобу, Ванджу и Пянджу на стѣнахъ многихъ хижинъ попадаются и орнаменты вѣ видѣ пятенъ, различныхъ безпорядочныхъ линій или же вѣ видѣ дѣтски намалеванныхъ фантастическихъ деревьевъ. Чаще всего разрисовывается такими узорами стѣна по фасаду хижинъ, при чемъ цветъ рисунковъ бываетъ различныи. На простой глиняной обмазкѣ стѣнъ узоры болѣе встречаются бѣлыie, если же стѣны вѣбѣлены, то ихъ разрисовка производится растворомъ красной глины. Рельефныхъ же стѣнныхъ узоровъ, вѣтѣсненныхъ на глини и обѣичныхъ у равнинныхъ таджиковъ, вѣ горахъ, насколько помнится, намъ не приходилося замѣтать.

Съ улицы заглянемъ и во внутренность хонѣ. Она, обыкновенно, состоитъ изъ одной комнаты, рѣдко изъ двухъ, размѣрами отъ шести до девяти аршинъ вѣ длину и отъ четырехъ до девяти аршинъ вѣ ширину. Полъ глинобитныи, съ углубленіемъ для очага (*учаг*, *сандалы*, *джои-сандалы*). Вдолѣ стѣнъ идутъ широкія глинобитныя возвышенія для спанья. На нихъ лежать постели, сшитыя вмѣстѣ, шерстью вверхъ, три или четыре вѣдѣланыхъ овечьихъ или козлиныхъ шкуръ. Вѣ стѣнѣ воткнутъ свѣтильникъ (*чарог*), прутья, обмазанный горючимъ веществомъ.

Приготовленіе чарога не сложно. Кладутъ стебли кунджула или льна вѣ котель и ставятъ его на огонь, гдѣ даютъ имъ обуглиться, послѣ чего ихъ перетираютъ между двумя камнями; получается липкая черная масса, которой и обмазываются длин-

нвій¹⁾ сухой стебель какого-либо зонточного растения или тонкий, хорошо высушенный побег чинарбы или ивбы. Необмазаныемъ лишь оставляютъ конецъ прута для рукоятки. Чтобы обмазка не отставала, ее осипаютъ сверху хлѣбными отрубями. Въ Дарвазѣ же по Пянджу на приготовленіе подобныхъ свѣтильниковъ больше идетъ *ricinus*²⁾, называемый по мѣстному «баданджиръ». Осеню собираютъ масляниствя сѣмена *ricinus*'а, складываютъ ихъ въ большую деревянную чашку и тщательно разминаютъ руками. Образуется темнозеленая густая, липкая

Типъ кишилака на пути въ равнину. (Селеніе «Сары-Пуль» въ долинѣ Ях-Су).

масса, которой и обмазываютъ сухой стебель или побегъ какого-либо растенія или дерева.

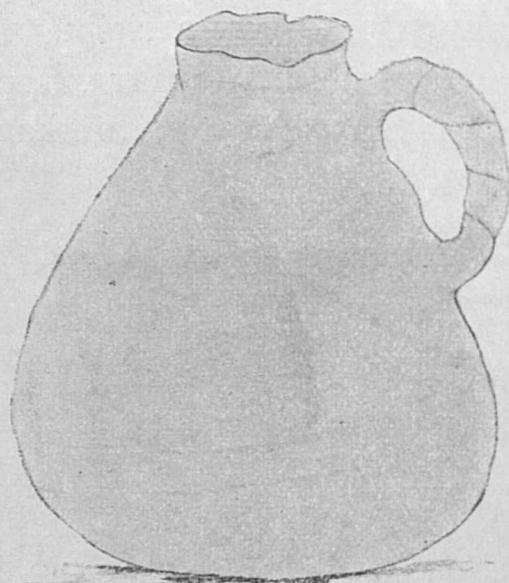
Чарогъ втыкается въ стѣну рукояткой и сѣ противоположнаго конца зажигается, горить медленно и его пламя напоминаетъ пламя березовой лучинѣ въ свѣтлѣ.

Что касается способа добыванія огня, то онъ тотъ же, что бывъ у нашихъ крестьянъ до распространенія спичекъ, т.-е. огонь висѣкаютъ огнivомъ и кремнемъ (*чамок*), при чемъ вмѣ-

¹⁾ Приблизительно въ аршинъ длины.

²⁾ Растеніе, доставляющее касторовое масло.

сто трута роль горючаго вещества играеть лепешка изъ мякоти (сердцевинѣ) рѣчного камвиша, смѣшанной съ порохомъ. Лишь въ зарафшанскихъ горахъ можно встрѣтить примѣненіе спичекъ, которыя покупаются туземцами на самаркандинскомъ и пенджакентскомъ рынкахъ.

«К у з а».

Къ перечисленнѣмъ принадлежностямъ каждого жилища слѣдуетъ отнести также глиняную и деревянную посуду. Она очень разнообразна, особенно глиняная.

Большія толстѣя чаши для мытья бѣлвя, кувшинѣ для омовеній и водѣ (офтоваи софоли) вѣсotoю въ четверть или двѣ, съ ручкой и длиннѣмъ носомъ, низенѣkie приплюснутые горшечки (*хурмоча*), съ двумя ручками по бокамъ, для молока, масла и проч., широкіе, разлатвіе, похожіе на чаши, горшки (*хум*, *хумб*), чайники для чая (*чайнѣк*), повидимому, сдѣланнѣе по

китайскимъ и афганскимъ образцамъ и, наконецъ, вѣсокие, весьма разнообразнѣихъ формъ, кувшинѣ (*кузѣ*) — все это неизмѣннѣя принадлежности незатѣйливаго домашняго хозяйства горца.

На многихъ изъ этихъ издѣлій встрѣчаются рельефныя украсенія то въ видѣ шариковъ, то въ видѣ извилистыхъ ленточекъ. Нерѣдки и красные расписаныя узоры по всей вещи, какъ и въ нашей глиняной посудѣ. Вдавленнѣихъ же разнообразнѣихъ орнаментовъ, составляющихъ отличительную черту равнинной посуды, на глинянѣихъ издѣліяхъ горцевъ намъ не приходилось видѣть.

«Кузѣ» съ орнаментомъ.

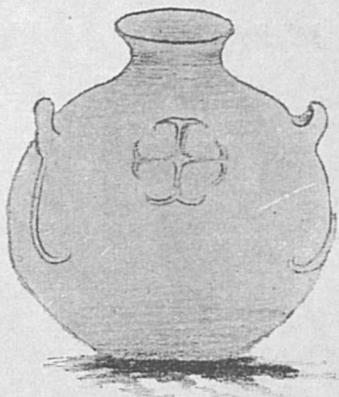
Деревянную посуду составляютъ разнѣихъ размѣровъ (отъ $\frac{1}{2}$ аршина до 4 вершковъ въ диаметрѣ) круглвя блюда (*табак*, *тавах*), круглвя, вѣсокія скрѣни (*табанѣ*) на трехъ ножкахъ различнаго формата для пищевыхъ продуктовъ и платвя, *рості*, совершенно какъ наши рѣшета, лишь вмѣсто сѣтки глухое дно,—посуда для свѣпучихъ тѣлъ, и сундуки (*сандук*, *сандукчѣ*) на четырехъ ножкахъ съ вѣдвиженными и съемными крышками.

Какъ глиняная, такъ и деревянная посуда приготавляются самими туземцами, за исключениемъ зарафшанскихъ таджиковъ, которыиъ это искусство, кажется, совсѣмъ неизвѣстно. Лишь небольшой народецъ ягноби¹⁾ въ горахъ Зарафшана умѣеть въидѣлывать глиняную посуду, снабжая ею, наравнѣ съ Самарканомъ и Пенджакентомъ, своихъ сосѣдей-горцевъ. Въ горахъ Зарафшана върабатывается только деревянная посуда, да и то не мѣстными жителями, а пріѣзжими мастерами изъ самарканскихъ кишлаковъ. Въ послѣднихъ многіе обитатели только тѣмъ и занимаются, что разъѣзжаютъ по горамъ и работаютъ изъ заранѣе заготовленного горцами сухого ивового лѣса различную посуду.

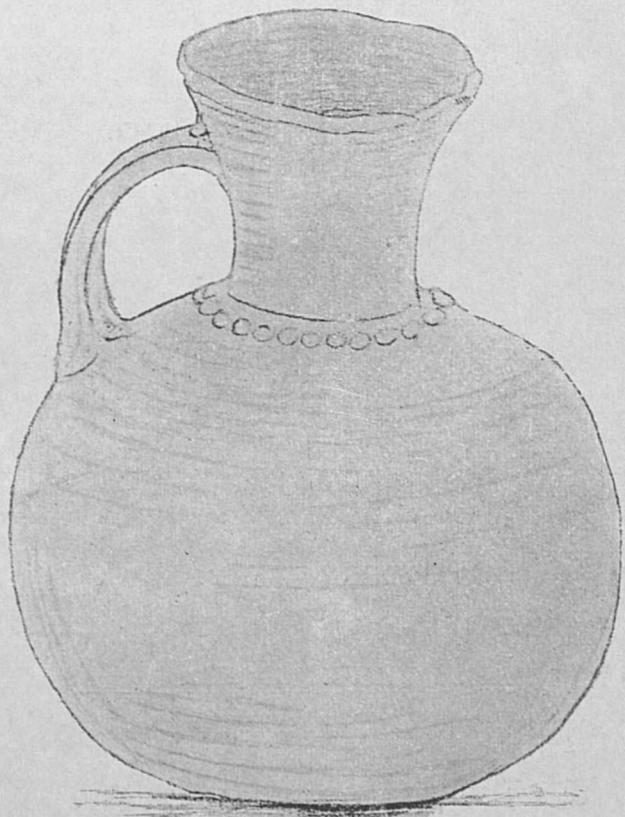
Совсѣмъ другое видимъ по ту сторону Хисарского хребта и въ горныхъ кишлакахъ Каратегина и Дарваза. Тамъ горцы сами приготавляютъ для себя посуду, не пользуясь услугами различнѣхъ рѣнковъ и заѣзжихъ мастеровъ.

Здѣсь разнообразную глиняную посуду върабатываютъ въ каждой хижинѣ, при чёмъ этимъ ремесломъ занимаются исключительно женщины. Матеріаломъ служить та прекрасно вѣмѣшанная, превосходная по своимъ качествамъ мѣстная глина, кирпичи и издѣлія изъ которой отличаются болѣею прочностью и отсутствиемъ пористости, присущей нашимъ глинянѣмъ издѣліямъ.

Такъ какъ гончарное колесо совсѣмъ неизвѣстно, то каждую вещь стараются вѣлѣпитъ руками изъ свѣрой глины. Работу начинаютъ со дна, накладывая глину кусокъ за кускомъ.

«Кузâ» (высота 9 вершк., ширина 6 вершк.).

«Кузâ» для воды и молока.

¹⁾ По р. Ягноб-Дарьѣ—значительному притоку р. Зарафшана съ правой стороны

Когда посуда готова, ее обжигаютъ на очагѣ. (Способъ, еще по-нѣнѣ практикуемый во многихъ мѣстахъ Америки, Африки и на островахъ Тихаго океана).

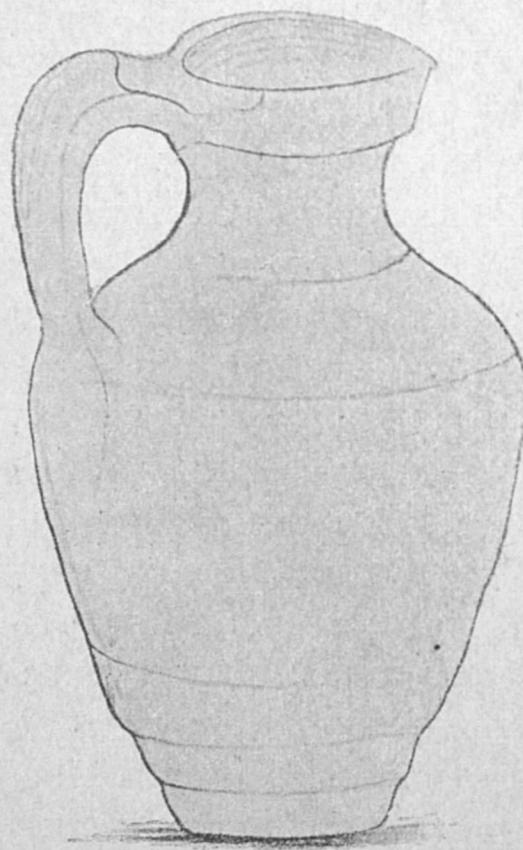
Выѣдѣланная такимъ образомъ посуда не оставляетъ желать ничего лучшаго, какъ по отчетливости работы, правильности формъ, такъ и по своей прочности. Муравленіе же глины, т.-е. покрѣваніе ея стекловидной оболочкой, не въ ходу.

«Хурмоча». (Для молока, масла и проч.).

Кувшинъ для омовеній.
(«Офтоваи-софоли»).

«Кузѣ» для воды и молока.

Деревянная посуда работаетя мужчинами преимущественно изъ орѣхового дерева, ивѣ и тополя. Центромъ деревяннаго производства является кишлакъ Пишхарвъ¹⁾ въ Дарвазѣ по Пянджу, снабжающій своими изделиями весь Каратегинъ и Дарвазъ.]

Здѣсь помимо разнообразной посуды и колыбелей изготавливаются и дѣтскія игрушки въ видѣ колыбелеекъ, табан-говъ, ростѣ и сундучиковъ. Всѣ пишхарвскія изделия покрѣвѣ сплошнѣми вѣрѣзинѣми геометрическими рисунками, раскрашенными черною, красною и зеленою красками.

¹⁾ На рѣкѣ того же имени, притокѣ Пянджа съ правой стороны.

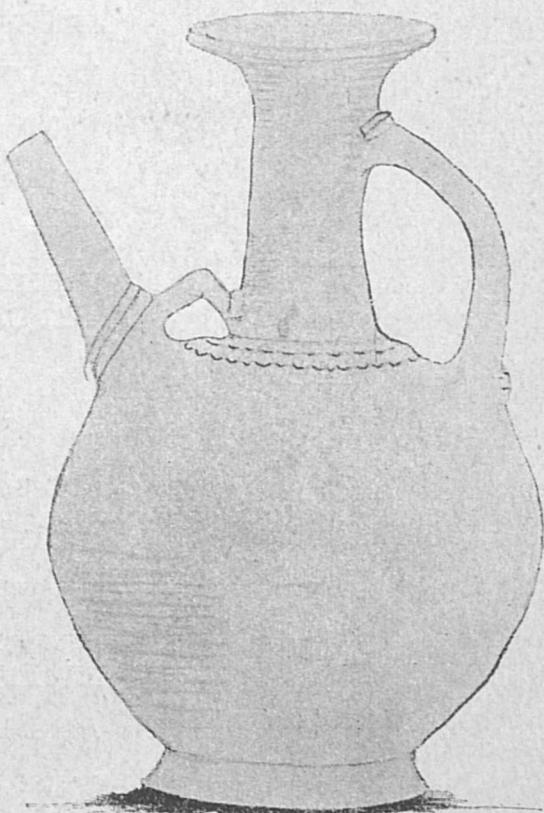
Мѣдная же посуда, иногда встрѣчаемая у туземцевъ, привозная. Мѣднѣя чаши, блюда и кунганы (оби-джуш) для чаевъ вѣній и для чая, гладкіе или покрытые затѣйливыми узорами,—то бухарской, самарканской и кокандской работы, то афганской, кашгарской и персидской.

Къ посудѣ, вообще, слѣдуетъ отнести и разнообразія, работающіяся только на Ванджѣ, кошолки для фруктъ, ячменя, пшеницы и травы. Онѣ довольно искусно плетутся изъ мелкихъ таловъ вѣтвей. Ихъ обычна форма—широкія кверху и суживающіяся книзу, отверстіе иногда закрывается съемной плетеной крышкой.

Таково въ общихъ чертахъ устройство жилища горнаго таджика, съ необходимыми къ нему принадлежностями домашняго обихода.

Большинство туземцевъ живеть въ подобныхъ помѣщеніяхъ во все время года и примирилось со всѣми неудобствами, которыя испытываются въ нихъ зимою и осенью. Эти зимнія и осеннія невзгоды туземнаго жилища суть холода и сквознякъ. Правда, въ холодное время надѣ очагомъ съ горячими угольями ставятъ высокій табуретъ, который покрываются одѣялами или кошмами, отчего въ хонѣ дѣлается болѣе или менѣе тепло, но на смѣну холода зато появляется тонкій убийственнѣй угаръ, а отъ сквозняка и совсѣмъ не убережешься: онѣ проникаетъ сквозь плохо промазанныя стѣны и кое-какъ сдѣланнѣя двери, свободно разгуливаетъ по внутренности хижинъ и заставляетъ горца кутаться въ теплые халаты и одѣяла, угрожая различными ревматизмами и всевозможными острѣми простудами. Добавьте еще сюда сырость, этого неизбѣжнаго врага всѣхъ плохо построенныхъ жилищъ, и вы поймете, что за жизнь бываетъ въ холодное время въ тѣхъ жалкихъ мазанкахъ, въ которыхъ проводить свои дни горнѣй таджикъ.

Поэтому мѣстами, какъ, напримѣръ, по Каратегину и въ

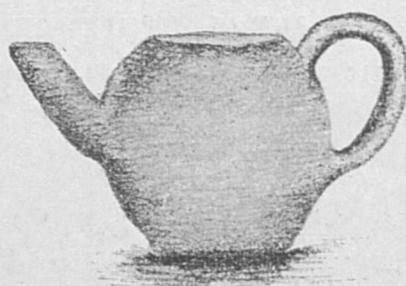
«Куза».

Дарвазъ, населеніе, желая сколько-нибудь избавиться отъ указанныхъ неудобствъ, на холодное время года перебирается въ особья зимнія жилища.

Каждое зимнее помѣщеніе представляетъ собственность нѣсколькихъ семей, потому что нѣсколько семей строятъ его соединенными силами и живутъ въ немъ все время, пока стоять холода. Случается, что весь кишлакъ на зиму сосредоточивается въ нѣсколькихъ такихъ помѣщеніяхъ: отъ трехъ до пяти, смотря по многолюдству селенія. Своимъ внѣшнимъ видомъ зимнее хона ничѣмъ не отличается отъ прочихъ хижинъ. Лишь стѣны его толще и хорошо оштукатурены глиною снаружи и внутри да нѣсколько куполообразная крыша хорошо залита глиною. Посрединѣ ея то же круглое отверстіе — около трехъ четвертей въ диаметрѣ — для входа двора и для свѣта.

Крѣпкая дверь съ обѣчными високими порогомъ ведетъ внутрь, где вдоль стѣнъ идутъ високія (около полутора аршина) деревянныя загородки. Свободное пространство между ними и стѣнами заполнено крѣпко убитой глиной. Это нарви. Они служатъ и для спанья, и для работы. Каждая семья на нихъ занимаетъ свое определенное мѣсто. Посрединѣ пола, какъ разъ подъ отверстиемъ въ крыше, — очагъ. На деревянныхъ столбахъ, поддерживающихъ потолокъ, прикреплены два три «подсвѣчника» для свѣтильниковъ, если только можно назвать подсвѣчниками эти деревянныя рѣзные вставки для чарговъ.

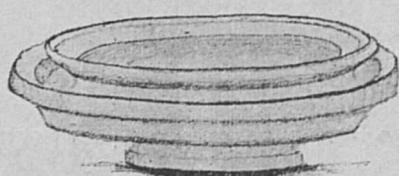
Внутри подобного помѣщенія было бы довольно просторно (каждое аршинъ восемь въ длину и столько же въ ширину), если бы не мѣшали упомянутыя нарви вдоль стѣнъ, такъ что свободное пространство остается лишь среди комнатъ да въ томъ мѣстѣ, где дверь.

Чайникъ для чая.

«Офтоваи-софоли».

Миска на подносѣ («лаали-тавахъ»), рѣзаная изъ цѣльнаго дерева. Употребляется для «плова», на подносѣ складываются кости.

если только можно назвать подсвѣчниками эти деревянныя рѣзные вставки для чарговъ.

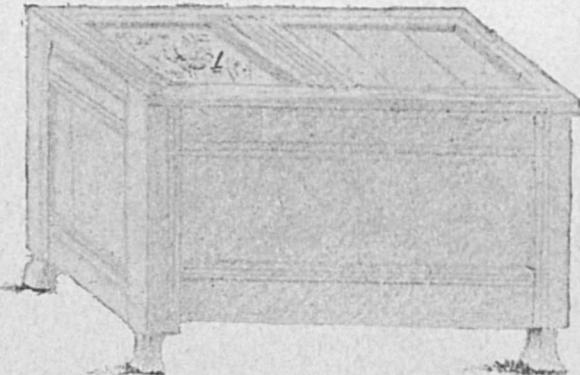
«Чолёбъ», мѣста для спанья въ долинѣ Ванджа.

Когда подумаешь, что въ такихъ хонá на зиму собираются пять-шесть семей, невольно удивишься равнодушію туземца къ тѣснотѣ и его невзыскательности къ различного рода неудобствамъ такой совмѣстной многосемейной жизни.

Мужчины, обыкновенно, большую часть времени проводятъ предъ очагомъ, женщины съ дѣтьми — вдоль стѣнъ на нарахъ. Въ виду постоянной темноты въ такомъ хонá чарогъ горить не только ночью, но и днемъ, особенно когда кругомъ идетъ работа, такъ какъ тканье хлопчато-бумажныхъ матерій, пряденіе, вязаніе и вшиваніе не прекращаются и зимою и берда, челноки, ткацкие станки и игла усиленно работаютъ въ это время. Пословица «лишь бы въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ», повидимому, имѣеть въ горахъ Центральной Азіи примѣненіе болѣе широкое, чѣмъ у насъ.

По Ванджу и отчасти на Пянджѣ, кромѣ описаныхъ зимнихъ помѣщеній, встрѣчаются еще специалънія лѣтнія жилища (чолѣб), чего нѣть нигдѣ въ прочихъ мѣстахъ. Чолѣбы находятся здѣсь почти подъ каждымъ раскидиствимъ деревомъ близъ хонá. Они представляютъ собою помосты, устроенные изъ хвороста и, вообще, сухихъ вѣтвей, на четырехъ высокихъ столбахъ. Мѣстами, гдѣ нѣть деревьевъ, или же гдѣ они даютъ мало тѣни, подобный помостъ съ боковъ огораживается еще плетеніями изъ таловъихъ вѣтвей стѣнами, увѣнчанными плетеною же двускатною или куполообразною или же коническою крышею. Для входа оставляется или цѣлая стѣна незагороженою, или же продолговатое отверстіе, какъ и для дверей. Снизу во внутренность чолѣба ведетъ узкая деревянная лѣстница съ рѣдкими перекладинами для ступеней. По словамъ туземцевъ, подобныя постройки лѣтомъ очень удобны для спанья и вообще для жилья, такъ какъ въ нихъ нѣть ни блохъ, ни клоповъ, ни свѣrosti.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о курганахъ или аркахъ¹⁾, этихъ полуразвалившихся остаткахъ бывшихъ

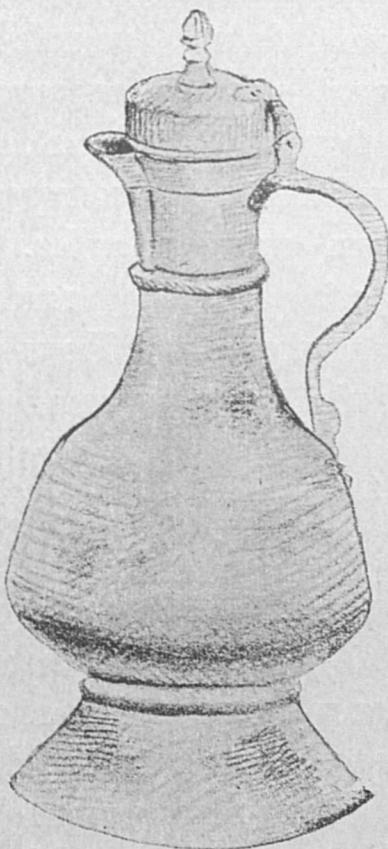

«Сундукъ» для платья. Работанъ въ кишлакѣ Круговать въ Дарвазѣ. (1 — крышка).

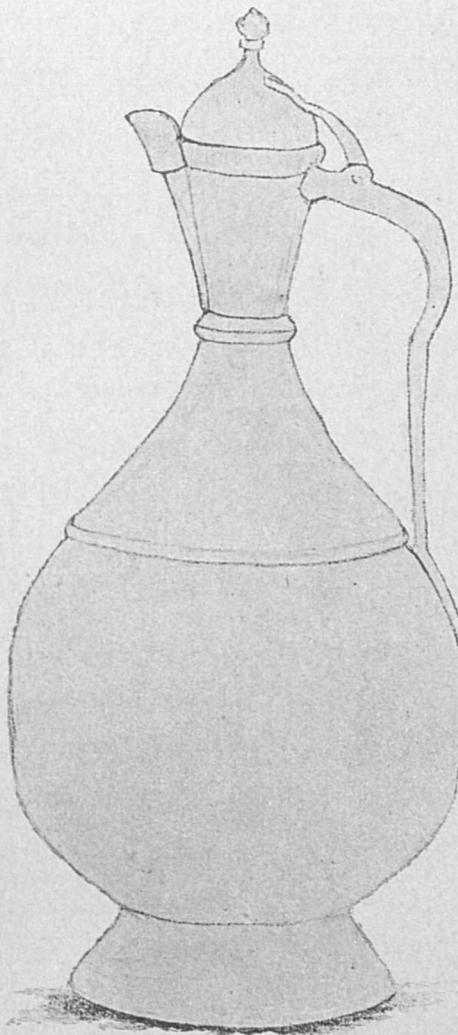
¹⁾ Арк — таджикское слово, кургân — тюркское. Оба синонимы одного и того же понятія: замокъ, дворецъ.

временъ независимаго Күхистона. Нынѣ вѣ нихъ (какъ, наприм., вѣ Карагинѣ и Дарвазѣ) живутъ аммекдѣрѣ и мирѣ съ своими приближенными, т. е. лица, которыемъ вѣдрено управлениe краемъ.

Эти жилища представляютъ нѣкоторыя существенныя уклоненія отъ хонѣ простого люда. Какъ и вездѣ у знатныхъ лицъ, такія постройки отличаются прежде всего величиною и крѣ-

Мѣдный кунганъ для чая,
самаркандской работы.

Мѣдный кунганъ для чая, кашгарской
работы (46 сант. высоты).

постѣю сравнительно съ постройками «байкушей»¹⁾). Каждыи аркъ занимаетъ большое пространство, и его толстыя стѣны вѣ сравненіи съ прочими мизерными постройками кишлака кажутся весьма массивными. Этому, бывѣтъ можетъ, способствуетъ еще и то, что каждый аркъ, вѣ большинствѣ случаевъ, не теряется вѣ массѣ хонѣ, а стоитъ особнякомъ, либо на краю селенія,

¹⁾ Байкуш—по-туркски значить: филинъ, сова, вѣ переносномъ же значеніи—бѣднякъ. Такъ мѣстныя власти и привилегированные классы Бухары называютъ простой народъ.

либо совсѣмъ на отлетѣ, на одинокой скалѣ или надѣ обрѣвомъ рѣки.

Стѣнѣ арка сдѣланы изъ камней, скрѣплѣнныихъ глиною, при чёмъ для прочности между ними, параллельно основанія положены длиныя бревна. Толщина стѣнъ, вѣ среднемъ, равна полутора аршинамъ, вѣшина—не превышаетъ аршинъ пяти-шести. Кое-гдѣ по угламъ или по бокамъ ихъ—четыреугольныя

башни съ амбразурами и бойницами. Окованныя сплошь желѣзомъ или только внизу вѣсокія и широкія ворота изъ крѣпкаго дерева, иногда покрытвя рѣзиномъ затѣйливымъ орнаментомъ, ведутъ внутрь арка. Тамъ помѣщаются многочисленныя службы и отдѣленія, предназначеннія для житія начальника и его подчиненныхъ и для помѣщенія лошадей и домашняго скота.

Парацныя комнаты для почетныхъ гостей или для различныхъ засѣданій обыкновенно находятся вѣ верхнемъ этажѣ арка. Ихъ немного: всего одна или много двѣ-три; онѣ вѣсоки и длинныя и всѣ

Рѣзныя двери вѣ богатомъ домѣ. (Снято вѣ кишлакѣ Оби-Гармѣ, вѣ Карагинѣ).

расположены вѣ рядъ. Съ прочими помѣщеніями такія комнаты не соединены дверями и, обыкновенно, стоять особнякомъ. Вѣ нихъ, вѣ одной изъ продолговатыхъ стѣнъ, рядъ рѣзныхъ дверей съ широкой глинобитной террасой снаружи передѣ ними. Нерѣдко двери находятся вѣ двухъ противоположныхъ стѣнахъ. Вверху надѣ каждой дверью искусно пробиты вѣ стѣнѣ большія узорчатыя рѣшетки для притока воздуха и для свѣта. Иногда онѣ затянуты промасленной бумагой.

Внутри — бѣлвія, оштукатуренныя алебастромъ стѣнѣ съ високимъ потолкомъ¹⁾, полъ глинобитныій, устланныій циновками и паласами²⁾. Мебели никакой, лишь по стѣнамъ лежать круглвія длинныя подушки въ пестрѣхъ адресиахъ³⁾ наволочкахъ, да иногда стоитъ тахта, деревянная кровать на точеныхъ ножкахъ. Тонкій матрацъ на ней, поддерживаемый сѣткой изъ тол-

Типы построекъ въ селеніяхъ равнинъ, (по Аму-Дарьѣ).

ствіхъ бечевокъ, накрыть одѣяломъ, въ изголови — круглая подушка.

Въ стѣнахъ, гдѣ нѣтъ дверей,—ниши, въ которыхъ хранятся запасныя подушки, матрацы, чайники, кунганы и прочій скарбъ.

Въ жаркие дни особенно хорошо чувствуется въ такихъ комнатахъ. Толстvія глинобитныя стѣнѣ не пропускаютъ жара, а свободно проникающій воздухъ чрезъ наддвериа рѣшетки и не плотно притворенныя двери сообщаетъ пріятную прохладу.

¹⁾ Такъ же, какъ и въ Бухарѣ въ зажиточныхъ домахъ, потолки состоять изъ поперечныхъ брусьевъ, отстоящихъ другъ отъ друга на поларшина и соединенныхъ небольшими узкими поперечными дощечками или палочками, плотно лежащими одна около другой.

²⁾ Паласъ—коверъ безъ ворса.

³⁾ Адресъ—полушелковая бухарская ткань красиваго пестраго рисунка.

Въ сладкой истомѣ, обмахиваясь бархатиимъ вѣромъ¹⁾, горній крезъ цѣлыми днями валяется на мягкихъ подушкахъ въ такомъ помѣщеніи.

Зимнія помѣщенія въ курганахъ дѣлаются по общепринятыму образцу и помѣщаются въ нижнемъ этажѣ.

Сады и огороды, примыкающіе къ горніямъ замкамъ, сравнительно съ прочими отличаются величиною и болѣшимъ разнообразіемъ плодовъихъ деревьевъ и овощей, произрастающихъ въ нихъ. Среди сада во многихъ мѣстахъ подъ разვѣсистыми деревьями находятся глинобитныя площадки для отдыха; небольшіе арѣки съ чистою проточною водою бороздятъ садъ по всѣмъ направленіямъ. Часто можно встрѣтить вѣрбітый въ землѣ большой бассейнъ съ водою для омовеній и купанья. Во многихъ садахъ арковъ по усѣпаннѣмъ пескомъ дорожкамъ расхаживаютъ нарядные павлины.

Извѣньѣ всѣхъ аркъ съ его садами и огородаами закрывается высокими стѣнами, такъ что вся жизнь мѣстнаго начальника, вся его обстановка, все необходимое, нужное для житейскаго обихода, все находится не на людяхъ, какъ у прочихъ туземцевъ, а ревниво прячется за крѣпкими стѣнами арка.

¹⁾ Вѣра въ Бухарѣ по своей виѣшности очень напоминаютъ наши древнія сѣкиры. Простой вѣръ плетется изъ тростника, болѣе дорогой — изъ бархата, отдѣланнаго мишурою; тонкая рукоятка, вокругъ которой вращается самое опахало, въ длину не превышаетъ двухъ четвертей

Глава IV.

Бытъ, занятія и промыслы.

Всѣ горнѣе таджики живутъ въ осѣдломъ быту и, повидимому, искони земледѣльцы, при чёмъ прогрессъ, свойственный каждому занятію, каждому промыслу, почти не коснулся основъ земледѣлія въ горахъ Средней Азіи: вѣковыя традиціи земледѣлія, дурни ли, хороши ли онѣ, здѣсь свято охраняются отъ какихъ бы то ни быво новшествъ.

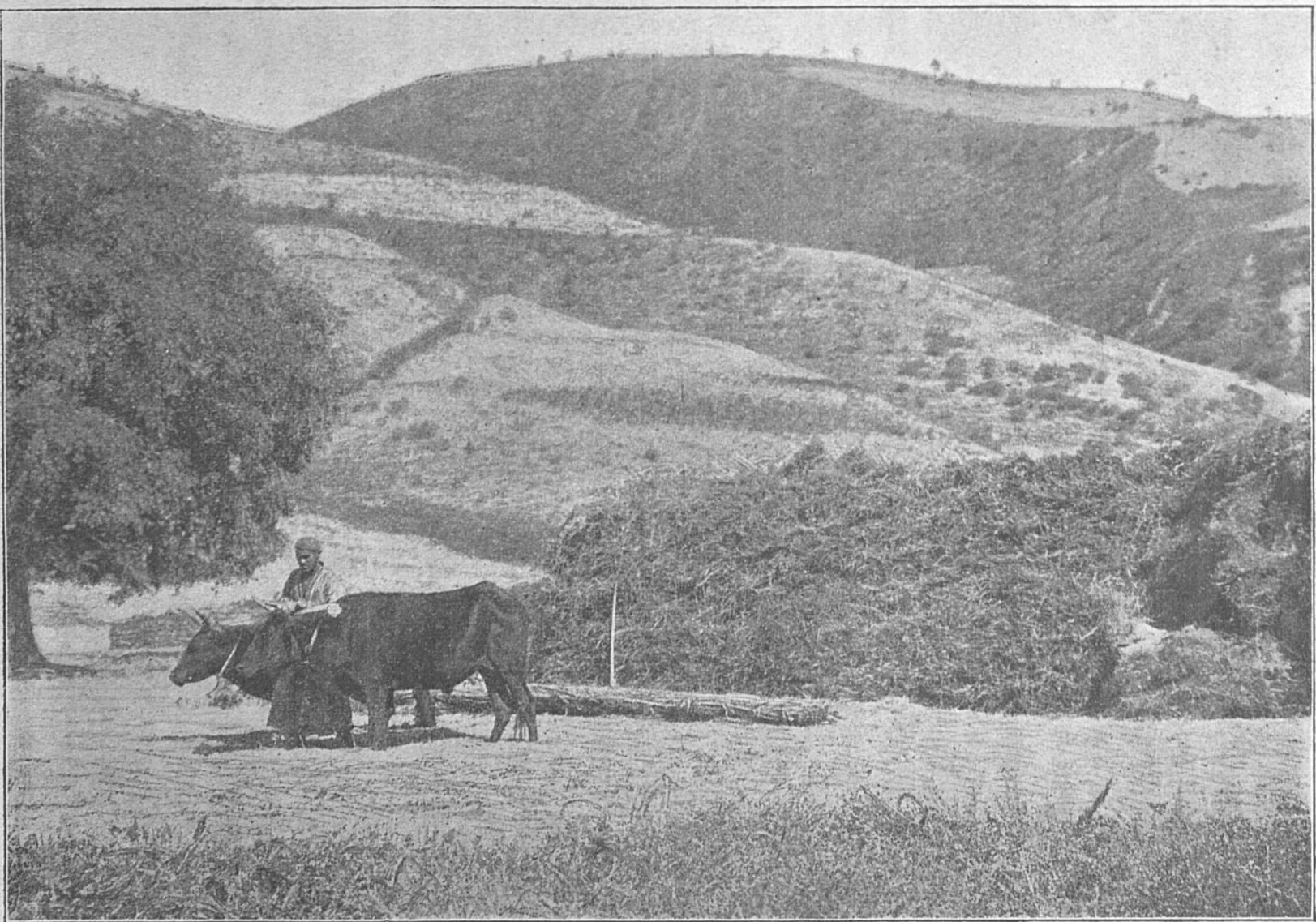
Изъ хлѣбныхъ растеній горцами засѣваются: пшеница, ячмень и просо, а также горохъ, чечевица, бобы и, мѣстами въ Дарвазѣ, кукуруза; изъ волокнистыхъ растеній, засѣваемыхъ только изъ-за масла, сѣютъ: ленъ, кундрѣтъ; въ Дарвазѣ по Пянджу въ огородахъ сѣется маслянистый *ricinus* и подсолнечникъ. Участки земли, засѣянныя хлопкомъ, встрѣчаются мѣстами въ Каратегинѣ и Дарвазѣ. Люцерна (*алѣф*) для скота сѣется вездѣ въ большомъ изобиліи. Ради произрастанія всѣхъ этихъ растеній горецъ-таджикъ и воздѣлываетъ свое поле. Говоримъ «свое», потому что каждый горній таджикъ является поливимъ собственникомъ своего участка. Общинное владѣніе пахотной землей, какъ у насъ въ Россіи, здѣсь неизвѣстно. Кишлаки не имѣютъ общей земельной собственности, за исключениемъ только пастбищъ для скота, но каждый туземецъ владѣеть тѣмъ участкомъ, который ему оставилъ его отецъ, дѣдъ или, вообще, хозяинъ этого участка. Причемъ, если бы по смерти хозяина поля остался въ его семье несовершеннолѣтній старший сынъ, неспособный обрабатывать землю, и если бы даже, кромѣ него, были еще и другія дѣти или взрослые сестры и при нихъ матъ, то участокъ передается во владѣніе не имъ, а стар-

шему мужчинѣ въ родѣ, напримѣръ, брату покойника, за которыи ужъ и остается на всю жизнь безвозвратно. «Земля любить уходѣ и должна ползоватъ только того, кто ее самъ можетъ обрабатывать», говорятъ горцы-таджики. Безземельному же предоставляется лишь право пріобрѣсти землю за деньги у кого-либо изъ своихъ односельчанъ или же поступить такъ: по согласію съ тѣмъ или другимъ землевладѣльцемъ (*сохѣби-мыльк*) безземельный горецъ-таджикъ вспахиваетъ, засѣваетъ и, вообще, убираетъ извѣстныій участокъ землевладѣльца съ тѣмъ, чтобы послѣдній выдалъ работнику четвертую часть изъ собраннаго имъ на этомъ участкѣ зерна.

Начало полевыхъ работъ въ мѣстнѣхъ горахъ совпадаетъ съ началомъ года, празднуемыи, какъ было выше сказано, всѣми таджиками весною, въ мартѣ мѣсяцѣ. Въ это время, обыкновенно, начинается и пахота, и сѣвъ, причемъ зарафшанскій таджикъ вѣзжаетъ въ поле въ первые дни весны, послѣ праздника Нау-Руза, т.-е. Нового Года. И хотя въ это время часто бываетъ холодъ, снѣгъ мѣстами остается въ поляхъ и земля еще не отошла какъ слѣдуетъ, зарафшанецъ, разрыхливъ кое-какъ землю, бросаетъ въ нее сѣмена, поручивъ ихъ произрастаніе и будущій урожай волѣ праведнаго Худо-Афридагоба (Бога-Питателя).

Другое дѣло въ Каратегинѣ и отчасти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Дарваза. Мягкій климатъ, теплое продолжительное лѣто, обилие орошенія, причемъ каждый горный ключъ заботливо охраняется отъ засоренія частою расчисткою, плодородная почва и изобиліе свободной земли издавна способствовали развитію въ горахъ Каратегина мирной земледѣльческой жизни, основанной на болѣе рациональныхъ началахъ, нежели въ Зарапшанскихъ горахъ. Здѣсь туземецъ вѣзжаетъ въ поле не тотчасъ, какъ проводитъ праздникъ Нового Года, а съ появлениемъ теплыхъ весеннихъ дней, когда снѣгъ съ долинъ и скатовъ горъ сойдетъ обильными потоками, когда земля начнетъ отходить и въ воздухѣ уже чувствуется животворное дыханье весны. Старателльная запашка полей, тучная, вдобавокъ еще съ осени хорошо унавоженная земля¹⁾ при тепломъ климатѣ и безчисленныхъ ручьяхъ водъ, бороздящихъ горные посѣвѣ,

¹⁾ Поля унавоживаются и въ Зарапшанскихъ горахъ, и въ Каратегинѣ, въ Дарвазѣ же не во всѣхъ долинахъ.

Молотьба хлѣба «чапаромъ» въ долинѣ Ях-Су.

какъ арѣки средне-азіатскихъ равнинъ,—все это даетъ возможнѣсть собратъ хлѣбъ въ такомъ количествѣ, что каратегинцы про-даютъ его избѣтокъ своимъ бѣднѣмъ и нуждающимся въ хлѣбѣ сосѣдямъ, таджикамъ Зарафшанскихъ горъ и Дарваза. Въ уро-жайній годъ въ Каратегинѣ не рѣдкость встрѣтить такихъ ту-земцевъ, которые собрали пшеницу по 100 батмановъ (кара-тегинскій батманъ равенъ 9 пудамъ)¹⁾. Обиліе хлѣба при отсутствіи рѣнковъ и его небольшомъ сбытѣ служить въ Каратегинѣ при-чиною его баснословной дешевизны. Такъ, напримѣръ, весною одинъ батманъ пшеницы стоитъ 11 тенговъ²⁾ (1 руб. 76 к.), послѣ же уборки хлѣба, кѣ осени,—8 тенговъ (1 р. 28 к.); прежде же, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по словамъ туземцевъ, батманъ пшеницы стоилъ еще дешевле, 3—4 тенги (48—64 коп.).

Земледѣльческимъ орудіемъ для вспахиванія полей служитъ плугъ, называемый по мѣстному то «аспѣръ», то «уммочъ», то «дандана», смотря по говору. Онъ деревянный и представляетъ собою какъ бы прототипъ нашей сохи: составляется либо изъ одного цѣльнаго куска дерева, по болѣй части изъ орѣхово-ваго, либо изъ двухъ кусковъ, съ рукояткою для пахаря и длин-нѣмъ шестомъ, играющимъ роль дышла. Въ мѣстностяхъ, гдѣ развитъ желѣзодѣлателій промыселъ, на одно или два деревянныхъ острія плуга, смотря по устройству, насаживаются же-лѣзные сошки (*ноук*). При паханіи въ плугѣ впряженается пара воловъ.

Когда хлѣба начинаютъ колоситься и созрѣватъ, горецъ ставить въ нѣсколькихъ мѣстахъ поля пугала отъ назойливыхъ птицъ или же сгоняетъ послѣднихъ криками или различными стуками, причемъ этимъ, обыкновенно, занимаются дѣти или подростки.

Созрѣвшій хлѣбъ, пшеницу, ячмень и просо, а вмѣстѣ съ ними и люцерну, жнутъ, горохъ же, чечевицу и кукурузу дергаютъ.

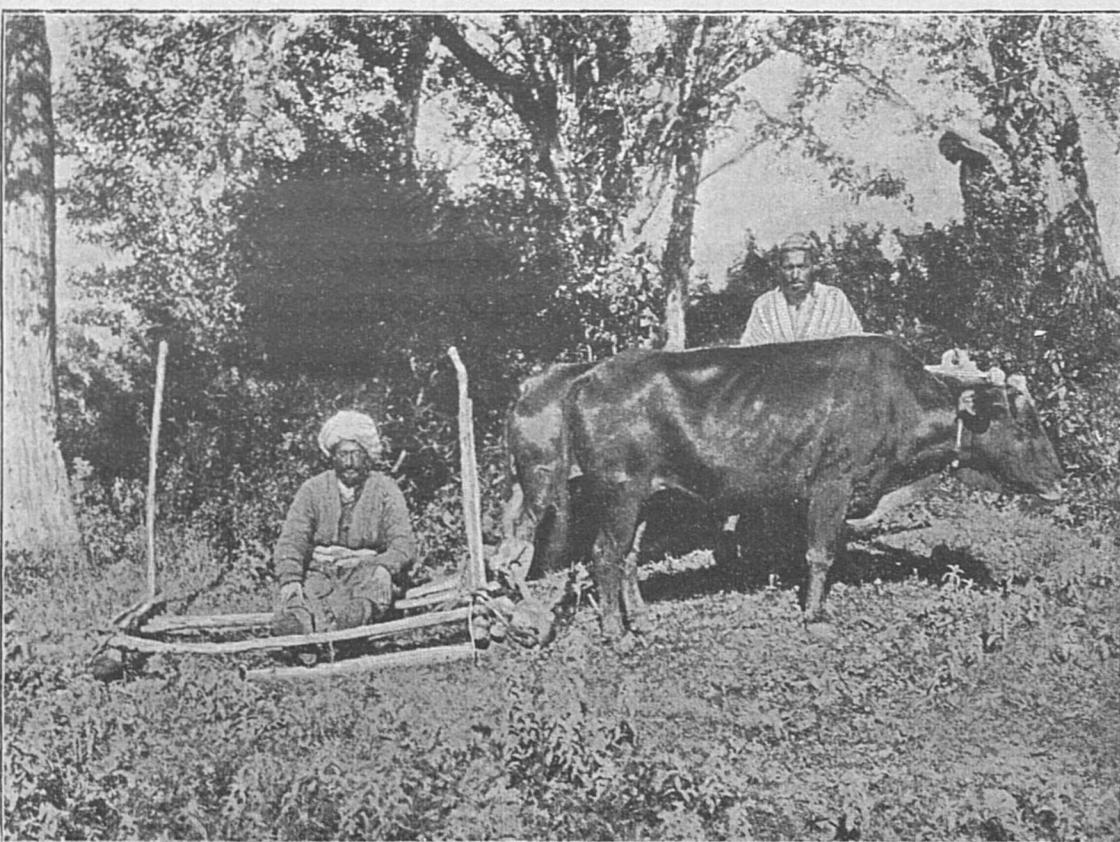
Орудіемъ жатвы служить желѣзный серпъ (*доз, дост*), наса-женный на деревянную рукоятку, совершенно такой же, какъ и у нашихъ крестьянъ, развѣ лишь съ тою разницею, что таджинскій достъ не такъ выгнутъ и не имѣть на своемъ острѣ тѣхъ мелкихъ зазубринъ, которыя свойственны нашимъ серпамъ.

¹⁾ Бухарскій батманъ—8 пудовъ.

²⁾ Тенга—серебряная бухарская монета, въ 1898 году была по курсу равна 16 ко-пѣйкамъ, нынѣ же по курсу 15 копѣекъ.

Вся жатва, какъ и вообще всѣ полевые работы, производится мужчинами. Женщины же въ поляхъ не работаютъ, за исключениемъ, кажется, Матчинской волости въ Зарафшанскихъ горахъ, гдѣ, какъ намъ передавали, жнутъ и мужчины, и женщины вмѣстѣ.

Сжатый хлѣбъ связываютъ въ небольшіе снопы (*бାନ୍ଦି-ଗାନ୍ଦୁମ*, *ବାନ୍ଦି-ଧକ୍କାୟ*, смотря по хлѣбу), которые складываются въ небольшія копы и потомъ или отвозятся въ кишлаки для обмолота, или обмолачиваются на мѣстѣ. Для перевозки сжа-

Сани для перевозки тяжестей.

таго хлѣба или люцерны употребляютъ особья сани, называемыя по мѣстному «чигинѣ» (въ мѣстнѣхъ говорахъ «арбѣ» и, вообще, какое бы то ни было слово, означающее колесный экипажъ, совершенно не употребляется). Ихъ незатѣйливое устройство видно изъ приложенного здѣсь рисунка. Четыре высокихъ палки, прикрепленыихъ къ угламъ чигинѣ, служатъ для поддерживания воза, а чтобы снопы во время перевозки не развалились, возъ еще утягиваютъ веревками и жердью, совершенно такъ же, какъ это дѣлаютъ съ возами въ страдную пору у насъ.

Молотьба хлѣба производится на большомъ току, на которомъ снопы кладутся въ видѣ громадного круга. На этотъ кругъ вводится пара воловъ, запряженныхъ въ тяжелый деревянный «чапаръ» (см. рисунокъ), сѣ которыхъ подгоняемы воловы медленно начинаютъ описывать круги по разложенными на току снопамъ. Обмолоченный такимъ образомъ хлѣбъ провѣваютъ, стрясая его по вѣтру сѣ круглой чашки опять-таки совершенно тѣмъ же способомъ, какой употребляютъ у насъ для большаго очищенія отъ сора уже пропаренного зерна.

Если кишлакъ далеко, то обмолоченный и пропаренный хлѣбъ оставляется на береженіи у самаго поля. Для этого по близости послѣдняго вѣрѣваютъ одну или нѣсколько большихъ ямъ, смотря по количеству умолова, стѣнѣ ямѣ аккуратно обмазываютъ глиной, на дно же кладутъ солому, на которую и ссыпаютъ зерно. Сверху опять застилаютъ соломой, заливаютъ глиной, смѣшанной сѣ рубленой соломой или съ известкой (гдѣ она есть), и засыпаютъ землей. Открывается такая кладовая лишь въ томъ случаѣ, когда нужно зерно для той или другой потребности. Такимъ же образомъ во многихъ мѣстахъ берегутъ хлѣбъ и дома, такъ какъ амбары и закрома встречаются сравнительно не часто.

Садоводство и огородничество служить не малымъ подспорьемъ земледѣлю. Овощи въ огородахъ, плоды и фрукты въ садахъ въ пору ихъ созреванія доставляютъ таджику если не питательную, то во всякомъ случаѣ приятную пищу. Сушеные же яблоки, дули, сливы, груши, абрикосы и т. п. плоды и фрукты идутъ и въ зиму, разнообразя въ томъ или другомъ видѣ скучный столъ горца.

Мѣстами, какъ, напримѣръ, на Вахю, на Ванджѣ и въ Дарвазѣ по Пянджу, гдѣ природа бѣдна и преобладаетъ каменистая почва, гдѣ мало-малыскигодные для земледѣля участки заняты болѣе щиинными, чѣмъ хлѣбные злаки, культурами (какъ, напр., хлопчатникомъ), существование населенія находится въ тѣсной зависимости отъ тута. Здѣсь, особенно по Пянджу, всѣ почти свободныя отъ построекъ мѣста заняты громадными многолѣтними деревьями кормилца-тута, разводимаго не для шелководства, которыми здѣсь не занимаются, а только для питания. Именно, спѣлья ягоды тута, опадая, тщательно собираются населеніемъ и высушиваются либо на крышахъ хонѣ, либо на

Вѣянье пшеницы. (Снято въ долинѣ Ях-Су).

громадніхъ камняхъ, въ изобилії встрѣчаюшихся въ этихъ обездоленіяхъ уголкахъ. Сушенія ягоды перетираютъ между ручніхъ жернововъ въ муку, которую прибавляютъ въ хлѣбъ или же варятъ изъ нея родъ каши или супа. Подобную же муку дѣлаютъ и изъ сушеніхъ яблокъ. Намъ приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ таджиковъ, что они мѣсяца по два—по три не видятъ никакого другого хлѣба, кромѣ какъ печенаго изъ тутовой муки. Благодаря обилию здѣсъ тута, за нимъ прѣезжаютъ сюда и съ Вахіо (лѣвый берегъ р. Хингоу), гдѣ недостатокъ въ хлѣбѣ заставляетъ порою тамошнихъ таджиковъ прибегать къ питанію тутомъ и яблоками.

Что касается полѣзованія тутомъ въ цѣляхъ шелководства, то таковое сосредоточено, главнѣмъ образомъ, въ Каратегинѣ, шелковыя ткани котораго полѣзуются болѣшою популярностью не только среди горцевъ, но и въ равнинѣ. Къ сожалѣнію, способы добыванія шелка и приемы шелководства настолько примитивны, что шелковыя матеріи не отличаются ни тонкостью работы, ни ровностью основы и утка. Лишь одна отрасль горніхъ шелковыхъ издѣлій полѣзуется справедливою и заслуженною славой. Это вышиваніе мѣстными женщинами по матѣ (по рисункамъ, намѣченнымъ пунктиромъ) различніхъ затѣйливыхъ рисунковъ на вышеупомянутыхъ женскихъ покрываляхъ, дѣтскихъ повязкахъ, воротахъ дѣтскихъ и женскихъ рубашекъ и т. п. Такие узоры, исполненные разноцвѣтными шелками, отличаются разнообразиемъ мотивовъ и необыкновенной тщательностью работы.

Большую полѣзу сослужили бы почти всю жизнь впроголодѣ живущему таджику рожь и овесъ, мѣстами въ изобилії встречающіеся въ горахъ, но, къ сожалѣнію, культивированіе этихъ злаковъ здѣсъ неизвѣстно, и туземецъ смотрить на нихъ, какъ на обыкновенную траву. Помню, какъ въ кишлакѣ Свистаргъ, въ верховьяхъ рѣки Ванджа, увида ячменное поле, все заросшее дикимъ овсомъ, мы спросили случившагося при этомъ таджика: «что это растеть въ яченѣ?» Тотъ отвѣтилъ, что это трава, называемая по мѣстному «гвізъ». Когда же мы объяснили, что подобную траву въ Россіи нарочно засѣваютъ и кормятъ ею вместо ячменя лошадей, нашъ собесѣдникъ лишь пожалъ плечами да прищелкнулъ языкомъ отъ удивленія: ишь, молъ, какая вещь!

Помимо перечисленныхъ злаковъ и кормилъцевъ-плодовъ, составляющихъ насущныи хлѣбъ горца, слѣдуетъ упомянуть еще о хлопчатникѣ, значеніе котораго въ жизни нѣкоторыхъ уголковъ Кухистона весьма велико. Именно, если пшеница, тутъ и прочие злаки и плоды кормятъ туземца, то хлопчатникъ одѣваетъ его съ ногъ до головы. Правда, не вездѣ въ Нагорной Бухарѣ встрѣчаются хлопковыя поля: ихъ, напримѣръ, очень мало въ Каратегинѣ, въ Дарвазѣ по Хингоу; въ долинѣ же Ванджа, начиная съ кишлака Техарвъ, хлопокъ начинаетъ попадаться чаще

Водяная мельница «олоб». (Снято въ кишлакѣ Хакими, на южныхъ склонахъ Хисарского хребта).

и, наконецъ, въ Дарвазѣ по Пянджу почти вѣтѣснаетъ хлѣбные злаки, являясь на ряду съ тутовыми рощами однимъ изъ типичнѣйшихъ признаковъ этой части Дарваза. Здѣсь хлопокъ является своего рода гордостью туземцевъ, съ сознаніемъ собственного достоинства говорящихъ: «мы, люди Дарваза, умеемъ ткать хлопчато-бумажные ткани», и эта похвала мѣстныхъ туземцевъ самимъ себѣ не должна казаться пустою: отсюда по всей долинѣ Ванджа, на Язгулянъ, Ях-Су и отчасти на Хингоу и въ Каратегинѣ хлопокъ расходится въ свѣромъ и обработанномъ видѣ. Дарвазъ по Пянджу, такимъ образомъ, является значительнымъ

хлопчатобумажнѣмъ центромъ, гдѣ ткацкіе станки почти вѣвъ каждомъ хонѣ ткуть самую популярную во всей Нагорной Бухарѣ бѣлую бумажную ткань (*матѣ*), вѣвъ которую одѣваются всѣ горцы отъ мала до велика.

Изготовленіемъ пряжи для матѣ занимаются женщины, тканьемъ же—мужчины. Описаніе самаго производства матери, т.-е. тканя, едва ли дастъ читателю какія-либо особенно новыя свѣдѣнія по этому предмету, такъ какъ приготовленіе основы и утка, ткацкіе станки, берда, челноки, мотушки и шпульки—все то же, что и вездѣ, за исключеніемъ развѣ того, что здѣсь они сдѣланы примитивнѣе да размѣромъ много менѣе, чѣмъ наши.

Обычное время для тканя это зима, когда нѣть другихъ занятій вѣвъ родѣ полевыхъ работъ, пастбищ скота и т. п. Вѣвъ это время семи горцевъ, собравшихъ по нѣскольку вѣвъ зимнія жилища, обыкновенно только и занятія изготавленіемъ различной одежды, тканьемъ и вязаньемъ. Дни стоять небольшие, пасмурные, вершины горъ окутаны нависшими густыми облаками, снѣгъ лежитъ глубокимъ слоемъ, холодъ слишкомъ даетъ себѣ знать, лишь вѣвъ зимнемъ хонѣ тепло и уютно. Чароги, воткнутые по стѣнамъ, пылаютъ яркимъ пламенемъ, очагъ, разведеніемъ по срединѣ хижинъ, разливаетъ пріятную теплоту, вдоль стѣнъ по нарамъ идетъ дружная и спѣшная работа: женщины вяжутъ, шьютъ или сшиваютъ нитки, мужчины ткуть, при чемъ часто стукъ ткацкихъ станковъ и щелканье челноковъ смѣшиваются съ веселыми и продолжительными пѣснями, которыми вторятъ бубны и барабаны.

Обычная ширина ткани—вершковъ шесть; куски матери, обыкновенно, не складываются вѣвъ штуки, а свертываются вѣвъ трубку. Кромѣ матѣ изъ хлопка ткутся и разноцвѣтныя бумажныя матери¹⁾, та же матѣ, но только тканая вперемежку съ цвѣтными нитками и видомъ нѣсколько напоминающая сардинку. Помимо подобныхъ тканей встречаются такія, на которыхъ по общему какому-либо цвѣтному фону разбросаны различные узоры другого цвѣта. Послѣднее достигается слѣдующимъ образомъ. На матѣ предварительно дѣлаютъ тѣ или другіе узоры: квадратики, крестики, просто пятна и т. п., затѣмъ, просушивъ материю, каждое место съ рисункомъ на немъ тщательно собираютъ вѣвъ ко-

¹⁾ Всякая хлопчатобумажная материа называется «карбосъ», матѣ—специально бѣлая ткань.

мочекъ и плотно - наплотно обвязываютъ нитками, послѣ чего матерію погружаютъ въ другую краску (чѣмъ та, которой наведены узоры). Вывнувъ ткань изъ краски, ее просушиваютъ и затѣмъ развязываютъ узелки.

Для окраски матерій употребляютъ искусственныя и растительныя краски. Первые - русскаго и отчасти иностранного производства, привозятся въ горы купцами-узбеками, киргизами и равнинными таджиками изъ Ферганы, Самарканда, Куляба и Афганистана; часто ихъ покупаютъ въ городахъ равнинѣ и сами горцы, попадающіе туда по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ.

Изъ растительныхъ красокъ съ равнинѣ привозятся также: «руйанъ» (имѣющій оттенки отъ светло-краснаго до бордового¹⁾), приготовляемый изъ травы того же названія²⁾, и «бузгунчъ» (желтаго цвета), добываемый изъ пустоцвѣта фисташковаго дерева.

Черная краска приготавливается самими туземцами следующимъ образомъ. Берутъ нашатырь (зорк), шелуху гранатъ (пусты-анор) и железнѣе опилки (охан-сай), кладутъ все это въ воду и кипятятъ раза два вмѣстѣ съ положенной въ эту смѣсъ матеріей, послѣ чего послѣднюю оставляютъ на недѣлю лежать въ краскѣ. По истеченіи этого срока матерія вѣнимается и просушивается на солнцѣ.

Эти краски употребляются и для окрашиванія шелковыхъ тканей и шерстяной пряжи.

Неизмѣнныя друзья нашихъ деревень, конопля и ленъ, называемые по мѣстному «каноу» или «канопъ» и «загвиръ», хотя и жмутся мѣстами у краевъ мутныхъ арбиковъ подлѣ жилыхъ мѣстъ, но не цѣнятся здѣсь за драгоценное качество своихъ волоконъ, потому что оно здѣсь неизвестно: наряду съ засѣваемыми мѣстами баданджиромъ (*ricinus*) ленъ, кунджутъ и конопля въ горахъ имѣютъ цѣну исключительно съ точки зреинія добыванія изъ нихъ маслянистаго вещества для чаровъ.

На ряду съ земледѣлемъ другая отрасль сельскаго хозяйства имѣетъ весьма существенное значеніе для туземца. Это - скотоводство. Крупный рогатый скотъ, разводимый въ Нагорной Бухарѣ, принадлежитъ къ той породѣ, праотцами которой,

¹⁾ Смотря по степени густоты раствора краски. Руйанъ специально производятъ въ Хисарѣ, где батманъ такой краски стоитъ 45 рублей на наши деньги.

²⁾ *Rubia peregrina*.

вѣроятно, бывали знаменитѣе зебу Индіи и Сіама. Эта порода сравнительно малорослая, отличающаяся небольшими рогами, преобладающимъ чернѣмъ цвѣтомъ шерсти и характеристичнѣмъ горбомъ, нынѣ распространена на всемъ томъ громадномъ пространствѣ, которое занимаетъ Иранъ, Закаспійская область, Хива, Бухара и Афганистанъ.

Бѣковъ, предназначеннѣхъ для работы (пахоты, молотьбы и проч.), выхолащаются, причемъ этимъ дѣломъ занимается кто-либо изъ мѣстнѣхъ жителей.

Овцы, вѣ большинствѣ случаевъ не особенно крупныя, отличающіяся курчавою бѣлою, черною либо рѣжею шерстью и небольшими кудряками, встречаются громаднѣми стадами.

Что касается мѣстной породы лошадей, то происхожденіе ея, возможно, восходитъ къ глубокой древности (по отзыву знатоковъ мѣстнѣхъ конскихъ породъ родственна съ гетской породой). Обычнѣй типъ лошадей: средняго роста, съ облагороженнѣми формами, съ сухими ногами и тонкой кожей. Вѣносливія вѣ утомителнѣхъ путяхъ по горнѣмъ дорогамъ и переваламъ, осторожнѣя при спускахъ и подъемахъ по голово-кружителнѣмъ извилистымъ тропинкамъ, послушнѣя и кроткія, эти кони незамѣнимы при всѣхъ передвиженіяхъ по горамъ и не мудрено, что горецъ довѣрчиво поручаетъ имъ нести на своей спинѣ не только самого себя, но и свою жену и дѣтей.

Сравнительно съ общимъ количествомъ рогатаго скота лошадей вѣ горахъ встречается гораздо менѣе, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что вѣ каждомъ кишлакѣ находится не больше двухъ-трехъ кобылъ, осталнѣя же всѣ—жеребцы. Обычай выхолащиванія послѣднихъ неизвѣстенъ, желательность атрофированія половой потребности у жеребцовъ достигается простѣмъ охраненіемъ ихъ отъ всякаго общенія съ матками. Владѣлецъ забеременѣвшей кобылы считается самѣмъ счастливѣмъ человѣкомъ, но это счастье, вслѣдствіе крайней бѣдности жителей и потому невозможности пріобрѣсти лишнюю кобылу, благодаря сравнительной дороговизнѣ кобылицъ вообще, доступно очень немногимъ.

Обширнѣя горнѣя пастбища и тучнѣя травы исконо спосбствовали вѣ горахъ развитію скотоводства, и горецъ-таджикъ, чти и воздѣлывая матв-землю, вмѣстѣ съ тѣмъ охотно занимается и пастушескимъ промысломъ, не прочь на нѣкоторое время

обратиться и въ номада. Съ появленіемъ теплѣхъ весеннихъ дней и зеленой травы на пастбищахъ, туземецъ, особенно владѣлецъ стадъ, покидаетъ свой кишлакъ и идетъ искать вблизи своего селенія, гдѣ-нибудь въ долинѣ рѣки, удобное пастбище. Найдя таковое, онъ ставить кибитку или строить изъ камней убогую хижину и заживаетъ на зеленомъ просторѣ долины до наступленія холодовъ.

И въ отдаленнѣхъ ущельяхъ и въ нагорнѣхъ вѣсняхъ часто эти кибитки или хижинѣ служатъ единственными отголосками обитаемости окружающихъ каменныхъ громадъ.

Помимо молока, масла, сметаны и прочаго, скотъ доставляетъ таджику шерсть для производства грубой ткани, для зимнихъ чалмъ, халатовъ, штанъ и упомянутыхъ выше узорчатыхъ чулокъ¹⁾, а также овчинѣ и кожи для постелей, одежды и обуви.

Способъ выѣзда ки овчинѣ и кожѣ заслуживаетъ вниманія быть упомянутымъ. Такъ, въ Зарафшанѣ онѣ выѣзжаются слѣдующимъ образомъ. Мяздро только-что снятой шкурѣ обильно посыпаютъ солью и оставляютъ въ такомъ видѣ на одинъ или двое сутокъ. По прошествіи этого срока мяздро счищаются

¹⁾ Попытнѣ надо удивляться, какъ туземныя женщины въ какихъ-нибудь 3—4 дня на трехъ тонкихъ деревянныхъ прутикахъ связываютъ пару такихъ чулокъ, отличающихся поразительнымъ разнообразіемъ рисунка.

Охотники за горными козлами въ Зарафшанскихъ горахъ.

особой желѣзной острой полосой и мнуть овчину въ теченіе нѣкотораго времени руками, послѣ чего она готова къ употребленію. Въ другихъ мѣстахъ овчины для одеждъ выдѣлываются (обыкновенно зимою) нѣсколько инѣмъ способомъ. Разводятъ жицко въ водѣ ячменную муку и кладутъ въ нее овчину дней на десять, послѣ чего ее вынимаютъ и, если стоять ясная морозная погода, развѣшиваютъ на протянутой веревкѣ. Когда овчина замерзнетъ, ее посыпаютъ солью и опять развѣшиваютъ на веревкѣ, оставляя въ такомъ положеніи на недѣлю. Потомъ мядро счищается просто руками и овчина снова кладется дней на семь въ растворъ ячменной муки. Окончательная отдѣлка заключается въ томъ, что, по вынужденіи изъ этого раствора, ее растираютъ руками въ теченіе пяти или шести дней.

Изъ приготовленныхъ такимъ способомъ овчинъ мѣстные портнихи, обыкновенно ходящіе по кишлакамъ, шьютъ горцамъ (за три или четыре тенги) теплые зимніе халаты.

Шкурки сурковъ, идущія на обувь, также выдѣлываются этимъ способомъ, но часто употребляются и сваромятніями.

Изъ промысловъ, помимо выработки посуды и тканья на сторону хлопчатобумажныхъ и отчасти шелковыхъ матерій, о которыхъ было выше упомянуто, для полноты картины необходимо замѣтить и другое, какъ, напримѣръ: желѣзодѣлательное производство, добываніе золота, нашатиря, отхожіе промыслы и, отчасти, охоту.

Богатыя залежи желѣзной руды въ верховьяхъ р. Ванджа даютъ горцамъ Ванджской долины неизсякаемый матеріалъ для различного рода желѣзныхъ издѣлій, которыя удовлетворяютъ самому разнообразнѣмъ требованиямъ домашняго обихода горныхъ таджиковъ и потому расходятся изъ этой огромной кузницѣ, какова долина Ванджа, по всему Дарвазу, Карагину и Язгуляну, проникая даже въ отдаленнѣе и трудно достиженіе уголки Рошана, Шугнана и Вахана.

Несмотря на примитивность выработки мѣстныхъ желѣзныхъ издѣлій и крайне первобытный способъ полученія желѣза изъ руды, ванджскія желѣзныя издѣлія все-таки отличаются болѣшою прочностью и извѣстною долею изящества.

Самый способъ добыванія желѣза намъ пришлось наблюдать во кишлакѣ Сытаргъ, на Ванджѣ, гдѣ находится нѣсколько кузницъ и желѣзо-плавильныхъ печей. Онъ состоитъ въ слѣ-

дующемъ. Привезенную изъ рудниковъ жалѣзную руду разбиваютъ на мелкіе куски и складываютъ въ сухомъ мѣстѣ, обыкновенно подъ просторнымъ и низкимъ, огороженнымъ съ трехъ сторонъ навѣсомъ, подлѣ самой печи. Послѣдня—конусообразная, вѣсотою аршина въ три, діаметръ ея основанія не превышаетъ $\frac{3}{4}$ аршина; вверху небольшое, около четверти, отверстіе. Два мѣха изъ козвихъ шкуръ лежать на полу у самаго основанія. Наложивъ въ такую печь сверху до низу хвороста или дровъ (*изомъ*), поджигаютъ ихъ, закладываютъ камнями широкое боковое отверстіе печи и замазываютъ его глиною. Когда дрова прогорятъ и останутся лишь раскаленные уголья, въ верхнее отверстіе печи особыемъ круглымъ черпакомъ съ тонкою деревянною рукояткою (*кавлѣзи-гоугаръ*) накладываютъ куски руды, раздувая въ то же время угли мѣхами. По мѣрѣ уменьшенія углей прибавляютъ другое, на которое опять бросаютъ куски руды, причемъ все время идетъ непрерывная работа мѣховъ, около которыхъ стоитъ для этого по нѣскольку человѣкъ, работающихъ посменно въ теченіе 6—8 сутокъ. По истеченіи этого срока разламываютъ заложенное камнями боковое отверстіе печи и вынимаютъ чрезъ него отдѣлившееся отъ постороннихъ примѣсей чистое жалѣзо.

Количество послѣдняго, добытаго за одинъ такой приемъ, трудно определить, такъ какъ туземцы не знаютъ почти никакихъ мѣръ вѣса¹⁾, и спрошеній мною по этому поводу туземецъ-желѣзодѣлатель простодушно отвѣчалъ:

— Вотъ, тюря, приблизительно сто такихъ штукъ добудемъ, и при этихъ словахъ показалъ на руку отъ локтя до конца пальцевъ.

Жалѣзныя издѣлія, вырабатываемыя на Ванджѣ, слѣдующія: серпы (*доз, дост*), заступы (*белъ*), кlevцы (*кенодж*), топоры (*таваръ*), подковы (*нааль*), сошники для плуговъ (*ноук*), тесала (*хоркан*) для выдалбливанія посуды и отчасти рубки дерева, въ видѣ нашихъ мотыгъ или кlevцовъ, мотыги (*теша*), формою похожія на наши, но нѣсколько менѣе размѣромъ и притомъ насаженныя на короткую ручку, ножи (*корчад*), бритвы (*тиг*),

¹⁾ Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, правда, какъ мѣра вѣса употребляется «сангъ» (камень), тяжестью, примѣрно, въ 1 пудъ, 20 фунт., 15 и 5 фунтовъ и, иногда, въ $2\frac{1}{2}$ фунта. Четверти и половины фунта не употребляются. Вѣсы (*чуби-коса*), сдѣланные изъ дерева, пріобрѣтаются исключительно въ равнинныхъ городахъ или у бродячихъ цыганъ (*молиб*).

кузнечные тяжелые молоты (*пульк*), обычновенные молотки (*хокизк*), клещи (*амбыр*), шила (*даравш*) и ножницы (*кайчи*).

Эти изделия находятъ большой сбытъ на рынкахъ Кал'ай-Хума и въ соседнихъ долинахъ: Язгуляна и Оби-Хингоу, причемъ продажа на деньги совершаются очень рѣдко; обычновенно вещи мѣняются на тѣ, которыя необходимы таджикамъ Ванджа напримѣръ: изъ Кал'ай-Хума привозятъ очищенный хлопокъ (*пахтѣ*) для тканья матвѣ на костюмы, язгулянцы вѣмѣниваютъ желѣзныя вещи на мату и «карбосъ» вообще, а также снабжаютъ горцевъ Ванджской долины чулками, съ Оби-Хингоу привозятъ для обмѣна на жѣлѣзныя изделия хлѣбъ и мату.

Помимо долины Ванджа вѣдѣлкою жѣлѣзныхъ изделий занимаются также и въ Каратегинѣ, хотя не въ такихъ размѣрахъ, именно, небольшой (десять хижинъ) кишлакъ Бод-Ревакъ вѣрабатываетъ знаменитѣе, крученые изъ стальной проволоки, каратегинскіе ножи.

Другой промыселъ, охватывающій собою не одну, а почти всѣ долины Нагорной Бухары, это добываніе золота изъ золотоносного песку мѣстныхъ рѣчекъ. Лично намъ приходилось видѣть два способа добыванія этого благороднаго металла.

Одинъ состоитъ въ слѣдующемъ. Весною, когда воды рѣкъ спадутъ и по нимъ можно ходить по всѣмъ направленіямъ, горецъ беретъ небольшой, продолговатый деревянный лотокъ и, засучивъ штаны, входитъ въ рѣку, достаетъ со дна песокъ, кладетъ его въ лотокъ и тамъ же въ рѣкѣ или на берегу начинаетъ «отмѣватъ» золото, дѣляя лоткомъ круговоращающее движенія, чтобы золотой песокъ сился въ одно мѣсто. Этотъ способъ весьма утомителенъ, потому что на него уходитъ масса времени, да кромѣ того при всей тщательности работѣ золото отмѣвается не все.

Другой способъ состоитъ въ слѣдующемъ. Партия горцевъ въ нѣсколько человѣкъ, имѣя при себѣ длинныя палки съ насаженными на нихъ круглыми травяниками, у которыхъ срезанъ одинъ бокъ¹⁾, рѣдкую, плетеную изъ прутьевъ рѣшетку, прикрепленную продолговатыми сторонами къ двумъ полозьямъ, и кусокъ грубаго «свойскаго» сукна, отправляется вдоль берега рѣки.

¹⁾ Такъ что получается родъ черпака.

Группа охотниковъ за горными козлами.

Облюбовавъ то или другое мѣсто, гдѣ можно начать промываніе золота, золотоискатели ставятъ на берегу рѣшетку загибами полозьевъ внизъ и накрываютъ ее сукномъ, такъ что образуется покатая поверхность. Затѣмъ черпаютъ черпаками со дна рѣки песокъ, вытряхиваютъ его на сукно и сверху по немногу поливаютъ водою до тѣхъ поръ, пока небольшие камешки, крупный и мелкій песокъ не смоются внизъ, оставивъ на поверхности сукна крупинки драгоценного металла. Конечно, и такой способъ промыванія золота весьма примитивенъ и утомителенъ.

Добытый золотой песокъ отчасти идетъ въ казну эмира, въ видѣ уплаты податей, а отчасти расходится по карманамъ кулябскихъ и ферганскихъ купцовъ, разъѣзжающихъ по горнѣмъ кишлакамъ и вѣмѣнивающихъ «презрѣнныій металль» на мату, русскій ситецъ и прочія вещи, необходимыя туземцу. Что касается заработка каждого золотоискателя за весну, то онъ, въ среднемъ, не превышаетъ рублей двадцати.

Производство нашатыря (*зорк*) известно, кажется, лишь въ Зарафшанскихъ горахъ, гдѣ въ кишлакѣ Паніанъ (между кишлакомъ Пасрудъ и развалинами крѣпости Серводанъ) намъ и пришлось наблюдать эту отрасль мѣстной промышленности.

Рядъ низкихъ, темнѣихъ глиnobитныхъ хижинъ, носящихъ довольно громкое название «кор-хонѣ» (заводовъ), служить указаниемъ на то, что здѣсь добывается нашатырь.

Пройдя сѣ труdomъ чрезъ маленькую узкую дверь одного изъ такихъ « заводовъ», входишь въ совершенно темнѣй продолговатый сарайчикъ, стѣнѣ и потолокъ котораго покрыты отвердѣвшимъ блестящимъ копотью; земляной полъ весь заваленъ обломками нашатырного камня. Очагъ сложенъ изъ кирпичей и въ него вѣланъ большой котелъ, подлѣ—двѣ глубокія ямы.

Для полученія нашатыря куски нашатырного камня кладутъ на дно котла, наливаютъ туда воду и кипятятъ. Затѣмъ прокипяченую воду сливаютъ въ одну изъ находящихся подлѣ ямъ, на днѣ которой, по охлажденіи воды, образуется чистый, смѣшанный съ землею, осадокъ нашатыря. Его кладутъ въ промытый начисто котелъ, наливаютъ водою и опять кипятятъ, послѣ чего воду сливаютъ въ другую яму. Полученный по охлажденіи болѣе чистый осадокъ нашатыря снова кладутъ въ ко-

тель и кипятить съ водой, которую потомъ сливаютъ въ какой-либо чистый сосудъ (по большей части въ котель); на днѣ его на этотъ разъ осаждаются кристаллы совершенно чистаго нашатыря. Послѣдній сбываются, обыкновенно, на рынки Пенджакента и Самарканда по цѣнѣ отъ 6 до 8 рублей за пудъ.

Перечисленные занятія и промыслы горцевъ - таджиковъ, однако, не обеспечиваютъ ихъ вполнѣ и потому очень многіе изъ нихъ ищутъ заработка на сторонѣ, особенно зарафшанцы и каратегинцы, хотя мѣста должны здѣсь же оговориться относительно послѣднихъ, что эти не ради крайней нужды, какъ ихъ соѣди, зарафшанскіе таджики, отправляются на чужую сторону. Живя въ чудной, въ изобилии надѣленной и хлѣбомъ и фруктами долинѣ, каратегинцы, эти оверниятѣ Бухары, идутъ на сторону болѣе изѣза той любознательности и живости своего характера, которыми они такъ рѣзко отличаются отъ прочихъ изѣхъ своихъ сородичей и которыхъ ихъ влекутъ изѣ родимыхъ горъ на чужбину все осмотрѣть и обо всемъ разспросить.

Время выхода на заработки — осень, послѣ окончанія полевыхъ работъ, причемъ само-собою разумѣется, что тѣ, кому нечего дѣлать лѣтомъ, идутъ на сторону и на лѣто. Зарафшанцы болѣе отправляются въ близлежащіе города: Самарканда, Пенджакентъ, Ташкентъ и проч., гдѣ и исполняютъ различныя чернѣя работы: таскаютъ тяжести, поправляютъ или заново копаютъ колодцы, бассейны и проч. Каратегинцы ищутъ заработковъ въ сосѣдней Ферганѣ, Хисарѣ и отчасти Сырь-Даргинской области, гдѣ ихъ нерѣдко можно встрѣтить въ числѣ рабочихъ на различныхъ заводахъ, въ качествѣ сторожей лавокъ, домовъ и проч.

Сокольничий съ соколомъ. (Снято въ «Калаи-Хумѣ»).

Ночная стража въ г. Караганѣ (въ Хисарѣ).

Обиліе въ горахъ дичи, какъ-то: козловъ (*oxý*), медвѣдей (*хырс*), зайцевъ (*харгүш*), куропатокъ (*кабкá*), голубей (*кафтár*), гусей (*коз*), утокъ (*ордák*) и проч., повидимому, издавна упрочило среди туземцевъ охотничій промыселъ, и мѣстнѣе охотники нерѣдко цѣлыми днями пропадаютъ въ роднѣихъ горахъ, то преслѣдуя осторожнѣихъ горнѣихъ козъ, то вѣслѣживая медвѣдя. Но обѣ охотахъ или облавахъ на звѣря цѣлыми обществами здѣсь нѣть и помину. На охоту ходятъ всегда вѣ-одиночку, беря съ собою лишь кремневое ружье (*милътык*) крайне первобытнаго устройства, съ подпоркою для прищѣла (*шбхи-милътык*), да острый ножъ, висящій у лѣваго бока вѣ кожанѣихъ ножнахъ. Нерѣдко за охотникомъ идетъ одна или нѣсколько собакъ той прославленной когда-то персидской породы, которая извѣстна подъ именемъ «тазѣ» и еще до сихъ поръ сохранилась вѣ болѣе или менѣе чистомъ видѣ во многихъ горнѣихъ уголкахъ¹⁾.

Напавъ на слѣдъ звѣря, охотникъ терпѣливо вѣслѣживаетъ его, прячась за каждымъ вѣступомъ скалѣ, за каждымъ камнемъ или кустомъ, пока ему удастся подкрасться къ крайне осторожному и чуткому стаду горнѣихъ козъ или къ одиноко блуждающему горному медвѣдю. Тогда онъ, положивъ милѣтвѣкъ на воткнутый вѣ землю вѣ видѣ распорки шохи-милѣтвѣкъ, становится на колѣни, прищѣливается и мѣткимъ вѣстрѣломъ поражаетъ звѣря.

Такимъ же способомъ бываютъ и птицы, не стрѣляя съ руки, а положивъ ружье на подпорку, и сообразно положенію птицѣ, на лету ли она или сидитъ, приоравливаютъ положеніе своего тѣла къ болѣе удобному и мѣткому вѣстрѣлу.

Среди привилегированнѣихъ сословій (амлекдаровъ и ми-ровъ) весьма распространена и соколиная охота.

¹⁾ Особенno въ кишлакѣ Ромитъ, близъ впаденія р. Чичу въ Кафирнаган-Дарьо.

Глава V.

Изъ области религіозныхъ вѣрованій горныхъ таджиковъ¹⁾.

Религіознія воззрѣнія горнаго таджика не сложнѣ и крайне просты.

Тысячелѣтняя давность ислама среди таджиковъ Нагорной Азіи, повидимому, не оставила глубокихъ и прочныхъ следовъ въ ихъ вѣрованіяхъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ міросозерцаніе Арабскаго Пророка совершенно изгладило первобытныя религіознія представленія народовъ. Что за причинѣ того—многовѣковая ли замкнутость этихъ таджиковъ въ горныхъ трущобахъ и потому разобщенность ихъ отъ остального мусульманскаго міра, полнѣйшее ли невѣжество муллъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нежеланіе, а иногда и открытая враждебность принимать всякаго пріѣзжаго миссіонера изъ великихъ медресе священной Бухары и Самарканда,—судить не берусь. Во всякомъ случаѣ, горецъ доволѣно равнодушно относится къ своей настоящей религіи—мусульманству—и свято чтитъ свои старые исконнія вѣрованія и обычаи, которые почти исчезли у его сородича, равниннаго таджика. По мнѣнию горнаго иранца, во главѣ всего міра видимаго и невидимаго стоитъ «Худо-Парвардигоръ» (Богъ-Питатель), существо вѣчное и всемогущее, доброе и грозное, смотря по обстоятельствамъ. Кто онъ, откуда?

1) Эта глава первоначально была читана авторомъ, какъ отдѣльный рефератъ, въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи и затѣмъ помѣщена въ издаваемомъ Отдѣломъ «Этнографическомъ Обозрѣніи» за 1899 г., въ № 4-мъ.

Смертнъимъ не дано этого знатъ. «Онъ самъ появился», какъ объясняется самъимъ его названіемъ «Худо». Его жилище—небо, тамъ Его постоянный престолъ и пребываніе. Худо часто сходитъ на землю и слѣditъ за людьми, за ихъ поступками, слѣditъ своимъ всевидящимъ окомъ за дѣтьми и за домашними животнѣми: какъ съ ними обращается и какъ ухаживаетъ за ними «Его рабъ-человѣкъ», бережетъ ли ихъ, кормитъ ли, заботится ли о нихъ. «И малыя дѣти и животнія языка не имѣютъ, своихъ нуждъ не вѣскажутъ никому, кто же о нихъ позаботится, какъ не вѣчній Худо-Парвадигоръ?» наивно разсуждаетъ горецъ-таджикъ.

Слуги Худо, добрые духи, созданные имъ, раздѣляются на двѣ категоріи. Первые—«фириштѣ» (ангелы), прямые исполнители Его велѣній, охранители людей. Когда дитя находится еще въ утробѣ матери, Худо, давъ младенцу жизнь, умъ и дыханіе, посыпаетъ къ нему ангела, который даетъ ему глаза, языкъ и питаетъ его все время до появленія его на свѣтѣ. По рожденіи человѣка Худо посыпаетъ къ нему двухъ ангеловъ, которые и остаются съ нимъ на всю жизнь, постоянно сидя у него на плечахъ. Это, по вѣрованію горцевъ, дѣлается безконечно-добрѣмъ Худо для защиты человѣка отъ двухъ злыхъ духовъ, которыхъ посыпаются къ каждому изъ людей темнѣя силы. По смерти человѣка эти ангелы возносятъ его душу на судъ праведнаго Худо. Въ звѣзды, ясныя ночи всегда можно наблюдать дорогу святыхъ людей и дѣтей къ престолу Худо: это—Млечній Путь.

Близко къ фириштѣ стоять добрые духи болѣе низшіе, чѣмъ они. Это «пары» или «парыкъ», благодѣтели людей и животныхъ, геніи-покровители каждого семейства, невидимые охранители стадъ и пастуховъ. Пари горецъ-таджикъ представляетъ въ видѣ женскихъ существъ необыкновенной красоты. Ихъ свѣтоzarное сіяніе такъ ослѣпительно, что человѣкъ не вѣноситъ его, ихъ длинные блокурѣе волосы напоминаютъ златокованную парчу, ихъ синія очи сверкаютъ, «какъ камни въ ризѣ вѣчнаго Худо», т. е. какъ звѣзды. Пари очень любятъ людей, и если человѣкъ ведетъ добродѣтельную жизнь, если онъ добръ и милосердъ, то онъ, тайно покровительствуя ему, приносятъ счастье и удачу во всемъ. При этомъ, если добродѣтельній человѣкъ бѣденъ и не имѣеть жены, то пари ночью тайно замѣняютъ ему ее. Добрые люди иногда видятъ пари, злымъ же и отли-

чающимся зазорною жизнью не дано такого счастья: пари отвертываются отъ нихъ и держатся вдали отъ такихъ людей. Представляя себѣ пари въ видѣ доброго генія-покровителя, горець-таджикъ допускаетъ и зло со стороны этого доброго духа, впрочемъ, по отношенію къ однимъ только новорожденнымъ и роженицамъ. Когда подлѣ родившагося и родилвицѣ нѣтъ людей, то пари заглядываютъ въ то мѣсто, где онѣ находятся, и ударяютъ ихъ по какой-либо части тѣла, отчего происходятъ пораненія или увѣчья тѣхъ или другихъ членовъ тѣла, напримѣръ: отнимается рука или нога, появляется горбъ, перекашивается ротъ и т. д. И почти всегда по горицѣмъ кишлакамъ Каратегина и Дарваза при встрѣчѣ съ страдающими падучею болѣзнию, золотухою, огневицею и т. п. на вопросъ о причинѣ этого, слышится одинъ отвѣтъ: «въ дѣствѣ съ нимъ пошутила пари».

Богъ-Творецъ Худо и подчиненные Ему добрые духи, Его слуги, фиришти и пари, составляютъ одинъ общій міръ—царство добра, свѣта и правды и ведутъ непрерывную борьбу съ темными силами, которыми наполнена вся земля и атмосфера. Всемогущій Худо поражаетъ и убиваетъ всѣхъ злыхъ духовъ во множествѣ, но изъ утробы земли, изъ нѣдра горъ, изъ безпредѣльныхъ воздушныхъ міровъ темнія силы выставляютъ противъ Творца міровъ все новые и новые отряды. Этотъ міръ темныхъ силъ, съ которыми борются добрыя начала въ мірѣ, Богъ-Творецъ и подчиненные Ему добрые духи, ведетъ также и постоянную брань съ «рабомъ земли» (бандай-хок), человѣкомъ, и съ животными, двумя чистѣйшими твореніями Худо. Проявленіе дѣствія злыхъ силъ на человѣка и животныхъ выражается или посредствомъ всевозможныхъ болѣзней, или психическимъ разстройствомъ, или же, наконецъ, внезапной смертью. И горець-таджикъ, на каждомъ шагу трепеща за свое существованіе, такъ или иначе старается избавиться отъ такого гибельного влияния темныхъ силъ. Правда, онъ не прибегаетъ къ ихъ умилостивленію, не старается задобрить ихъ жертвами и молитвами, не прибегаетъ и къ заклинаніямъ, нѣтъ, онъ только молить Худо, повелителя двухъ міровъ: доброго и злого, чтобы Тотъ спасъ его отъ козней злыхъ духовъ и далъ бы ему покровителемъ доброго духа. Какъ вещественное средство для отогнанія злыхъ духовъ употребляютъ (какъ, наприм., въ Дарвазѣ

по Пянджу) талисманы («айкяль»), которые носятся во всеми безъ исключений туземцами и ихъ домашними животными. Айкяль обыкновенно представляетъ собою клочокъ бумаги съ надписью: «Бисмилляхир-Рахманир-Рахими»¹), или вообще какое-либо изреченіе изъ Корана. Подобный клочокъ зашивается въ кожу или въ мату въ формѣ равнобедренного треугольника и подвѣшивается у каждого на правой руки, или на правомъ боку, а нерѣдко даже и на правомъ ухѣ. У лошадей айкяль прикрѣпляется къ гривѣ, у рогатаго же скота къ рогамъ. Очень часто можно встрѣтить и людей, и животныхъ, у которыхъ встрѣчается по нѣсколько подобныхъ талисмановъ. Имя такой талисманъ, по вѣрованію горцевъ-таджиковъ, можно быть застрахованнѣмъ отъ всякихъ козней злого міра, который составляютъ: «дѣвѣ» или «дѣу», «шайтанѣ», «джинѣ» или «аджинѣ», «гѣли-явонѣ» и «аждахорѣ» (драконѣ).

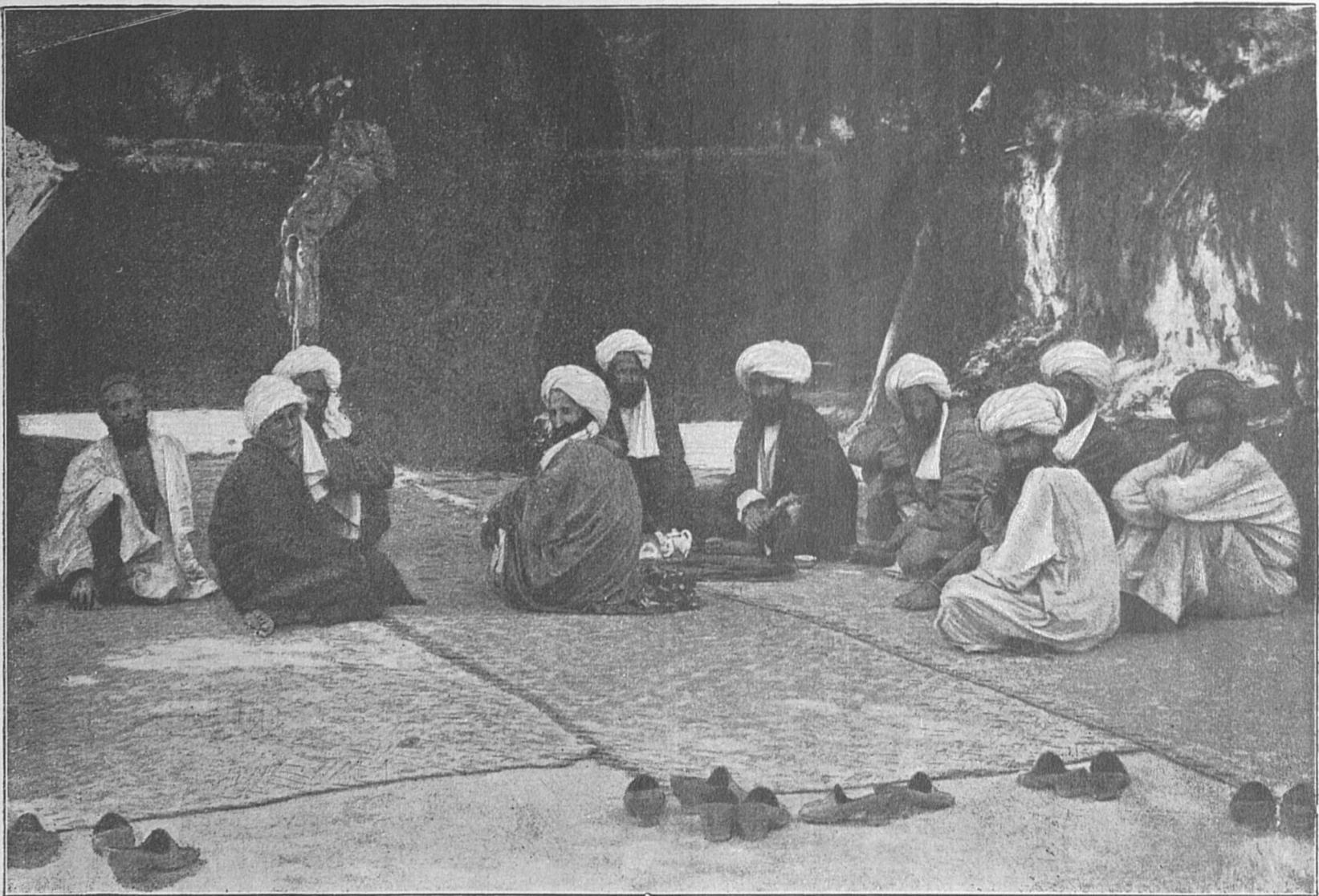
Дѣвѣ это духи-мужчины гигантскаго роста, сильные, могучие, покрытые шерстью, съ острыми когтями на рукахъ и ногахъ, съ ужасными лицами. Ихъ обиталище внутри горъ, въ утробѣ земли и на днѣ озеръ. Дѣвѣ стерегутъ тамъ сокровища земли: золото, серебро и драгоценныя камни. Они великие мастера дѣлать различныя ювелирныя вещи изъ находящихся въ ихъ распоряженіи благородныхъ металловъ и камней. Порою случаящіеся различныя обвалы въ горахъ и сотрясенія почвы туземцы объясняютъ стукомъ дѣвовъ въ своихъ мастерскихъ или же просто тѣмъ, что «дѣвѣ бунтуетъ». Дѣвѣ ненавидятъ все человѣчество и при первой встрѣчѣ съ людьми убиваютъ ихъ или уносятъ въ свои мрачныя жилища. Чувство жалости и состраданія имъ невѣдомо, страха возмездія за свои поступки отъ Худо они не знаютъ. Въ многочисленныхъ памятникахъ народнаго творчества горныхъ иранцевъ, называемыхъ то «обсанѣ», то «осунѣ», рисуются разнообразныя сцены кровавыхъ битвъ дѣвовъ съ различными царями и героями. Въ нихъ то дѣвѣ одолѣваютъ людей, то сами гибнутъ въ жестокихъ битвахъ. Пища дѣвовъ, по вѣрованію горцевъ, состоитъ исключительно изъ человѣческаго мяса, и внутри ихъ жилищъ есть всегда темницы, где томятся сотни людей, удручаляемы страхомъ каждой дневной смерти, такъ какъ каждый день дѣвѣ вѣбираетъ

¹) Т.-е. во имя Господа Милостиваго, Милосердаго.

себѣ по два человѣка, одного на обѣдъ, а другого на ужинъ. Звонь цѣпей заключеннѣхъ, ихъ стонѣ и молѣбѣ не трогаютъ сердца дѣва, и на всѣ воззванія неволѣниковъ къ дѣву о жалости и состраданіи, на всѣ заклятія его именемъ Худо дѣвъ отвѣчаетъ страшнѣми богохульствами. Похищая людей, чтобы они служили имъ пищею, дѣви также съ помощью только имъ извѣстнѣхъ чаръ нерѣдко уносятъ въ свои недоступнѣя убѣжища и свѣтлѣхъ пари, которыхъ и дѣлаютъ себѣ женами. Проливая каждыи день жемчужнѣя слезы, пари томится десятки, сотни лѣтъ въ тяжелой неволѣ у дѣва, моля и прося Худо послать ей избавленіе. И милосердый Худо въ концѣ концовъ шлетъ на помощь доброму духу свое созданіе—«раба земли», человѣка, и притомъ героя (*палавон'а*), который убиваетъ дѣва и освобождаетъ пари.

Вмѣстѣ съ дѣвами, духами-мужчинами, существуютъ злыя духи-женщины. Это «шайтаны». Они страшнаго вида; ихъ туловище напоминаетъ что-то полузвѣриное, получеловѣческое; на рукахъ и ногахъ у нихъ острые когти, на головѣ, вместо волосъ, извивающіяся змѣи. Шайтаны не имѣютъ опредѣленнѣхъ жилищъ и вѣчно странствуютъ по воздуху и по землѣ, разнося зло и грѣхъ. Каждое совершившееся беззаконіе, каждая сдѣланная вопіющая несправедливость на землѣ—«слѣдъ проletalшаго шайтана»,—говорятъ горцы-таджики. Шайтаны—причина всѣхъ проявленій враждебности между людьми: ненависть, злоба, зависть, скрѣтая и явная вражда, убийства, война и т. п.—все это носитъ одно общее название «сѣмя шайтана» (*тухми-шайтân*). Если бы не было шайтановъ, то, по вѣрованію горцевъ, на землѣ было бы царство взаимной братской любви между человѣчествомъ, всякия проявленія зла между людьми отсутствовали бы, такъ какъ осталыи злыя духи имѣютъ влияніе только на физическую сторону человѣка, съ чѣмъ можно еще примириться. Таковъ общій взглядъ у всѣхъ горцевъ-таджиковъ на шайтана.

Позволяю себѣ привести здѣсь другое воззрѣніе на шайтана у другого народа, именно—у арабовъ племени Курайшъ, живущихъ въ долинѣ р. Ях-Су, на границахъ Дарваза. По вѣрованію этихъ арабовъ, шайтанъ есть отвлеченое понятіе и за духа его считать никакъ нельзя. Шайтанъ есть общее собирательное имя мірового зла, въ чемъ бы оно ни проявлялось.

Во дворѣ мечети въ г. Кулѣбѣ (въ долинѣ р. Ях-Су).

Скора, драка, война, смятеніе, различнія тайныя и явныя омерзительныя проявленія человѣческихъ страстей—все это носитъ одно общее название «шайтана».

Третью категорію темныхъ силъ составляютъ существа болѣе низшія, чѣмъ дѣви или шайтаны, это «джини» или «аджинѣ». Они живутъ въ покинутыхъ, нежилыхъ помѣщеніяхъ. Джини—это тѣни нѣкогда жившихъ тамъ людей, которыхъ Худо за различніе проступки и грѣхи на землѣ обрекъ вѣчно скитаться вокругъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они жили. Джини представляются горцами-таджиками въ видѣ существъ мужескаго и женскаго пола; они очень злы, не любятъ людей и при первомъ удобномъ случаѣ всячески стараются вредить имъ. Случается, что люди ихъ видятъ, причемъ въ тотъ самыи моментъ, когда человѣкъ увидитъ джина, тотъ ударяетъ его рукою по тѣлу, и человѣкъ, отъ боли и испугавшись ихъ страшнаго вида, дѣлается сумасшедшимъ (дивонѣ) на всю жизнь. По вѣрованію горцевъ, джиновъ въ особенности можно встрѣтить въ сумерки и ночью подъ кишлаковъ, на развалинахъ старыхъ домовъ и на кладбищахъ. Глубокая увѣренность въ существованіи джиновъ и страхъ предъ ними такъ велики, что горецъ ни за что не согласится подойти къ старымъ развалинамъ послѣ того, какъ солнце скроется за горными вершинами, изъ опасенія, что могутъ встрѣтиться озлобленныя тѣни нѣкоторыхъ его предковъ и сдѣлатъ его калѣкой на всю жизнь. Только лишь одни «урусы», которые въ состояніи убивать дѣвовъ не хуже палавоновъ, не боятся джиновъ и даже могутъ порою подчинить ихъ своей власти. Это повѣрье встрѣчается во многихъ горныхъ кишлакахъ. Помню, напримѣръ, какъ въ Дарвазѣ, въ верховьяхъ Оби-Хингоу, одинъ таджикъ пресервено увѣрялъ меня, какъ ему пришлось бѣтъ въ «очаровательномъ Кокандѣ» и помимо всякихъ чудесъ онъ видѣлъ тамъ громадную шкуру дѣва, желтаго цвета съ попечнѣми темными полосами, которую продавалъ русскій въ своей лавкѣ, да видѣлъ еще, какъ водилъ какой-то человѣкъ по улицамъ на веревочкѣ джина, такого маленькаго (надо полагать, еще ребенка), черненькаго и очень присмирѣвшаго, который подъ музыку плясалъ и кувиркался.

Въ горныхъ лѣсахъ и рощахъ, въ чащахъ прирѣчныхъ кустарниковъ живутъ лѣсныя существа, подобныя человѣку, покрытые черною шерстью, съ когтями на рукахъ и ногахъ,

необычайной силы, всегда вооруженные тяжелыми дубинами. Это «гули-яви», лесные демоны, соответствующие нашим лешим. При встрече с людьми они безжалостно убивают их, при чем тело человека, погибшего от руки этого лесовика, выдается червивым и покрывается местами кровавыми полосами, которые есть не что иное, как слюды костей гули-яви. По этим признакам всегда можно узнать, что человек погиб от руки страшного обитателя лесов. И только сильный духом и телом человек-герой (палавон) может в долгом и ужасном бою одолеть гули-яви и убить его мечом, простым же смертным нечего и думать избежать смерти от руки этого лесовика.

По берегам горных рек, в мрачных ущельях гор, где зарождаются шумные потоки, обитают драконы (аждахоры), чудовища вид больших змей без ног, с длинной гривой, с громадной головой и страшной пастью, которая усажена острыми и крепкими зубами. Из пасти дракона выходит дым и огонь и постоянно истекает желтая ядовитая слюна. Пасть дракона и глотка такие велики, что проглотить человека для него ничего не значит. Драконы очень любят лакомиться человеческим мясом, и потому, как только завидят человека, стараются втянуть его в себя, с неизвестною силой вбирая в себя воздух. Попав в эту воздушную струю, человек как перо летит к пасти дракона и, отуманенный зловониями испарениями, выходящими изо рта последнего, обожженный его огнем, без чувств падает в рот аждахора, который и пожирает его.

Все драконы и змеи горы подчиняются живущему в недоступных для людей заоблачных высинах горы, «Змениному Царю» (Шахи-Моро), который обитает в своей столице, «Зменином Городе». Он великий волшебник, и окружающая его свита старается превзойти друга-друга в совершенстве различных невиданных и небывалых проявлений волшебной силы.

Все эти перечисленные добрые и злые духи неразрывно связаны с религиозными представлениями горных иранцев. Без этих добрых и злых сил трудно представить себе жизнь горца-таджика, который все дни своего существования проводит в тумане поэтических легенд, наивных преданий старин и мистических образов. Во всехъ

почти памятникахъ туземнаго народнаго творчества, во всѣхъ этихъ многочисленнѣхъ обсанѣ или осунѣ, главнѣе герои—дѣвѣ, пари, драконѣ, цари, герои и проч., которые ведутъ безпрерывную войну между собою, и всегда почти проявленія злыхъ силъ, въ чемъ бѣ ови ни выражались, побѣждаются добрыми началами. И горецъ-таджикъ свято вѣритъ въ простотѣ своей младенческой души, что когда-нибудь, чрезъ много-много лѣтъ, всемилосердій Худо и подчиненіе Ему добрые и свѣтлые духи побѣдятъ темнѣя силы, которые господствуютъ въ мірѣ въ видѣ дѣвовъ, шайтановъ, джиновъ, гули-явони и драконовъ. Худо заключитъ ихъ въ пустыннѣя, дикія горыя области съ мрачнѣими ущельями, съ бездоннѣими пропастями, съ шумящими водопадами, наложитъ на нихъ великое заклятіе и они не выйдутъ оттуда никогда, не будуть болѣше терзать человѣчество, разносить зло по землѣ, убивать людей и дѣлать ихъ уродами. Всякое зло, въ чемъ бѣ оно ни проявлялось, навсегда исчезнетъ изъ міра, уступивъ мѣсто царству добра, свѣта и правды, во главѣ съ милосердіемъ Худо-Парвадигоромъ и подчиненіями Ему добрыми духами.

Когда же исчезнетъ изъ міра зло, скоро ли воцарится въ немъ добро и правда? На эти скорбныя вопросы мятущагося духомъ человѣчества горецъ-таджикъ съ глубокимъ убѣждѣніемъ наивно отвѣчаетъ: «скоро». Драконѣ ужъ стали встрѣчатъся рѣдко. Не замедлитъ дойти очередь и до другихъ темнѣихъ силъ: ужъ Худо и Добро стоять у вратъ Нагорной Азіи.

Глава VI.

Семейные нравы и обычай.

Женщина въ горахъ пользуется гораздо болѣшею свободою, чѣмъ въ равнинѣ: здѣсь не увидишь тѣхъ безобразныхъ сѣрѣихъ халатовъ, накинутыхъ на голову, и волосяныхъ сѣтокъ, скрывающихъ лицо, коими глубоко развращенное, но ханжествующее населеніе равнинныхъ городовъ ревниво оберегаетъ подругу жизни отъ нескромныхъ взоровъ постороннихъ мужчинъ,

Правда, и здѣсь вѣи можете наблюдать вышеупомянутые рубаны или чашбаны, но они надѣваются лишь въ особо торжественныхъ случаяхъ: во время свадебъ, разнѣихъ пиршествъ и проч., и, повидимому, составляютъ единственнѣй признакъ затворничества женщинъ, предписываемый Исламомъ. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ женщины не закрываютъ своего лица, какъ дома, такъ и въ его. Поэтому въ горныхъ кишлакахъ часто можно видѣть въ то или другое время дня многочисленныя группы мужчинъ и женщинъ, сидящихъ вмѣстѣ подъ хижиной, при чемъ взрывы веселаго смѣха, обоядывая шутки и взаимныя разговоры весьма мало напоминаютъ традиціонную замкнутость мусульманскихъ женщинъ.

Эта-то открытая жизнь туземной женщинѣ и даетъ возможность горцу-таджику выбирать себѣ подругу жизни не только «по сердцу», но очень часто и «по взаимной любви».

Какъ и везде на Востокѣ, здѣсь также женятся и вѣходятъ замужъ очень рано. Мальчикъ въ 16 лѣтъ уже считается созревшимъ для половой жизни; девушки вѣдаются замужъ, начиная съ двѣнадцатилѣтняго возраста и до двадцати-пяти лѣтъ.

По прошествии послѣдняго возраста онъ считаются «перестарками» и мало имѣютъ шансовъ связать себя съ кѣмъ-либо узами Гименея.

Облюбовавъ невѣсту, кѣ ея родителямъ прежде всего засылаютъ сваху, обыкновенно матерь жениха или, за отсутствиемъ ея, сестру его. Сваха приходитъ въ домъ невѣсты, начинаетъ издали вести разговоръ съ родителями ея, по болѣшей части съ матерью или, если еї нѣтъ въ живыхъ, съ кѣмъ-либо изъ близкихъ родственницъ, живущихъ въ домѣ. Потомъ приступаетъ къ дѣлу; если послѣдуетъ согласіе, то заходитъ рѣчъ о калѣмѣ (по-мѣстному «колинкѣ»). Онъ бываетъ не вездѣ и не для всѣхъ одинаковъ. Пословица «что городъ—то норовъ, что ни деревня—то обычай» сказалась и здѣсъ такъ же, какъ и повсемѣстное различіе между богатымъ и бѣднымъ. Вотъ, напримѣръ, что даетъ богатый женихъ за невѣсту въ Дарвазѣ, въ долинѣ Оби-Хингоу: двѣ-четыре лошади, столько же коровъ, три-четыре барана, три или четыре ружья, одинъ капъ¹⁾ пшеницы, сапоги съ туфлями,²⁾ одинъ халатъ, нѣсколько кусковъ матви, ситецъ на пять или на семь рубашекъ и шелковую матерію на двѣ рубашки. У бѣдныхъ (тамъ же) реестръ приданаго значительно скучнѣе, именно: лошадь, корова, баранъ или овца, ружье, три или четыре чашки пшеницы, туфли, один-две рубашки изъ матви и ситецъ на одну рубашку. Тотъ же почти комплектъ приданаго мѣ вишимъ и въ другихъ мѣстахъ; такъ, на Ванджѣ богатые даютъ: три лошади, шесть коровъ, три барана, три ружья, двѣ сабли (*шоп*, *корд*), три халата изъ хлопчатобумажной матеріи, «карбосъ» на двѣнадцать одеждъ и одинъ батманъ пшеницы. Бѣдные тамъ же даютъ: двѣ коровы, одного барана, одно ружье, двѣ сабли, одну чалму, одну мужскую рубашку, сапоги и около двухъ пудовъ пшеницы. Денегами, обыкновенно, не даютъ нигдѣ.

Калѣмѣ уплачивается въ извѣстный, заранѣе договоренный срокъ. По внесении его назначается и самъ день свадѣбы. Въ назначенное время женихъ въ сопровожденіи своихъ родственниковъ обоего пола, мѣстного старшини (аксакол) и муллы (*муллә*) отправляется въ домъ невѣсты. Тамъ мулла читаетъ полу-

¹⁾ Капъомъ называются большой мѣшокъ изъ грубой шерстяной ткани; въ немъ, обыкновенно, помѣщается 8—9 пудовъ зерна.

²⁾ Вмѣстѣ называются «масій-кафшъ».

женихія при бракосочетаніяхъ молитвѣ, предварительно спросивъ у свидѣтелей (двухъ мужчинъ) о согласіи жениха и невѣсты, потомъ во всеуслышаніе объявляеть, кого онъ повѣнчалъ. Этимъ оканчивается обрядъ бракосочетанія, послѣ котораго новобрачныхъ отправляюгъ въ домъ жениха, гдѣ имъ отводятъ особую комнату съ приготовленною въ ней постелью. Въ этомъ помѣщении молодыхъ запираютъ до слѣдующаго утра, не давая имъ никакой пищи.

Между тѣмъ въ домѣ невѣсты начинается пиръ, который задаютъ родители послѣдней. Передъ гостями въ изобиліи появляются самыя изысканныя и утонченныя блюда, какія только употребляются въ Кухистонѣ въ торжественныхъ случаяхъ. На ряду съ простою лапшою (*урѣ*, *тупа*, *бши-ляпак*, *бши-борик*), вареною въ водѣ съ кислымъ молокомъ, и съ «умбичемъ»—мелкими вареніями катышками изъ бобовой, пшеничной или ячменной муки, которые Ѣдятъ съ кислымъ молокомъ,—подаются: «тұхми-буріонъ»—яичные желтки, выпущенные на сковороду и поджаренные съ лукомъ на маслѣ, мясо (*гушт*) во всѣхъ видахъ: въ супѣ, кебабомъ и пловомъ, жареное въ собственномъ соку курѣ, кислое молоко (*джурхаб*, *джигрәб*) и т. п. «Чумчай» (ложка съ длинной ручкой) едва успѣваетъ переходить отъ одного рта къ другому¹⁾.

Веселые разговоры, смѣхъ, пѣсни, посвященнія похваламъ новобрачныхъ, и танцы пирующихъ продолжаютая чутЬ не до разсвѣта; на ряду съ чаемъ рѣкою лвется «дунокъ», настоянное на водѣ сушеное яблоки. Женщины, обыкновенно, держатся въ сторонѣ отъ мужчинъ, собираясь въ отдѣльной комнатѣ.

На слѣдующій день происходитъ доказательство невинности молодой. Старая родственница молодой (обыкновенно бабушка) утромъ является въ спальню новобрачныхъ и вѣниваетъ изъ-подъ одѣяла кусокъ матви, который она вчера не-замѣтно сунула въ руку невѣстѣ, оставляя ее въ первый разъ наединѣ съ молодымъ. Мата показывается родителямъ невѣсты и женщинамъ, родственницамъ новобрачныхъ; если матери оказывается окровавленною, то женщины и отецъ молодой всячески ласкаютъ новобрачную, покрывая ее поцѣлуями и называя

1) Щдять, обыкновенно, одною ложкой, передавая ее по очереди другъ-другу.

вая всевозможными ласкательными словами. Въ противномъ случаѣ дѣло обходится безъ огласки, ограничиваясь лишь препирательствомъ иссорой втихомолку сватовъ. Жена же остается при мужѣ, будучи нелюбимою и постылою на всю жизнь. (У Бухарскихъ и Самарканскихъ таджиковъ въ такомъ случаѣ полагается разводъ).

Съ вѣходомъ замужъ оканчиваются беззаботные и, сравнительно, счастливые дни туземной женщины. Впереди предстоитъ цѣлая жизнь полнаго подчиненія мужчинѣ и пассивная роль самки-производительницы. Обреченная на вѣчную работу, она мало видитъ свѣтлыхъ дней въ своей замужней жизни. Ея единственная радость—дѣти¹⁾.

Нигдѣ, кажется, послѣдніе не пользуются такимъ попечениемъ и внимательностью, какъ у горцевъ-таджиковъ. Чадолюбіе вообщѣ присуще всѣмъ среднеазіатскимъ таджикамъ, всюду дѣти у нихъ составляютъ предметъ трогательной любви, которая въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ у

Дѣтскіе типы Зарапшанскихъ горцевъ.

¹⁾ Нижепомѣщаемое описание отношеній горныхъ таджиковъ къ дѣтямъ первоначально было читано, какъ рефератъ, въ засѣданіи Этнографического Отдѣла Императорского Московского Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии и затѣмъ помѣщено въ 3-й книжкѣ «Этнографического Обозрѣнія» за 1899 г., подъ заглавіемъ «Отношенія къ дѣтямъ у горныхъ таджиковъ».

Въ настоящую главу это описание вошло въ нѣсколько измѣненномъ видѣ въ деталяхъ.

равнинныхъ обитателей заходитъ иногда даже за предѣлы приличія. Но дѣти-горцы, живущія въ патріархальной неиспорченной средѣ своихъ отцовъ, ползутся особенно нѣжною любовью и привязанностью своихъ родителей и окружающихъ ихъ взрослыхъ. Дѣтей ласкаютъ, нѣжатъ и при первой возможности спѣшатъ ихъ хотѣ чѣмъ-нибудь порадовать. Ихъ не бьютъ, не наказываютъ и даже дать небольшой щелчокъ или подзатыльникъ считается позоромъ. Да и какъ не ласкатъ, не любить малютокъ горцу-таджику, если съ момента зачатія до наступленія совершеннолѣтія дѣтская жизнь туземца уже много сотенъ лѣтъ окружается цѣлымъ рядомъ легендъ и повѣрій, иногда наивныхъ и трогательныхъ по своей простотѣ.

Когда еще ребенокъ находится въ утробѣ матери, о немъ печется самъ Промышленник-Худо, который даетъ ему умъ, дыханіе и жизнь и послыаетъ къ нему, еще не родившемуся, ангела. Послѣдній даетъ ребенку глаза, язвыкъ и питаетъ его все время до появленія на свѣтѣ. По смерти же малютки въ первое время по рожденіи, ангелъ, его питатель, беретъ его душу и несетъ къ Худо, Который и помѣщаетъ ее съ прочими душами младенцевъ въ самомъ прекрасномъ мѣстѣ рая.

Передъ родами женщина, обыкновенно, прощается со всѣми своими родными и въ отдѣльной комнатѣ, куда не долженъ входить никто изъ родныхъ и знакомыхъ, дожидается появленія на свѣтѣ ребенка. Подъ нея только «дѣй» (бабка) и двѣ-три старыхъ женщины, приглашенныіхъ оберегать родильницу и новорожденного отъ злыхъ дѣвовъ и отъ пари¹). Въ моментѣ (наступленія родовыхъ болей родильницу подводятъ къ табурету сандоли); она становится на колѣни, опирается на него руками и, согнувъ спину, въ такомъ положеніи производитъ на свѣтѣ дитя. По первому моменту появленія послѣдняго судятъ о всей его послѣдующей жизни. Если ребенокъ родился съ крикомъ или же въ сорочкѣ, значитъ въ жизни онъ будетъ счастливъ и уменъ; если же при рожденіи ребенокъ молчалъ, стало-быть въ дальнѣйшей жизни онъ будетъ несчастливъ и, вдобавокъ, недалекъ. Почти тотчасъ по рожденіи ребенка обмываютъ и завертываютъ въ кусокъ мягкой хлопчатобумажной ткани своего изѣблія, родильницу же укладываютъ въ постель и въ теченіе

¹⁾ Смотри предыдущую главу.

перваго дня родовъ къ ней никого не пускаютъ. Для подкрепленія силъ послѣ перенесенныхъ болей роженицѣ даютъ пить коровье масло и кушать «аталя», небольшое количество пшеничной или пшеничной муки, замѣшанной и прокипяченной въ водѣ съ кислымъ молокомъ.

Мѣстомъ пребыванія новорожденаго до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ въ состояніи ходить, служитъ деревянная колыбель (аворѣ), на которую сверху набрасываются пологи. Эта колыбель очень низка и нѣсколько напоминаетъ наши дѣтскія качалки.

Уходъ за новорожденнымъ и его кормленіе составляютъ самую главную заботу туземной женщины. Она отдаетъ ребенку всѣ свои силы, здоровье и молодость; цѣлые дни она проводитъ у крохотной постельки своего малютки, укачиваетъ его, заботливо поправляетъ, освѣпаетъ его миллионами поцѣлуевъ и называетъ самыми разнообразными ласкателными именами, какія только можетъ подсказать ея безгранично-любящее материнское сердце. Въ первое время по рожденіи надзоръ за младенцемъ бываетъ особенно бдителенъ. Долго ли сдѣлать его несчастнымъ на всю жизнь? На землѣ живутъ добрые духи, пары, и много злыхъ, съ разными названіями. Какъ тѣ, такъ и другіе могутъ причинить ребенку зло, похитить и унести его безвозвратно или изувѣчить на всю жизнь.

По сну младенца матъ судитъ о томъ, что ея дорогое дитя видитъ во снѣ. Если ребенокъ смѣется, то, стало-бываетъ, ему снится кто-либо изъ небожителей или добрыхъ духовъ, если же онъ плачетъ, то это означаетъ, что дитя боится злобного дэва или шайтана, котораго онъ увидѣлъ во снѣ. И по этой причинѣ, изъ боязни различныхъ дурныхъ послѣдствій, матъ еще болѣе ревностно смотритъ за своимъ ребенкомъ, никуда не отлучаясь отъ его колыбели и всюду таская его за собою. Какъ часто можно наблюдать въ садахъ и огородахъ горныхъ кишлаковъ женщинъ, занятыхъ какою-либо работой, сборомъ овощей, подчисткою деревьевъ и проч., и подлѣ многихъ изъ нихъ стоять колыбели съ дѣтьми. Оставить маленькаго ребенка дома, на попеченіе чужихъ, таджичка никогда не рѣшился.

Дѣти—это великая награда за всю тяжелую трудовую жизнь туземной женщины, единственная отрада за тѣ невзгоды и непріятности, которыми такъ полно ея существованіе, и лю-

бовь къ дѣтямъ и безграничное желаніе имѣть ихъ такъ велики у каждой туземки, что если дѣти умираютъ, то для предотвращенія этого беременная женщина тайно идетъ къ муллѣ. Тотъ за извѣстній подарокъ читаетъ наѣтъ тряпкою, палкою, костью или иною какою-либо вещью извѣстное заклинаніе или молитву, потомъ отдаетъ наговоренній предметъ пришедшей женщинѣ. Она бережно прячетъ его и при первомъ удобномъ случаѣ кидаетъ наговоръ къ дому того сосѣда, у которого много дѣтей, въ надеждѣ, что теперь смерть минуетъ будущее ея дѣтище и унесетъ дитя сосѣда.

Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, гдѣ сохранились еще кое-какие остатки маздеизма, таджичка беретъ лоскутъ какой-либо ткани и идетъ съ нимъ къ священному дереву обѣтовъ. Здѣсь она привязываетъ тряпицу на одну изъ вѣтвей и, произнося горячую молитву Худо, даетъ при этомъ клятву, что если Богъ-Творецъ исполнитъ ея мольбу и желаніе—ея ребенокъ не умретъ, то она поставитъ столько-то зажженныхъ свѣчей въ углубленіи священного камня, который, обыкновенно, находится подъ мечети или въ старомъ мазарѣ.

Когда дитя подростетъ и начнетъ ходить—это, приблизительно, бываетъ на второмъ году,—ему впервые бреютъ или просто коротко стригутъ волосы. Эта операция происходитъ, обыкновенно, безъ всякихъ церемоній. Потомъ лѣтъ до 7—10 волосы стригутся довольно аккуратно, но малычикамъ въ это время не полагается еще носить «токбы» (ермолки). Происходитъ ли это отъ крайней бѣдности таджика, у которого подчасъ у самого не бываетъ на головѣ ничего, или же вообще не принято,—не знаю. Дѣвочкамъ послѣ первой стрижки болѣе не стригутъ волосы; когда послѣдніе отрастутъ, ихъ заплетаютъ въ двѣ косы по обѣимъ сторонамъ головки. Иногда болѣе зажиточныхъ родители при этомъ вплетаютъ въ косу малютки какую-нибудь ленту или просто полоску окрашенной хлопчатобумажной ткани. Въ такомъ возрастѣ матъ нерѣдко надѣваетъ на шею дѣвочки свое ожерелье изъ мелкихъ полированныхъ камней или простыхъ стеклянныхъ бусъ. Это считается необыкновеннымъ щеголѣствомъ. Когда ребенокъ начнѣтъ ходить, его освобождаютъ отъ того тряпья, въ которое онъ завернутъ, и впервые надѣваютъ на него длинную, доходящую до лодыжекъ рубашку. Этотъ костюмъ, обыкновенно,

одинъ на годъ и на два, словомъ—какъ износится; другая рубашка для смысли, по бѣдности, не полагается. Нужно ли при этомъ добавлять, что грязь и засаленность дѣтской рубашки превосходитъ всякое вѣроятіе?

Съ того момента, какъ ребенокъ уже въ состояніи ходить, къ нему на всю жизнь Худо приставляетъ двухъ ангеловъ, а темнія силы послываютъ одного шайтана, который незримо для людей сидитъ верхомъ на шеѣ каждого чековѣка, подстрекая его на все злое. Ангелы также невидимо для людей сидятъ на плечахъ человѣка и охраняютъ его отъ всего злого, дурного и предостерегаютъ отъ порочной жизни. Дитя находится подъ ихъ непосредственнымъ покровительствомъ и охраною. Эти два небожителя строго следятъ за тѣмъ, чтобы ребенку жилось, по возможности, хорошо и никто бы его не обижалъ; въ противномъ случаѣ жалуются Худо, и Тотъ строго караетъ виновнаго. Когда дитя умираетъ, два ангела-хранителя берутъ его душу и несутъ на небо по свѣтлой дорогѣ всѣхъ праведниковъ и добродѣтельнѣхъ людей. Въ звѣзды ясныя ночи этотъ небесный путь умершихъ дѣтей и святыхъ всякий можетъ

Дѣтския типы Карагина. (Снято въ селеніи «Чор-Содѣ»).

наблюдать: у некоторыхъ горцевъ-таджиковъ онъ такъ и называется «Дорога ко Всевышнему» (*Róu ба пеши Xudó*), у насъ же—«Млечный Путь».

Въ возрастѣ до 10 лѣтъ дѣти пользуются особенною любовью родителей и окружающихъ ихъ взрослыхъ. Отцы во время отдыха отъ работъ находятъ покой и развлеченье въ кругу дѣтей. И по кишлакамъ часто можно видѣть, особенно подъ вечеромъ, какъ партии мужчинъ сидятъ подъ тѣнью какого-нибудь дерева, окруженнѣя дѣтворою; самыя маленькия дѣти

сидятъ на колѣняхъ, часто по два, по три. Мозолиствія, загорѣлвія руки отцовъ съ необыкновенною нѣжноствію и любовью ласкаютъ эти чернвія и бѣлокурвія головки и грязнвія, испачканvія личики, и подъ дѣтскій лепетъ и ласки таджикѣ забываетъ всѣ свои невзгоды и тяжелую бѣдноствіе. На вопросъ, сколько у него дѣтей, горецъ всегда вамъ отвѣтитъ на это съ какою-то внутреннею радоствію, что дѣтей у него столько-то, и при этомъ всегда раздѣлитъ ихъ, называвъ малычиковъ отдельно отъ дѣвочекъ. И при словахъ: столько-то «бача» (малычикѣ), столько-то «дуктаръ» (дѣвочка), лицо горца складывается въ самую сладкую улыбку. Самое лучшее лакомство, которое только можно достать, горецъ-таджикъ никогда не станетъ бѣть самъ, а всегда отдаетъ своимъ дѣтямъ. Каждый, котораго судьба занесетъ въ города равнинві (Самаркандъ, Кокандъ и друг.), считаетъ своимъ долгомъ принести на родину не только своимъ дѣтямъ, но и постороннимъ хоть что-нибудь такое, что могло бы ихъ обрадовать. Человѣкъ, не любящій дѣтей, едва ли найдется въ горныхъ кишлакахъ: на него стали бы смотрѣть съ отвращенiemъ и даже съ ужасомъ. Часто можно слышать въ горахъ фразу, что кто дѣтей не любитъ, того и Худо не любитъ и постоянно наказываетъ его, ни въ чемъ не давая удачи. Горецъ-таджикъ смотритъ на ребенка какъ на даръ Божій, какъ на самое чистое проявленіе божества; въ немъ онъ видитъ все лучшее въ своей жизни, всю отраду и надежду. Ласкатъ и баловать дѣтей—святая обязанность не только каждой матери, но и каждого мужчинві. Всякое жестокое обращеніе съ дѣтьми способно взвѣзвать горькія слезы у взрослыхъ. У заѣзжаго чужестранца таджикъ съ трогательными просыбами выспрашиваетъ хоть какую-нибудь бездѣлушку или кусокъ сахара, только бы отнести своимъ бача или дуктаръ. При отказѣ онъ будетъ молить васъ, выспрашивать и для большаго состраданія путешественника ведетъ и несетъ къ нему дѣтвору. И надо видѣть его радоствіе, если дѣти получаютъ какое-либо лакомство или ничтожнвій подарокъ: таджикъ съ неподдельною искренноствію благодарить дающаго и призываетъ на него всѣ благословенія Худо и всякия пожеланія земныхъ и небесныхъ благъ. «Кто любить дѣтей, у того сердце чистое, незапятнанное ничѣмъ», говорятъ горцы. И изъ подобнаго воззрѣнія на подрастающее поколѣніе нерѣдко происходятъ такія явленія: умираетъ отецъ и

матъ, послѣ нихъ остаются круглыми сиротами ихъ дѣти; въ другомъ бы мѣстѣ они, пожалуй, пошли бы по миру или бы разбрелись по нѣсколькоимъ домамъ чужихъ людей, гдѣ и влажили бы жалкую, скорбную жизнь безпріютныхъ сиротъ; у таджиковъ же этого почти никогда не случается. Сиротъ всегда береть на свое попеченіе ближайшій родственникъ и воспитываетъ ихъ наравнѣ со своими дѣтьми, при этомъ любви къ нимъ бываетъ еще больше, чѣмъ къ своимъ дѣтямъ. «Они,—сироты, не имѣютъ ни отца, ни матери: грѣхъ не заботится о нихъ», говорятъ окружающіе. Помню, какъ въ одномъ дарвазскомъ кишлакѣ пришлось встрѣтить одного туземца, у которого было своихъ пять человѣкъ дѣтей и, кромѣ того, онъ воспитывалъ еще четырехъ своихъ племянниковъ, оставшихся послѣ смерти его брата. При этомъ когда приходилось раздавать дѣтямъ леденецъ и разныя слости, этотъ таджикъ просилъ дать побольше сиротамъ; «модѣр надора, падѣр надора» (ни отца, ни матери не имѣютъ), добавлялъ онъ всякий разъ, гладя грязные головки сиротъ. Девять человѣкъ дѣтей—всюду обуза порядочная, но въ горахъ Центральной Азіи, среди страшной окружающей бѣдности, прямо-таки удивительно, какъ ухитряется туземецъ прокормить столько ртовъ и такъ нѣжно заботиться о нихъ. Въ крайнихъ случаяхъ, когда по смерти родителей дѣти остаются совсѣмъ безпріютными, не имѣя никого родственниковъ, ихъ кормить и воспитывать все селеніе сообща до самаго ихъ совершеннолѣтія, причемъ если сирота—дѣвушка, ее выдаютъ замужъ совсѣмъ кишлакомъ, если же это мужчина, то съ момента совершеннолѣтія его земляки перестаютъ заботиться о немъ и предоставляютъ его своему собственному усмотрѣнію.

На третьемъ или на четвертомъ году оканчивается кормленіе ребенка грудью. Послѣ этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Дарваза и Каратегина дѣтямъ для праздничныхъ дней болѣе зажиточныхъ родители дѣлаютъ рубашки изъ бѣлой хлопчатобумажной ткани, рукава и вороты которыхъ украшаются оторочками изъ небольшихъ перламутровыхъ кружковъ, покрытыхъ различными рѣзными узорами. Это называется по-мѣстному «садѣфъ», по имени вообще жемчужныхъ раковинъ, которыя встречаются въ верхнемъ теченіи Аму и въ нѣкоторыхъ ея притокахъ съ правой стороны. Въ этихъ лѣтахъ на дѣвочекъ

впервые надѣваютъ шалѣвары и, въ большинствѣ случаевъ, въ уши вставляютъ серги. Въ возрастѣ отъ 6 до 10 лѣтъ надѣ малѣчиками производится обрѣзаніе (*чукбороні*). Въ назначенный день родители приглашаютъ мастера этого дѣла (*усто*), обыкновенно кого-либо изъ мѣстныхъ жителей, постоянно производящаго эту операцио, и если имѣютъ достатокъ, съзываютъ много гостей и всѣхъ тѣхъ мужчинъ кишлака, которые имѣютъ лошадей. Когда явится усто и соберутся гости, начинается угоженіе, появляются неизбѣжные: пловъ, кебобъ, «тұхми-бүріонъ» (жаренія яйца въ маслѣ), вареное мясо, «шурбό» (супъ) и проч. туземнія кушанья. Во время пира конные тѣшатся известною игрою «бұзкашы»—разрываніе козла, котораго имѣ жертвуетъ отецъ малѣчика. Послѣ пира и окончанія игры происходить самое чукборони. Малѣчика кладутъ на взничъ и держать его по рукамъ и ногамъ; мастеръ беретъ короткую камышевую палочку, расщепленную съ одного конца. Въ этотъ расщепъ зажимается крайняя плоть, такъ что ея верхняя часть нѣсколько выдается изъ расщепа наружу. Того сдавивъ камышъ, усто быстро срѣзаетъ острѣмъ ножомъ или бритвой выдавшуюся вверхъ кожицу. При этомъ чтобы унять кровь, на рану сейчасъ же накладывается зажженная вата. Этимъ и заканчивается операция.

Послѣ обряда обрѣзанія малѣчику дается лукъ и деревянная стрѣлѣ. Онъ, такъ-сказать, съ этого момента начинаетъ готовиться быть мужемъ и воиномъ. Стрѣльба изъ лука его учатъ отецъ или же болѣе старшіе сверстники. Отъ прежнихъ малолѣтнихъ своихъ товарищей малѣчикъ уже отдѣляется и примирается къ болѣе старшимъ. Стрѣльба изъ лука составляетъ одну изъ сambихъ любимѣйшихъ дѣтскихъ занятій въ горахъ. Кромѣ этого, едва ли даже существуютъ какія-либо игры у большинства туземныхъ малѣчиковъ. Съ луками въ рукахъ, партии дѣтей рѣзвятся подъ тѣнью исполинскихъ карагачей, чинарь и широколиственныхъ платановъ, забавляются стрѣльбой въ птицъ, въ стволы деревъ и проч. Эти небольшие дѣтскіе отряды можно видѣть играющими и за кишлаками въ лугахъ, и при дорогахъ, и на скатахъ горъ. Самый старшій изъ нихъ, обыкновенно, является предводителемъ, его слушаются и ему повинуются всѣ остальные дѣти. При этомъ нельзѧ удержаться отъ улыбки, когда, проѣзжая, видишь, что сambия маленькая дѣти не

обращаютъ на тебя никакого вниманія и беспечно роются гдѣ-нибудь въ пескѣ или на берегу какого-либо ручья, тогда какъ болѣе взрослѣя, завида незнакомца, выстраиваются при дорогѣ или гдѣ-нибудь въ сторонѣ и молча провожаютъ его долгимъ серvezнвимъ взглядомъ. Въ нѣкоторыхъ уголкахъ горыихъ трущобъ встречаются партіи дѣтей, которыя напоминаютъ своимъ видомъ что-то первобытное. На этихъ маленькихъ воинахъ, обѣкновенно, ничего не надѣто, за исключеніемъ только волчей шкурки, которая наброшена на плечи, и кожанаго передника; на ногахъ и головѣ ничего нѣтъ. Съ луками въ рукахъ эти полуголыя дѣти имѣютъ какой-то крайне дикій и воинственный видъ. Тѣмъ болѣе странно видѣть полуголыми почти взрослѣихъ дѣтей, что 3—4 лѣтнія малютки, которыя бѣгаютъ здѣсь, имѣютъ на себѣ хоть какія-нибудь рубашонки. Спросите любого изъ такихъ подростковъ, почему онъ такъ жалко одѣтъ, вѣ всегда услышите одинъ простодушній отвѣтъ: « slabосо надбрум» (платя не имѣю). Малышей хотѣ какъ-нибудь, въ ущербъ иногда себѣ, родители стараются прикрѣпить какою-нибудь рубашкою, такъ какъ безъ одѣждъ они легко могутъ простудиться по слабости организма, а эти—болѣе взрослѣе, и потому, какъ ихъ ни жалко, по бѣдности приходится положиться на волю Худо: авось они вытерпятъ и не простудятся.

Само-само понятно, что причина такого отношенія къ подросткамъ кроется не въ скучности горца-таджика, который для дѣтей ничего не пожалѣетъ, а въ его бѣдности. Хлопокъ, засѣваемый въ горахъ въ небольшомъ количествѣ, и то только тамъ, где его позволяетъ разводить климатъ, не удовлетворяетъ мѣстнѣмъ потребностямъ населенія, и потому горцы вѣнужденіи покупать ткани или хлопчатобумажную пряжу въ городахъ, отдавая за это различныя свои незатѣйливыя произведенія и скотъ. Глядя на этихъ до-нельзя оборваныхъ, полуголыхъ дѣтей, прикрѣпившихъ грязнѣими, страшно засаленными лохмотьями, невольно думается, какую бы могли сослужить драгоценную службу волокна конопли и кундука, которыя здѣсь засѣваются только изъ-за масла. Но, кѣ сожалѣнию, эти растенія другого примѣненія въ горахъ не имѣютъ, кроме упомянутаго. Въ праздничные дни—а такими бывають: Нав-Рузъ (Новый Годъ, 8 марта) и Курбанъ-Байрамъ—дѣтей наряжаютъ въ чистыя рубашки. Кроме того, въ день Нав-Руза наравнѣ съ взрослыми

имъ красять хеною¹⁾ ногти руки, ноги и концы пальцевъ. Хена, по мнѣнію таджиковъ, обладаетъ свойствомъ укрѣплять ногти и придаетъ имъ красивый изгибъ и гладкость; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Каратегина и Дарваза хену употребляютъ не только въ день Нав-Руз, но и въ другіе праздники въ году, причемъ дѣтямъ красятъ, кромѣ того, волосы на головѣ и подошвы ногъ; послѣднее дѣлаетъ, по мнѣнію туземцевъ, кожу на подошвахъ твердою и нечувствительной, что очень важно, если принять во вниманіе постоянную ходьбу по гористой мѣстности и острѣмъ камнямъ.

Желая хотѣ чѣмъ-нибудь порадовать своихъ дѣтей въ торжественные дни, родители наканунѣ послѣднихъ окрашиваютъ яйца, часть которыхъ отдаютъ дѣтямъ, часть оставляютъ у себя. Нѣчего и говорить, что радость дѣтей въ такие дни бываетъ безпредѣльна. Да и мудрено ли, если такое счастье выпадаетъ имъ въ году только разъ или два! И маленькой горецъ всегда съ затаенною радостью и нѣкоторою тревогой передъ праздниками спрашиваетъ своихъ родителей, много ли будутъ красить яицъ и какихъ больше: красныхъ или желтыхъ (окрашиваются только въ эти два цвета²⁾). Въ самый день праздника, особенно если это бываетъ весною или лѣтомъ, весь кишлакъ входитъ на улицу: взрослые, здороваясь другъ съ другомъ, обмѣниваются крашенными яйцами, а дѣти въ чистыхъ рубашонкахъ, съ выбритыми или стрижеными головками, бережно прижимая къ груди такія же яйца, съ ликующимъ видомъ спѣшатъ подъ тѣни деревъ, на зеленѣющіе берега ручьевъ, где все вмѣстѣ, дѣвочки и малчики, такъ же, какъ и у насъ на Пасху, начинаютъ катать яйца. И въ этой игрѣ проводятъ весь день съ утра до поздняго вечера. Радости дѣтей радуются и взрослые: это катанье дѣтьми яицъ и ихъ ликованіе при этомъ, по вѣрованію горцевъ-таджиковъ, есть прославленіе дѣтскими сердцами всемогущаго Худо-Парвардигора, Который милостию своимъ взоромъ вѣчнаго покровителя взираетъ на безгрѣшныя

1) Толченый корень *Balsaminae hortensis*.

2) Въ красный цветъ яйца окрашиваются фуксиномъ и „руяномъ“ (сухие стебли *Rubiae peregrinae*, кипяченые въ водѣ), покупаемыми у забѣзжихъ купцовъ-узбековъ и равнинныхъ таджиковъ. Окраска въ желтый цветъ достигается слѣдующимъ образомъ: высушиваютъ грибовидные наросты на стволахъ тутовыхъ деревъ и перетираютъ ихъ въ порошокъ, который бросаютъ въ кипящую воду, куда, затѣмъ, опускаютъ и яйца.

созданія—на дѣтей, и доволенъ, что они своею радостью читать Его праздникъ.

Подрастаетъ дитя, и если въ дѣтствѣ не сладка была для него жизнъ, мало видѣлъ онъ радостей даже въ ту счастливую пору, то что сказать о взросломъ человѣкѣ? Суровая, окружающая природа постепенно охватываетъ и всецѣло подчиняетъ себѣ его, невооруженного противъ нея различными благами цивилизованной жизни. Сгибаясь подъ тяжестью вѣпавшей на его долю участи, безропотно переносить горецъ рѣзкую сѣнную жары холодами, осеннюю и весеннюю непогоду и ненастѣ, зимній холодъ и стужу, и лишь жмется онъ въ это время ближе къ очагу своей бѣдной хижинѣ, гдѣ ярко пылаеть та стихія, которой, по его преданіямъ, въ сѣдой древности поклонялись его праотцы. Полагая въ большинствѣ случаевъ все свое благосостояніе въ земледѣліи, горецъ терпѣливо воздѣлываетъ самыми примитивными орудіями землю, изъ которой, по его вѣрованіямъ, Творцомъ былъ впервые вѣзванъ къ бѣдѣ человѣкъ. И нерѣдко трудъ земледѣльца приносить лишь горести разочарованія: пропадаетъ посѣвъ, вѣмерзаютъ всходы и проч. А впереди надвигается грозный призракъ голода и безпощадное требование исправнаго платежа податей¹⁾. Сжимается сердце таджика, и часто, очень часто наивно спрашиваетъ онъ заѣзжаго въ его горы чужестранца: «Скажите, тюря, скоро ли насъ возьметъ къ себѣ «Бѣлый Царь» (*Подшохис-Сафид*)? У него, говорятъ, такъ хорошо житъ: податей платятъ мало и нѣтъ голода». Но молчитъ заѣзжій путникъ въ отвѣтъ на этотъ

1) Вотъ, напримѣръ, какъ взимаютъ годовую подать въ Каратегинѣ и прочихъ мѣстахъ Нагорной Бухары. Эмиру: $\frac{1}{10}$ часть собранного за годъ хлѣба, 20 фунтовъ масла съ богатыхъ и баранъ стоимостью въ 12 тенговъ (1 рубль 92 к.), или же 12 тенговъ деньгами; съ бѣдныхъ же, взамѣнъ масла и барана,—кусокъ „маты“ стоимостью отъ 60 к. до 1 рубля. Въ пользу же мира, амлекдара, волостного старшины и ихъ прислуги сходитъ еще пуда по два хлѣба зерномъ, полпуда или пудъ масла и нѣсколько тенговъ деньгами, смотря по степени выпрашиванія, или, вѣрнѣе, вымогательства. При страшной окружающей бѣдности такие поборы невыносимы, ибо если перевести на нашъ курсъ стоимость ихъ съ каждого мѣстнаго горца, то сумма выйдетъ внушительная. Въ самомъ дѣлѣ, если положить, что въ среднемъ горецъ-таджикъ дастъ 2 пуда пшеницы ($\frac{1}{10}$ часть съ земельныхъ доходовъ), то, считая по 1 р. 10 к. пудъ, выйдетъ 2 рубля 20 коп.; 20 фунтовъ масла стоять, приблизительно, 5 рублей, баранъ—три рубля, или столько же деньгами; итого выйдетъ 10 рублей съ богатыхъ. Съ бѣдныхъ же, если, при всемъ одинаковомъ остальномъ, вместо барана и масла положить кусокъ маты рубля въ два, выходитъ всего податей рублей на 5. Если прибавить еще столько же на мѣстные власти, то непосильность платежа такихъ поборовъ станетъ очевидна. Недоимокъ же не полагается: для ихъ устраненія существуютъ многія, весьма радикальныя, мѣры.

вопросъ, и горецъ изъ силъ вѣбивается, стараясь заработать кусокъ хлѣба себѣ и своей семѣѣ вѣ занятіяхъ какимъ-либо кустарнѣмъ промысломъ, промываніемъ золота и проч., или же бредетъ пѣшкомъ за сотни верстъ, на чужбину, искать работы, чтобы прокормить свою семью и уплатить подати. Безбоязно и легко проходитъ онъ вѣсокіе перевалы на пути и опасныя дороги со всевозможными карнизами и балконами, не останавливаются его и широкія бурливыя горы рѣки. Всѣмъ известныи бурдюкъ (*саноч*, *сангоч*¹) замѣняетъ ему вѣ дорожную сумку для путевыхъ запасовъ, служитъ и для переправы черезъ рѣки. Для этого горецъ-таджикъ кладетъ снятое платце вѣ сангочъ, надуваетъ послѣдній воздухомъ и, туто завязавъ отверстіе, подвязываетъ бурдюкъ поясомъ спереди туловища, между ногъ; затѣмъ, войдя вѣ рѣку, ложится на воду и переплываетъ на другой берегъ²).

На чужбинѣ, перенося различныя лишенія и насмѣшки окружающихъ надѣ своею наивностью, горецъ живетъ лишь одною мыслью о своей семѣї и родныхъ горахъ. Къ нимъ стремится его сердце, и, скопивъ кое-что изъ своего скучного заработка, на крѣлѣахъ радости онъ спѣшилъ подѣ родное небо. Тамъ ему дороги каждыи кустъ, каждыи камень, тамъ мила ему родная природа, сѣя шапкообразными карагачами, могучими раскидистыми деревьями грекаго орѣха или сѣ низкорослыми березками и трепетнолистными осинами; дороги ему и прохладная тѣнь дубравъ вѣ жаркій полдень, и зимнія вьюги и непогоды. Даже болѣзы не удерживаетъ горца-таджика на чужой сторонѣ, и если только онъ вѣ состояніи двигаться, то тащится вѣ родной кишлакъ. Тамъ онъ, на дорогой родинѣ, легче умретъ, если суждено ему умереть, и скорѣе вѣздоровѣтъ, если Худо не изгладилъ его изъ книги жизни, ибо велика щелебная сила наговоровъ своихъ знахарей и непостижима чудодѣйственность родныхъ «мазаровъ» (гробницѣ святыхъ). Вѣ самомъ дѣлѣ, если влюбишься вѣ кого, а тебѣ не отвѣчаютъ взаимностью, иди къ муллѣ или какому-либо вѣдану, и они прочтутъ тебѣ наговоръ на хлѣбъ, соль или какое-либо лакомство;

1) У равнинныхъ таджиковъ—«губсарь».

2) Слѣдуетъ замѣтить, что при переправахъ чрезъ большія горныя рѣки вѣ большинствѣ случаевъ на бурдюкахъ переправляются партіями, сѣпившимися между собою руками и ногами.

кому хочешь дай наговоренное—ни одно сердце не устоитъ противъ тебя, и мѣки души твоей пройдутъ безслѣдно. Сглазилъ кто-нибудь—отрѣжь тайно лоскутъ отъ платя сглазившаго, зажги на огнѣ и этимъ дѣломъ окури болѣнаго: болѣзнь сниметъ какъ рукою. Заболѣлъ лихорадкою или другою какою-либо болѣзни—иди къ муллѣ или позови его къ себѣ; онъ завяжетъ толстую нитку узлами, прочтетъ надѣмъ каждыимъ узломъ заговоръ и надѣнетъ эту нитку болѣному на шею. Не хочешь обращаться къ муллѣ или знахарю—отправься къ наиболѣе чтимому мѣст-

Кладбище.

ному мазару и горячо помолись у гробницѣ святого, а если имѣешь состояніе, то принеси тамъ жертву. Или же повѣсь на «деревѣ обѣтовѣ» кусокъ матеріи и поклянись, что если вѣздоровѣшь, то поставишь столбко-то зажженіяхъ свѣчей въ камнѣ подлѣ мазара или мечети, и болѣзнь пройдетъ безслѣдно.

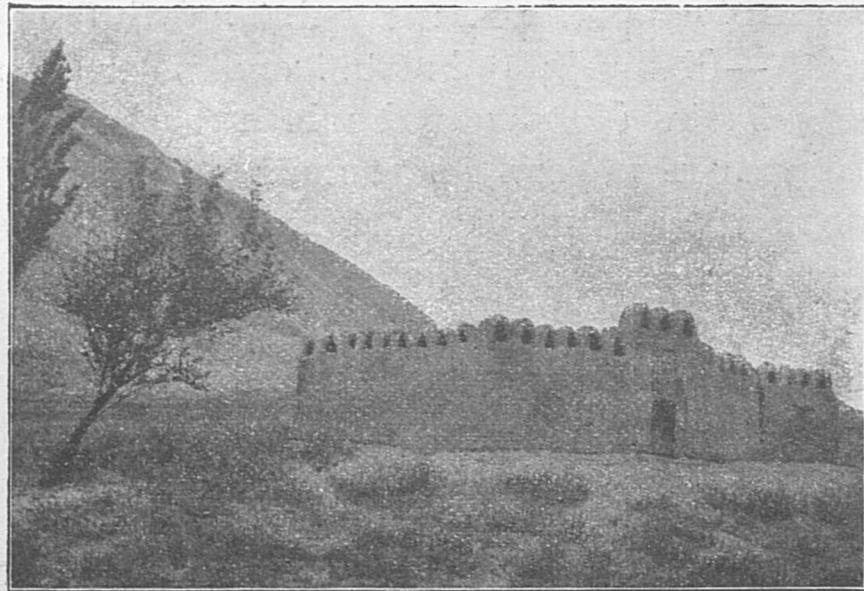
Въ борѣбѣ съ природой изъ-за насущнаго хлѣба проходитъ вся жизнъ горца-таджика. Мало ему выпадаетъ свѣтлыхъ дней въ жизни, и не мудрено, что преждевременная старость и истощеніе являются его пожизненными спутниками, не мудрено,

что число дѣтей, нерѣдко и при многоженствѣ, бываетъ не-значительно: одинъ-два, много двое-трое. Но вѣчная жизнь въ скудости не изгнала изъ сердца горца бодраго, веселаго духа; не сталъ онъ мрачнѣмъ и угрюмѣмъ. Часто раздается его смѣхъ и часто пѣсни и пляски изъ конца въ конецъ оглашаютъ горные кишлаки. Любить онъ свои родныя горы и, доволеній и по-своему счастливый, живетъ въ родномъ кишлакѣ до самой смерти въ блаженномъ невѣдѣніи всуе мятущейся жизни цивилизованнаго человѣка.

Приходитъ время умирать—таджикъ оставляетъ этотъ міръ съ твердынѣмъ сознаніемъ того, что тамъ, за гробомъ, его также ждетъ жизнь, именно:

если онъ жилъ на землѣ добродѣтель-но, жалѣлъ несчаст-ныхъ и нищихъ, лю-билъ людей, говорилъ правду, оказывалъ гостепріимство, из-бѣгалъ ссоръ, не дѣ-лалъ никому зла,—его душа будетъ жить въ раю (*бахишт*), на-слаждаясь блажен-ствомъ и созерцая славу Предвѣчнаго Творца міровъ. Если же онъ велъ зазор-ную, худую жизнь, не любилъ людей, говорилъ неправду и сѣялъ зло, то Худо помѣститъ его душу въ адъ (*дузах*), гдѣ она и будетъ горѣть въ неугасимомъ огнѣ.

И не одинокий умираетъ онъ: при послѣднемъ разставаніи души съ тѣломъ у одра умирающаго собираются его семейство и родственники, они принимаютъ его послѣдній вздохъ и закрываютъ его глаза. Они обмѣняются покойника, завертываютъ его въ бѣлый саванъ изъ матви и хоронятъ по обрядамъ религіи Пророка, причемъ нѣть нужды, если за неимѣніемъ настоящаго муллѣ похоронныя молитви прочтетъ кто-нибудь изъ грамот-ныхъ односельчанъ. На могилѣ накладываютъ небольшую груду

Фамильный склепъ богатыхъ людей. (Снято близъ «Калаи-Рохарва», на Ванджѣ).

камней, сверху которой наваливаютъ колючій хворостъ, во многихъ же мѣстахъ въ изголовѣ послѣдняго успокоенія умершаго человѣка втѣкаютъ вѣсокій шестъ съ насаженнѣмъ на него деревяннѣмъ голубемъ (*кафтѣр*), символомъ неоскверненной человѣческой души, взлетѣвшей къ своему Творцу.

У знатнѣхъ лицъ существуютъ особыя фамильнѣя кладбища: рядъ могилъ, обнесенныхъ вѣсокою, иногда зубчатою глиnobитною стѣною, вѣ которую ведетъ затѣйливо рѣзная дверь.

Скорбь по утерянномъ членѣ семи, помимо присущаго всему человѣчеству плача, выражается также и трауромъ, ношеніе котораго свойственно, кажется, лишь однимъ женщинамъ. Его цвѣтъ бываетъ различенъ, смотря по мѣстности: вѣ Каратинѣ, напримѣръ, траурный цвѣтъ бываетъ краснѣмъ, вѣ Дарвазѣ—блѣднѣмъ; обычнѣй срокъ его ношенія—день, но если покойникъ былъ примѣрнѣмъ мужемъ или хорошимъ свѣномъ, то трауръ носять въ теченіе 6 мѣсяцевъ и даже цѣлаго года, не говоря о траурѣ души, которыи туземная женщина способна носить по дорогомъ ей человѣкѣ всю жизньъ въ свое мѣсто сердца. Проходятъ дни, уносятся циклѣ лѣтъ¹⁾, а таджичка время-отъ времени заходитъ на знакомую ей могилу и, вспоминая объ умершемъ, пролвѣтъ подчасъ не одну слезу надъ дорогимъ ей прахомъ.

1) Въ горахъ неизвѣстно лунное счислениe, котораго здѣсь придерживаются лишь муллы. Всѣ мѣстные туземцы слѣдуютъ солнечному счислению, введенному на Востокѣ въ XI вѣкѣ сельджукскимъ султаномъ Малек-Шахомъ и позаимствованному у китайцевъ. По этому счислению годъ считается отъ одного весеннаго равноденствія до другого и состоитъ изъ 12 мѣсяцевъ, каждый въ 30 дней; недостающіе 5 дней прибавляются къ послѣднему мѣсяцу. Года распредѣляются по цикламъ; каждый циклъ заключаетъ въ себѣ 12 лѣтъ, которые слѣдуютъ у горцевъ-таджиковъ въ такомъ порядкѣ: 1-й—годъ мыши (*сѣми-мѹш*), 2-й—годъ быка (*сѣми-бакар*), 3-й—годъ леопарда (*сѣми-палан*), 4-й—годъ зайца (*сѣми-харгѹш*), 5-й—годъ крокодила (*сѣми-нахан*), 6-й—годъ эмѣи (*сѣми-мѹр*), 7-й—годъ лошади (*сѣми-асп*), 8-й—годъ барана (*сѣми-гусанд*), 9-й—годъ обезьяны (*сѣми-хамдуна*), 10-й—годъ курицы (*сѣми-мѹри*), 11-й—годъ собаки (*сѣми-саи*) и 12-й—годъ свиньи (*сѣми-хѹк*). (О лѣтосчислениi циклами см. статью Терентьева «О мусульманскомъ лѣтосчислениi», приложенную къ его «Хрестоматіямъ: турецк., персидск., киргизск. и узбекской». Изд. 1876 г. Спб.).

Распредѣленіе на часы неизвѣстно: пору дня опредѣляютъ просто по солнцу или по намазамъ.

Глава VII.

Образцы памятниковъ народнаго творчества.

Помѣщаемыя ниже нѣсколько, по нашему мнѣнію, наиболѣе интересныхъ басенъ и сказокъ горцевъ-таджиковъ записаны въ разныихъ мѣстахъ Кухистона и первоначально бывыи помѣщены въ нашихъ «Матеріалахъ для изученія нарѣчія горныхъ таджиковъ Центральной Азіи»; находя, что въ данномъ случаѣ дословность въ передачѣ ихъ на русскій языкъ бывла бѣ не совсѣмъ умѣстна, мы позволили себѣ мѣстами допустить нѣкоторыя, весьма, впрочемъ, небольшія, уклоненія отъ оригинала. Полагаемъ, что отъ этого суть предлагаемыхъ памятниковъ народнаго творчества и, такъ сказать, ихъ индивидуальная окраска особенно не пострадали. Вѣроятно, болѣшинству читателей нижепомѣщаемыя сказки и басни отзовутся чѣмъ-то роднѣмъ, знакомѣмъ съ дѣтства, хотя и слышаннымъ или читаннымъ въ ту пору совсѣмъ въ другомъ видѣ, въ другой формѣ, чѣмъ онѣ предлагаются здѣсь. Это обстоятельство лишній разъ доказываетъ общность идей и образовъ человѣчества, хотя бывѣ тѣ или другие представители послѣдняго стояли на различныхъ ступеняхъ культуры.

Подобно впечатлѣніямъ ранняго дѣтства, навсегда сохраняющимъ въ сердцѣ, не въ примѣрѣ событий болѣе позднихъ лѣтъ, такие памятники народнаго творчества, слагаясь въ младенчествѣ народовъ, потомъ помнятся послѣдними и въ периодѣ возмужалости и во время старости, когда, «въ предѣлахъ земныхъ совершивъ все земное», они достигаютъ вершинъ культуры и цивилизаций.

I.

Оселъ, Левъ, Верблюдъ и Волкъ.

Б а с н я ¹⁾.

Одинъ начальникъ каравана велъ караванъ изъ десяти верблюдовъ и десяти ословъ въ Китай. Дорогою одинъ верблюдъ и одинъ оселъ настолько изнурились, что онъ принужденъ былъ бросить ихъ въ пустынѣ на произволъ судьбы. Оставленный Оселъ напился пьянишь и сказалъ своему товарищу Верблюду:

— Давай запоемъ пѣсни.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Верблюдъ,—нельзя этого дѣлать: услышитъ Левъ, придетъ и сѣсть насъ.

Но не послушался Оселъ предостереженій Верблюда и затянулъ пѣсню. Пришелъ Левъ. Верблюдъ, увидя его, сказалъ Ослу:

— Ну, не говорилъ ли я тебѣ: не пой пѣсни. Вотъ Левъ и пришелъ.

И сказалъ Левъ:

— Сейчасъ сѣмъ Осла.

Но Оселъ сказалъ на это Льву:

— Постой, давай-ка побьемся о закладѣ: кто изъ насъ достанетъ мозгъ земли, тотъ и сѣсть другого.

Левъ согласился на это. А надо замѣтить, что Оселъ до прихода Льва зарылъ въ землю горшокъ съ кислымъ молокомъ. Сколько Левъ ни копалъ земли, не могъ найти въ ней мозга, Оселъ же сразу нашелъ; вырвавъ горшокъ съ кислымъ молокомъ и подбросивъ его за ручку до самаго неба. Затѣмъ устремился на Льва съ крикомъ:

— Ну, теперь я сѣмъ тебя!

Испугался Левъ, что ему грозитъ опасность быть сѣденнымъ и побѣжалъ безъ оглядки. Попадается ему навстрѣчу Волкъ.

— Что ты бѣжишь, Левъ?—спрашиваетъ тотъ.

¹⁾ Записано со словъ Ходжи-Назара, изъ кишлака Дэи-Ходжа-Али, на одномъ изъ притоковъ р. Сурхоба, въ Карагегинѣ.

— Какъ же мнѣ не бѣжать: меня хочетъ съѣсть Оселъ,— отвѣчаетъ Левъ.

— Вернись,—началъ Волкъ уговаривать Льва,—у меня есть съ Осломъ старые счеты: надо мнѣ получить съ него прежній долгъ, сорокъ кусковъ мяса. Вернись, мы вмѣстѣ и съѣдимъ Осла!

Но Левъ изъ боязни не соглашался. Тогда Волкъ посовѣтовалъ Льву сдѣлать слѣдующее:

— Чтобы намъ не разъединиться, надѣни тві веревку съ петлею на мою шею, а петлю на другомъ концѣ веревки закрѣпи на своей шеѣ.

Послушался Левъ и поступилъ по совѣту Волка. И пошли они назадъ къ Ослу. Послѣдний, увидѣвъ ихъ, заревѣлъ что есть силы. Левъ опять испугался и побѣжалъ, потащивъ за собою на арканѣ и Волка, такъ что тотъ задушился и издохъ.

II.

Человѣкъ и Змѣя.

Басня ¹⁾.

Былъ одинъ человѣкъ. Отправился онъ въ путь и дошелъ до лѣса, который былъ обнятъ пламенемъ. На вершинѣ одного изъ деревъ увидѣлъ онъ Змѣю, которая сказала тому человѣку:

— Вѣтащи меня изъ огня.

— Нѣтъ, Змѣя,—сказалъ Человѣкъ,—не вѣташу я тебя изъ огня.

— Почему?

— Да потому, что тві меня ужалишь.

— Клянусь тебѣ, что не ужалю тебя,—сказала Змѣя.

Повѣрилъ ей Человѣкъ, сдѣлалъ изъ веревки петлю, забросилъ ее на дерево, захватилъ Змѣю и вѣташилъ изъ огня. Потомъ сказалъ:

— Ну, Змѣя, вѣлѣзай теперь изъ моей петли.

— Нѣтъ,—отвѣчала Змѣя,—не вѣлѣзу я и ужалю тебя.

¹⁾ Записано со словъ Сохиб-Назара, изъ кишлака Техарвъ, въ верховьяхъ р. Ванджа въ Дарвазѣ.

И взмолился тогда Человѣкъ:

— Не кусай ты меня безъ свидѣтелей.

И пошли они искать свидѣтелей. Пришли къ Ивѣ.

— Скажи, чѣмъ платится за добро? — спросилъ Человѣкъ у дерева.

— За добро платятъ зломъ, — отвѣтила Ива.

Восторжествовала Змѣя и сказала:

— Ужалю тебя, а вонъ не вѣлѣзъ.

Но Человѣкъ просилъ Змѣю идти далѣше. Пошли они далѣше и пришли къ Лисѣ.

— Эй, Человѣкъ, что ты пришелъ? — спросила Лисица.

— Да вотъ Змѣя не пускаетъ меня: ужалить хочетъ.

И сказала Лиса:

— Змѣя, вѣлѣзъ-ка изъ петли Человѣка, я посмотрю на тебя.

Змѣя вѣшла и поползла.

— Человѣкъ, бей ее палкою, — закричала Лиса.

Человѣкъ ударилъ Змѣю палкою и убилъ. Такъ онъ освободился отъ нея и пошелъ далѣе. Великъ Господь!

III.

Сынъ визиря.

Сказка ¹⁾.

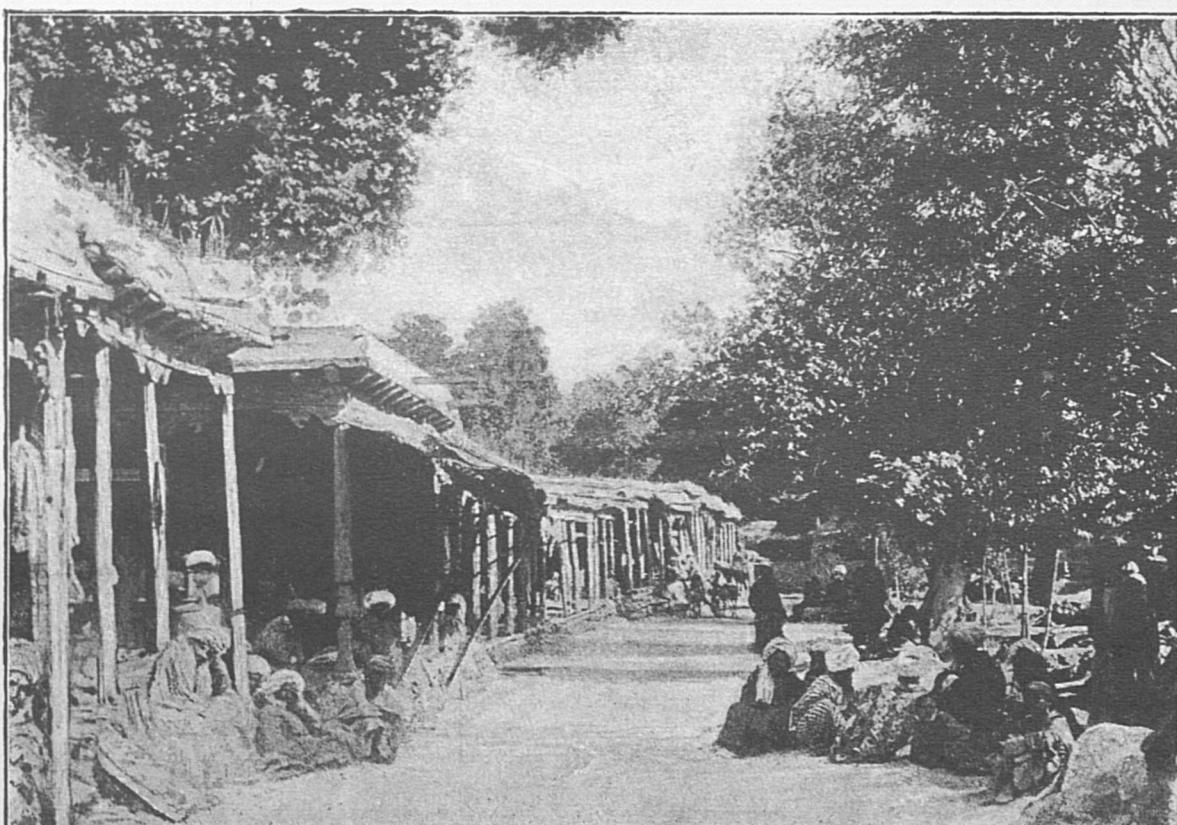
Жиль-бѣлъ одинъ царь, бѣлъ у него визирь. Однажды царь сказалъ визирю: «Собери со всего царства молодыхъ людей по парѣ, т.-е. чтобы каждому юношѣ приходилось по дѣвушкѣ-ровесницѣ. Мы ихъ всѣхъ, начиная съ твоего сына и моей дочери, перевѣнчаемъ». Сталъ визирь исполнять приказаніе царя, но во время сборовъ молодежки умеръ. У визиря хотя и былъ сынъ юноша, но царь не исполнилъ своего обѣщанія: не отдалъ за него своей дочери.

— Матушка, — обратился однажды молодой человѣкъ къ матери, — сходи къ царю, попроси его вѣдѣть за меня дочь. Если

1) Записано со словъ того же Сохиб-Назара, изъ кишлака Техарвъ, въ верховьяхъ р. Ванджа.

же онъ не согласится, то пусть хотѣть дастъ мнѣ сколько-нибудь денегъ.

Пошла старуха къ царю и повторила просьбу свиня. Царь вѣнчалъ три золотыхъ и далъ женѣ визиря. Та принесла деньги домой и отдала ихъ свину. Тотъ взялъ ихъ и отправился на базаръ. Видитъ онъ—трое людей хотятъ убить котенка. Даль имъ молодой человѣкъ за него три золотыхъ и принесъ котенка къ себѣ домой.

На базарѣ въ г. Карагандѣ (въ Хисарѣ).

— Неужели, дитя, ты заплатилъ за котенка три золотыхъ? — спросила его матъ.

— Матушка,—отвѣчалъ юноша,—его хотѣли убить, а я спасъ его отъ смерти.

Опять пошла его матъ къ царю, принесла другіе три золотыхъ и опять отдала свину. Снова тотъ понесъ эти деньги на базаръ. Видитъ—трое людей хотятъ убить щенка. Заплатилъ онъ за него три золотыхъ и принесъ щенка домой. Горбко заплакала матъ, увида свиня со щенкомъ, и сказала:

— Дитя мое, ты истратилъ шесть золотыхъ и пріобрѣлъ лишь котенка и щенка.

Въ третій разъ отправиласъ бѣдная женщина къ царю и, получивъ отъ него еще три золотыхъ, попрежнему отдала ихъ свину, а онъ опять понесъ эти деньги на базаръ. Понравился тамъ ему одинъ сундукъ, купилъ онъ его и принесъ къ матери. Едва послѣдняя подняла крышку сундука, какъ вышелъ изъ него драконъ, да такой страшный и громадный, что нижняя губа его—на землѣ, а верхняя доходитъ до неба. Увидя это

На базарѣ въ Патта-Хисарѣ (на Аму-Дарьѣ).

чудовище, жена визиря упала въ обморокъ; очнувшись, она сказала свину:

— Удали, ради Бога, отъ меня этого дракона!

Юноша положилъ дракона обратно въ сундукъ, закрылъ крышку и понесъ его къ его отцу. Въ видѣ подарка за принесенное дѣтище, драконъ подарилъ свину визиря перстень стоимостью въ одинъ поясъ земли¹⁾. Юноша понесъ этотъ перстень на базаръ и, продавъ его, такъ много привезъ денегъ, что весь замокъ царя наполнилъ ими. И царь видѣлъ свою dochь

¹⁾ По мнѣнію мусульманъ, вся земля дѣлится на семь поясовъ.

за свіна визиря, и тотъ сталъ обладателемъ на землѣ полнаго счастья. Да, достигнемъ и мві такого счастья по милосердію Того, Кто самвій Милостивvій изъ милосердвихъ.

IV.

Сказка о курильщикѣ опія и о его мнимомъ богатствѣ¹⁾.

Былъ одинъ курильщикъ опія²⁾; сидѣлъ онъ однажды въ бани; кончилъ курить и собирался уже выходить изъ бани, какъ туда вошелъ какой-то купецъ изъ Балха и крикнулъ ему:

— Эй, носильщикъ!

Продавецъ опія подбѣжалъ къ нему:

— Къ вашимъ услугамъ! — сказалъ онъ.

— Отнеси-ка вотъ это кислое молоко въ мою квартиру, и сколько это стоитъ? — сказалъ купецъ.

— Полъ-тенги.

— Одну мирѣ я дамъ тебѣ.

Курильщикъ согласился и взялъ горшокъ съ молокомъ. Идя, онъ размечтался.—На эту монету,—говорилъ онъ,—которую мнѣ дастъ купецъ, я куплю себѣ курицу, она мнѣ снесеть тридцать яицъ. Изъ тридцати яицъ будутъ у меня цыплята. Каждый цыпленокъ снесетъ мнѣ по яйцу, и изъ этихъ яицъ выведется множество куръ; число ихъ достигнетъ тысячи лаковъ³⁾. Продавъ куръ, я сдѣлаюсь богачемъ и накуплю себѣ барановъ, нѣсколько тысячъ барановъ. Затѣмъ женюсь, жену возьму либо у царя, либо у купца, либо у поселянина. Лучше возьму у царя дочь. Пошлю сватовъ къ царю. Царь согласится, выдастъ за меня свою дочь, за нею дастъ большой калымъ. Приведу я ее въ свой домъ и скажу: «дочь царя, приготовь-ка какое-либо кушанье, чтобы я поѣлъ; а потомъ и время проведу весело!» Позоветъ царевна невольницу, прибѣжитъ на ея зовъ молодая девушка, а она ей скажетъ: «приготовь-ка кушанье, я покушаю съ моимъ мужемъ, а потомъ предадимся удовольствіямъ!» Дѣвуш-

1) Записано со словъ муллы Давлята, изъ кишлака Сархá, въ верховьяхъ Оби-Хингоу.

2) Въ оригиналѣ *бáни*, что значитъ *курильщикъ „бáни“* (растенія, известного въ ботаникѣ подъ именемъ *Datura-stramonium*).

3) Лакъ=100.000.

ка побѣжитъ приготавлять кушанье. Побѣдимъ, и я скажу: «ну́ теперь я покурю.» — «Отлично», скажетъ моя жена. Придетъ неволвница за кушаньемъ, а я курю. Покуривши, скажу своей женѣ: «принеси-ка мнѣ воды. Я вымою себѣ руки!» Жена отвѣтитъ: «вѣдь я дочь царя, не подамъ тебѣ воды!» — «Что же ты не подашь, — я твой мужъ!» закричу я. — «Ты курильщикъ опія, безумецъ, и я не подамъ тебѣ воды!» «О ты, дочь проклятаго, принеси воды!» закричу я; жена опять начнетъ возражать: «твой

На базарѣ въ «Мумин-Абадѣ» на одномъ изъ притоковъ Ях-Су).

отецъ — проклятый, ты — курильщикъ опія, воръ, нищій!» — Тогда я вѣйду изъ терпѣнія и позову палача, а жена кликнетъ слугъ. Я разсержу сѣ, вскочу съ мѣста и ударю жену; та закричитъ палачамъ. Явятся двое палачей, обнажать мечи и ударятъ меня по головѣ».

Но не попали палачи по головѣ его, а попали по горшку съ кислымъ молокомъ, который и разбился вдребезги¹⁾. Въ

¹⁾ Т.-е. курильщикъ опія до такой степени увлекся своими мечтами, что вообразилъ, будто бы палачи хотятъ его ударить, и выпустилъ горшокъ изъ рукъ.

это время возвращавшийся изъ бани купецъ нагналъ курильщика опія и спрашиваетъ его: «для чего тві разбилъ горшокъ?»—Курильщикъ опія отвѣчалъ: «палачъ царя ударили меня по головѣ, но не попалъ по ней, а по горшку, и разбилъ его».—Купецъ ударили его два раза пинкомъ, курильщикъ опія пустился бѣжать, не получивъ обѣщанныхъ ему денегъ. Такъ ему и не пришлось бѣтъ богачемъ.

V.

О продѣлкахъ Ашур-Айора и его жены.

Сказка ¹⁾.

Жилъ-былъ на свѣтѣ человѣчище по имени Ашур-Айоръ, имѣлъ онъ жену по имени Ашур-Бикѣ-Джонъ. Случилось однажды, что нѣчего имѣло бытъ. Всталъ Ашур-Айоръ и пошелъ искать пропитанія, а жена его отправилась къ Судѣ съ просѣбой:

— Ашур-Айоръ у меня ушелъ изъ дома и умеръ. Дайте, ради Бога, сиротамъ хотѣ сколько-нибудь муки!

Далъ Судья Ашур-Бикѣ-Джону чашку муки и спрашиваетъ ее:

— Не удостоишъ ли тві меня своею благосклонностью?

— Какъ настанетъ ночь, захватите барана и побольше муки и приходите ко мнѣ,—шепнула та Судѣ.

Судья съ радостью исполнилъ все, что ему сказала Ашур-Бикѣ-Джонъ: принесъ къ ней въ домъ муки, привелъ барана и пригласилъ гостей. Зарѣзали барана; Ашур-Бикѣ-Джонъ наварила разныихъ кушаній и началась пирушка. Когда гости разошлись, Судья остался у «вдовы» ночевать. Но ночью пришелъ Ашур-Айоръ и сталъ стучаться въ дверь. Испугался Судья и спрашиваетъ женщину:

— Что мнѣ дѣлать?

— Ложись скорѣе въ колыбель,—сказала ему Ашур-Бикѣ-Джонъ и затѣмъ впустила мужа. Войдя въ домъ и осмотрѣвшись, Ашур-Айоръ спросилъ жену:

— Чѣо это въ колыбели?

— Ребеночка Богъ послалъ,—отвѣчала та.

1) Записано со словъ Махмед-Сафыда, изъ кишлака Пошхарвъ, на р. Пянджѣ, въ Дарвазѣ.

Подошелъ Ашур-Айоръ поближе къ колыбели и видитъ, что у «ребенка» ноги вьисунулись изъ колыбели и торчатъ.

— Послушай-ка,—обратился Ашур-Айоръ къ женѣ,—принеси мнѣ топоръ: я укорочу ребенку немного ножки.

Перепугался Судья, услышавъ это, вскочилъ и вмѣстѣ съ колыбелю уѣжалъ домой ¹⁾.

Прошло послѣ того нѣсколько времени, и опять насталъ въ семѣ Ашур-Айора голодъ. Вышелъ Ашур-Айоръ изъ дома, а жена его пришла къ Райсѣ ²⁾ и повторила ему ту же просьбу, что когда-то говорила и Судѣ. Понравилась Ашур-Бикѣ-Джонъ Райсѣ и тотъ предложилъ ей вѣйти за него замужъ.

— Согласна,—отвѣчала «свѣдова»,—берите болѣше муки и приходите ко мнѣ сегодня вечеромъ.

Настала ночь; взялъ Райсъ муку, собралъ гостей и пришелъ съ ними къ невѣстѣ. Та наварила похлѣбки, и пошелъ пиръ горой. Когда гости ушли, Райсъ и говоритъ Ашур-Бикѣ-Джону:

— Постели постель и ляжемъ спать.

Легли. Вдругъ въ дверь постучался Ашуръ-Айоръ и закричалъ женѣ:

— Отопри-ка дверь!

— Что мнѣ дѣлать?—въ испугѣ заметался Райсъ.

— Заверни съ скорѣй въ коровью шкуру, авось Ашур-Айоръ тебя не увидитъ,—сказала Ашуръ-Бикѣ-Джонъ и пошла отпирать мужу двери. Райсъ же завернулся въ коровью шкуру и сталъ въ углу у двери ³⁾.

Вошелъ Ашур-Айоръ и, заглянувъ за дверь, спросилъ жену:

— Чья это корова?

— Райса,—отвѣчала та.

— Давай-ка убъемъ ее,—предложилъ женѣ Ашур-Айоръ,—и сѣѣдимъ.

Испугался Райсъ и опрометью, какъ быль въ шкурѣ, уѣжалъ домой.

1) Надо замѣтить, что колыбели всюду на Востокѣ дѣлаются съ однимъ или двумя полукруглыми надъ ними ободьями. Поэтому чтобы влѣзть въ колыбель или вылѣзть изъ нея взрослому, нужно подлѣзть подъ эти ободья.

2) Райсъ—начальникъ вообще.

3) Двери хона въ большинствѣ случаевъ отворяются внутрь помѣщенія, почему Райсъ и сталъ у двери въ углу въ надеждѣ, что вошедший Ашур-Айоръ, оторивъ дверь, не видитъ его въ комнатѣ.

На другой день Ашур-Айоръ говоритъ женѣ:

— До сегодняшняго дня ты добывала пропитаніе дѣтямъ, нынѣ же ты оставайся дома: займусь этимъ дѣломъ я.

Купилъ Ашур-Айоръ осленка и погналъ его по улицѣ. Подаются ему навстрѣчу трое прохожихъ.

— Что у тебя за оселъ? — спрашиваютъ они Ашур-Айора.

— Этотъ оселъ дорогого стоитъ, — отвѣчаетъ Ашур-Айоръ: — когда онъ испражняется, я его толкаю ногою, и онъ извергаетъ деньги.

Подивились прохожие такому диковинному ослу и купили его у Ашур-Айора за двѣсти тенговъ. Получилъ Ашур-Айоръ деньги и понесъ ихъ къ себѣ домой. Новые же владѣльцы осла сколько ни толкали послѣдняго, онъ, къ сожалѣнію, ничего не извергалъ, кромѣ того, что ему было свойственно по его природѣ.

— Ахъ, мерзавецъ, — ругались обманутые люди, — Ашур-Айоръ обманулъ насъ. Поведемъ осла обратно къ хозяину и возвемъ деньги назадъ.

Привели осла къ Ашур-Айору, вошли въ хона; видяты, жена Ашур-Айора умерла и онъ сидитъ около нея съ палкой въ рукахъ.

— Къ чему у тебя палка? — удивились люди.

— Эта палка оживляетъ мертвцовъ, — отвѣтилъ Ашур-Айоръ и, поднявъ палку, ударилъ ею по мертвей женѣ: жена тотчасъ же ожила и встала. И сказали люди про себя:

— Купимъ эту чудесную палку и много пріобрѣтемъ богатства.

Пріобрѣли они эту палку у Ашур-Айора за двѣсти тенговъ и ушли.

Разнеслась вѣсть, что умеръ царь; слуги его случайно встрѣтили людей, купившихъ палку у Ашур-Айора, и когда послѣдніе рассказали, что у нихъ за палка, слуги царя стали ихъ упрашивать пойти и оживить умершаго царя. «Мы вамъ много за это всякаго добра дадимъ», говорили они.

Пришли владѣльцы чудодѣйственной палки во дворецъ и ударили ею по трупу царя; но сколько ни били его, покойникъ не ожила, и со срамомъ и побоями изгнали ихъ изъ дворца царедворцами. И пришли эти люди опять къ Ашур-Айору, но дома застали одну грустную его жену. На ихъ вопросы, гдѣ Ашур-Айоръ, Ашур-Бикѣ-Джонъ сказала, что онъ умеръ. Пришли люди къ могилѣ Ашур-Айора и видяты, что изъ нея подымается пламя.

— Подѣломъ ему, окаянному,—сказали они:—сожралъ онъ наши денги: вотъ теперь его огонь и палитъ въ могилѣ.

Разрыли они могилу Ашур-Айора и каждыій по-очереди хотѣлъ осквернить ее. Но едва первый расположился на могилѣ, Ашур-Айоръ изо всей силы ударили того человѣка молотомъ въ задѣ, такъ что онъ тотчасъ же испустилъ духъ, двое же другихъ его товарищѣ со страху бросились бѣжать. Ашур-Айоръ же возвратился къ себѣ въ домъ и счастливо зажилъ. Мнѣ его вѣтакомъ положеніи и понѣнѣ видимъ.

VI.

Лисица и Перепелка.

БАСНЯ ¹⁾.

Жила-была на свѣтѣ Лисица. Однажды летѣла Перепелка, и прямо на Лису; испугалась послѣдняя и уѣхала, а потомъ, подкарауливъ птичку, схватила ее.

— За что твѣ меня схватила, Лиса? — спрашиваетъ Перепелка.

— Твѣ меня напугала, и вотъ я тебя схватила, чтобы сѣсть, — отвѣчала Лисица.

— Я тоща, не ъѣшь меня, — взмолилась Перепелка.

— Нѣтъ, шалишь, сѣмѣ, — не слушала Лиса.

— Я буду твоимъ другомъ и буду кормить тебя, — говорила птичка.

— Какъ это твѣ сдѣлаешь? — спросила Лиса.

— Твѣ видишь вонъ того человѣка?

— Вижу.

— Его жена готовитъ теперь пищу, чтобы отнести ее мужу, — сказала Перепелка.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени показалась женщина, несшая мужу пищу.

— Посиди пока здѣсь, — сказала Перепелка Лисицѣ и порхнула на дорогу.

1) Записано со словъ Махмед-Джалиля, изъ кишлака Круговатъ, на р. Пянджѣ, въ Дарвазѣ.

«Дай-ка я поймаю эту птичку»,—подумала женщина и, поставив чашку съ пищею, бросилась ловить Перепелку. Лисица же воспользовалась этим временем, вбежала изъ-за своей засады, и прямо къ чашкѣ; побла всю пищу и, испражнившись въ чашку, опять прикрыла ее крышкой. Улетѣвшая отъ женщины Перепелка подлетѣла къ Лисице и спрашиваетъ ее:

— Побла?

— Побла,—отвѣтчила та.

Женщина же, бросивъ ловить Перепелку, вернулась къ оставленной чашкѣ, взяла ее, поставила на голову и отправилась къ мужу. Когда тотъ взялъ отъ женщины чашку и снялъ крышку съ нее, то вместо пищи увидалъ лисий пометъ.

— Это что такое?—спросилъ онъ жену.

— Это пометъ Лисицы,—сказала жена.

Схватилъ человѣкъ палку и стала бить жену, приговаривая: «почему ты не принесла мнѣ пищи?» Сильно избилъ онъ женщину, такъ что та съ плачемъ уѣждала домой.

— Ну, теперь я свѣта, пойдемъ далѣше,—сказала Лисица.

Пошли далѣше. Черезъ нѣсколько времени дошли до одной деревни и, взобравшись на крышу одного хона, заглянули внутрь хижины; видя, подѣль очага сидѣть мужчина и женщина.

— Подожди здѣсь, а я влечу въ хижину,—сказала Перепелка Лисѣ и вспорхнула въ хона.

Женщина, увидя Перепелку, сказала мужу:

— Вотъ эта птичка обманула меня, затвори-ка дверь: сейчасъ мы ее поймаемъ.

А надо замѣтить, что женщина была та самая, у которой Лисица побла кушанье въ чашкѣ.

Мужъ притворилъ дверь, Перепелка порхнула на постель.

— Постой,—сказалъ мужъ,—я ее убью.

— Нѣтъ,—отвѣтила жена,—убью ее я.

Схватилъ мужъ камень и пустилъ имъ въ Перепелку, но не попалъ въ нее, а въ своего ребенка-свина, который тутъ же и умеръ.

— Ты убилъ нашего свина!—закричала женщина, а птичка перелетѣла съ постели и сѣла на край котла, въ которомъ варились пищи. Въ гнѣвѣ женщина схватила большой ковшъ, а мужъ палку, при чемъ и та и другой бросились за Перепелкой съ крикомъ: «вотъ я убью ее!» Замахнулся мужъ палкою, но

жена предупредила его и запустила ковшомъ въ птичку, но не попала въ нее, а угодила въ лобъ мужу, который тутъ же упалъ и умеръ. Перепелка же чрезъ отверстіе въ крышѣ вылетѣла къ Лисицѣ, и обѣ немало смѣялись надъ всѣмъ происшедшемъ.

— Ну, довольно смеяться,—сказала наконецъ Лисица,—пойдемъ хотѣ поплачимъ.

Спустились онѣ съ крыши и пошли дальше. Дорогою Перепелка замѣтила двухъ спящихъ собакъ и полетѣла къ нимъ. Лисица же, не замѣтивъ, куда полетѣла ея спутница, стала искать ее по сторонамъ, и вдругъ увидѣла собакъ; съ испугу она бросилась бѣжать. Собаки же тѣмъ временемъ, замѣтивъ Перепелку, вскочили схватить ее, но птичка, какъ бы спасаясь отъ нихъ, полетѣла прямо на Лисицу и этимъ навела собакъ на послѣднюю. Собаки, увидя Лису, бросились за нею. Лиса спряталась отъ нихъ въ нору. Собаки, видя неудачу, возвратились обратно. Перепелка же положила у входа въ нору сухую твѣкву, которая, колебаясь отъ вѣтра и катаясь по землѣ, сильно громыхала. Лисица, пугаясь этихъ звуковъ, стала копать вѣходѣ изъ норы въ другомъ мѣстѣ; сдѣлавъ это, она сильно утомилась. Найдя твѣкву, Лисица поняла, что та была причиной ея испуга.

— Погоди же,—сказала Лиса твѣквѣ,—ты меня испугала; я пойду и утоплю тебя.

Привязала Лиса твѣкву къ хвосту и потащила въ рѣку. Придя къ берегу, она опустила хвостъ, а твѣкву въ воду; когда твѣква достаточно наполнилась водою, то потащила Лису въ воду.

— Что ты меня пугаешь? — сказала Лиса твѣквѣ, а въ послѣднюю все продолжала булькать вода.

Въ это время прилетаетъ Перепелка. Лиса, увидя ее, спросила:

— Другъ, ты куда же улетѣла?

— А я нѣряла подѣ водою, наполнивъ свои шальвары камнями,—отвѣчала Перепелка.

— Вотъ какъ,—сказала Лисица,—попробую и я. Наложила камней въ свои шальвары, повѣсила ихъ на шею и нѣрнула въ воду, но больше ужъ не появлялась изъ рѣки. Такъ Перепелка освободилась отъ Лисицы.

VII.

Ястребъ, Ворона и Лисица.

Б а с н я ¹⁾.

Жилъ - былъ одинъ Ястребъ ²⁾; вѣвелъ онъ дѣтей на вершинѣ дерева. Пришла къ нему Лисица и говоритъ:

— Брось мнѣ одного дѣтеныша: я его сѣмъ.— Но Ястребъ не далъ Лисѣ своего птенца.

— Брось,— приставала Лисица,— иначе я повалю дерево.

Испугался Ястребъ, и бросилъ Лисицѣ одного изъ своихъ дѣтенышей; та подхватила его и сѣла.

Увидѣлъ это Воронъ и спрашиваетъ Ястреба:

— Для чего ты отдалъ Лисицѣ своего птенца?

— Я испугался словъ Лисы, такъ какъ она хотѣла обвить мое дерево хвостомъ, повалить его и сѣсть всѣхъ моихъ птенцовъ.

— Не отдавай больше Лисѣ птенцовъ: не можетъ она повалить дерева,— сказалъ Воронъ и улетѣлъ.

Приходитъ опять Лиса къ Ястребу и требуетъ другого птенца.

— Не дамъ я тебѣ больше своихъ дѣтей Ѳстѣ,— отвѣтилъ Ястребъ.

— Кто это научилъ тебя бѣтъ умнѣемъ?— спросила Лиса.

— Самъ,— отвѣчалъ Ястребъ.

— Неправда,— приставала Лисица,— говори, кто тебя научилъ?

— Воронъ,— сознался Ястребъ.

Пошла Лиса прочь отъ дерева, легла въ чащѣ и вѣсунула на дорогу язвѣкъ. Замѣтилъ его Воронъ, и думая, что лежитъ что-нибудь сѣдѣбное, потянулъ за язвѣкъ Лисы, чтобы его сѣсть, но Лисица схватила Ворона и сказала:

— Это ты научилъ Ястреба не давать мнѣ птенцовъ. Погоди, теперь я тебя сѣмъ!

1) Записано со словъ того же Махмед-Джалиля.

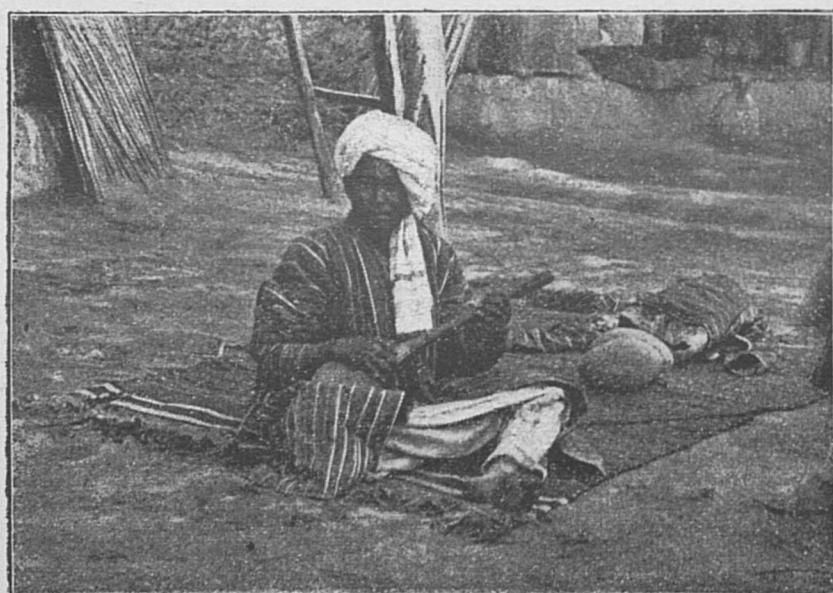
2) Въ подлинникѣ — «кальмургъ», родъ ястреба безъ хохла на головѣ.

— Не ъшь меня здѣсъ, Лиса,—сталъ упрашиватъ ее Воронъ.
— Гдѣ же мнѣ тебя съѣсть?—спросила Лисица.
— На какомъ-нибудь вѣсокомъ мѣстѣ,—сказалъ Воронъ.
Послушаласъ Лиса, принесла его на вѣсокое мѣсто и говоритъ:

— Вотъ здѣсъ я тебя съѣмъ!
— Прочти сначала молитву: я предъ смертью послушаю.
— Богъ великий!—начала Лиса, раскрывши свой ротъ. Въ этотъ моментъ Воронъ и вылетѣлъ у нея изо рта.

Удивиласъ Лиса и, опомнившись, проворчала:

— Сначала надо было откусить голову у этого мерзавца, а потомъ ужъ и молитву читать.

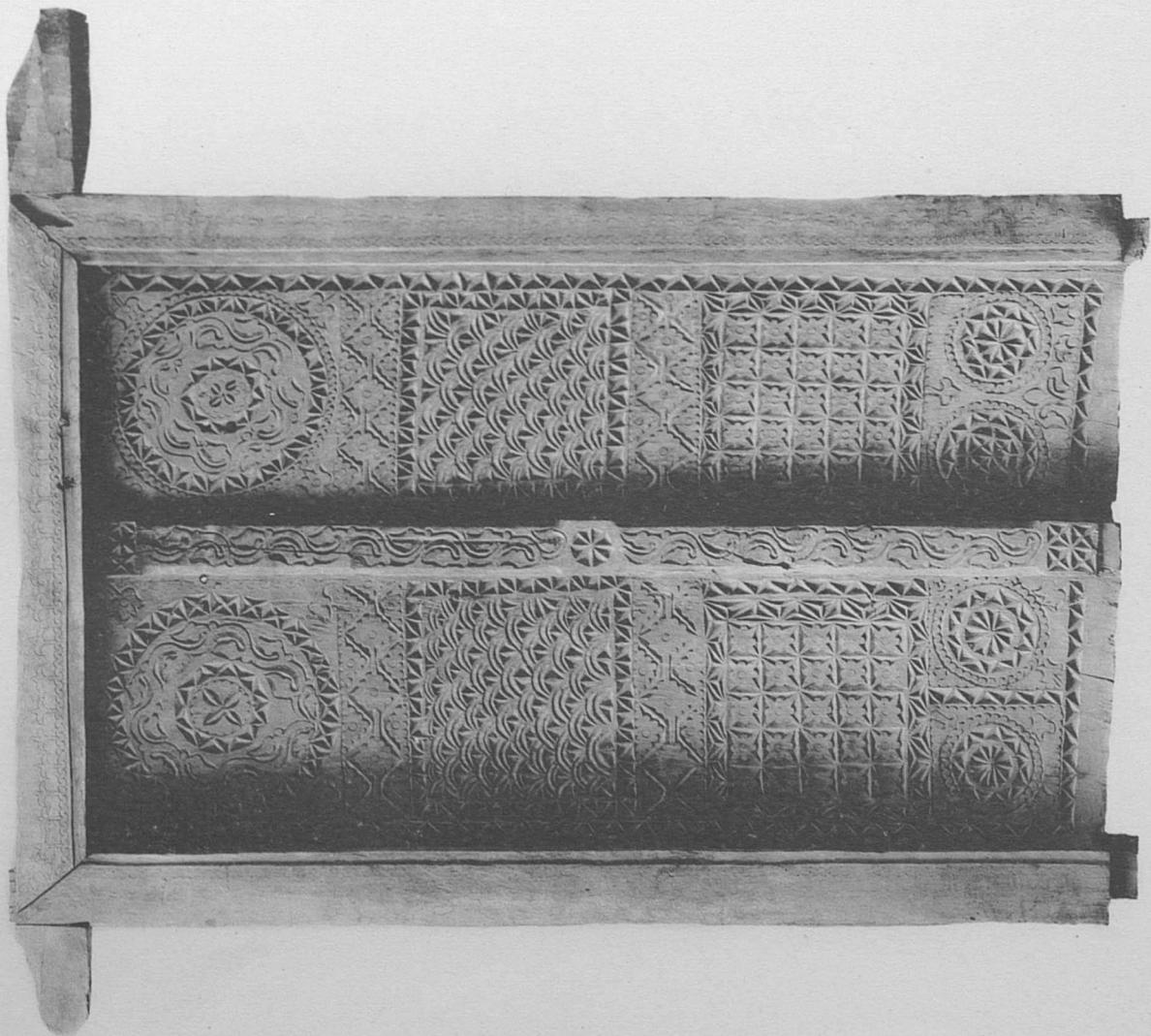
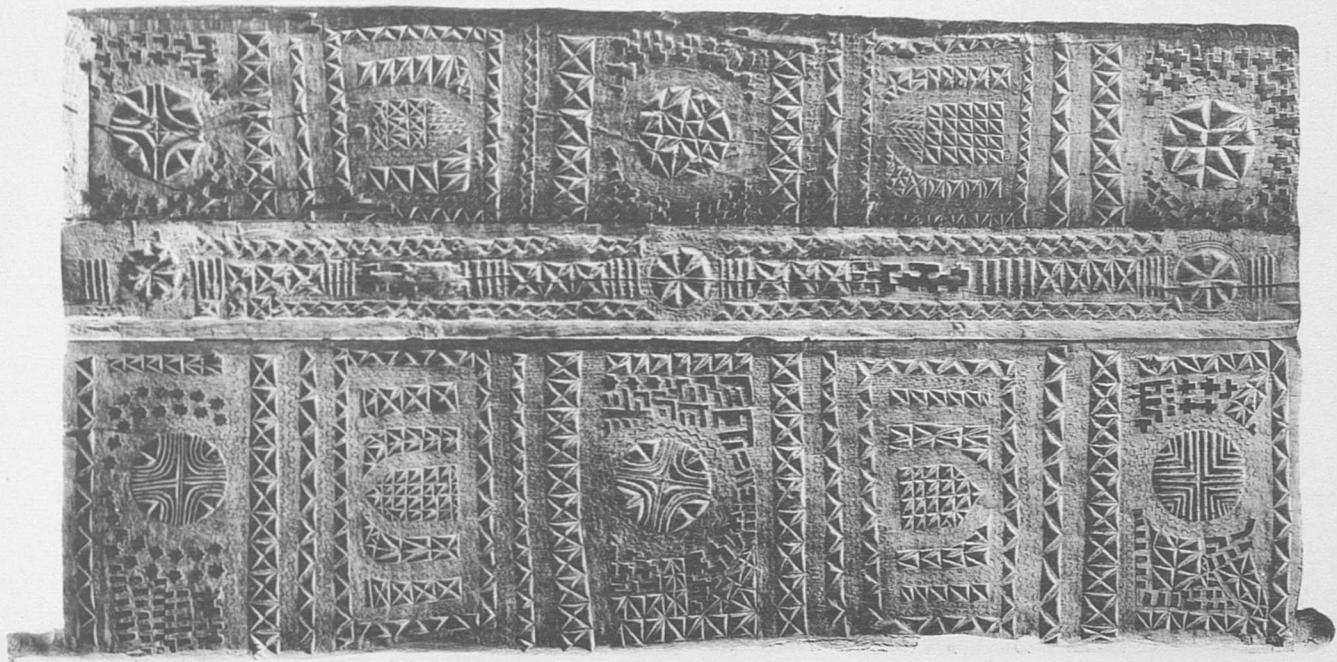
Базарный пѣвецъ и «осунагуй» (разсказчикъ сказокъ).
(Снято въ Патта-Хисарѣ, на Аму-Дарье).

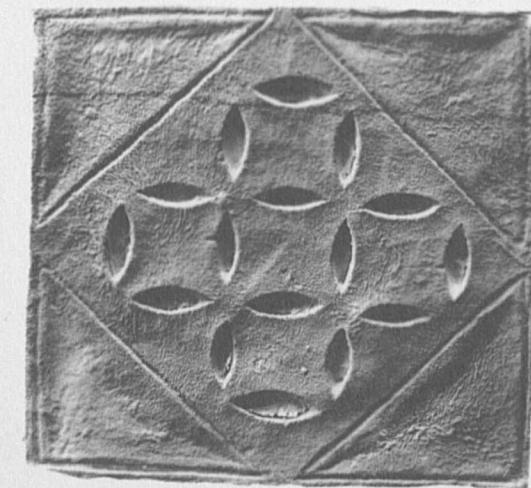
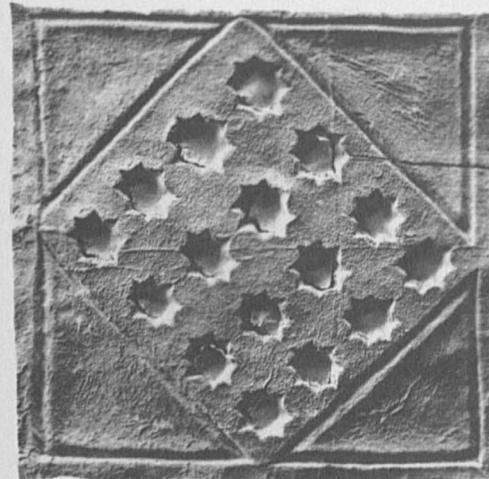
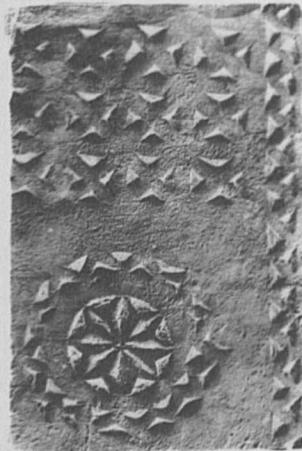
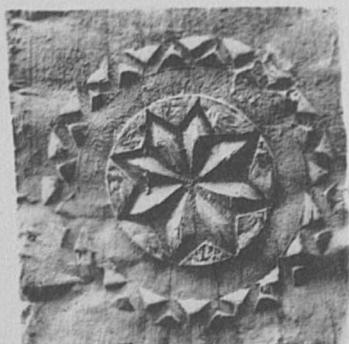
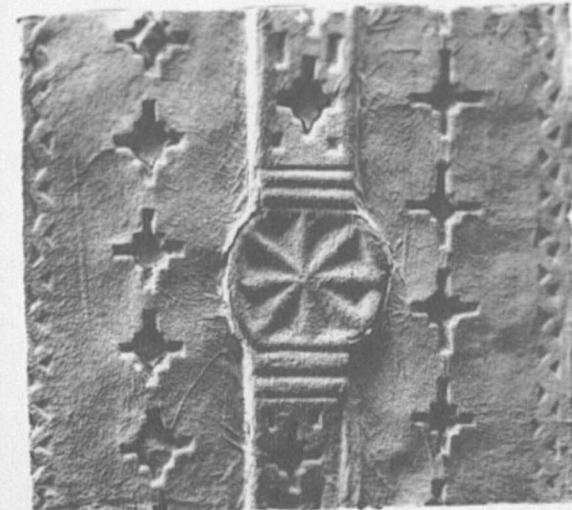
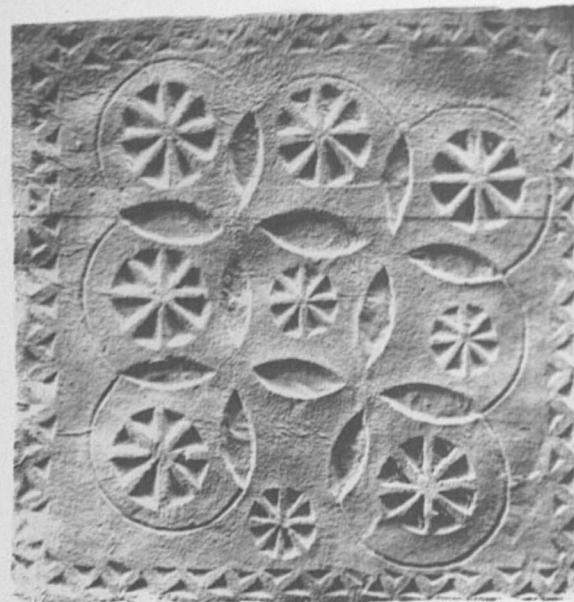
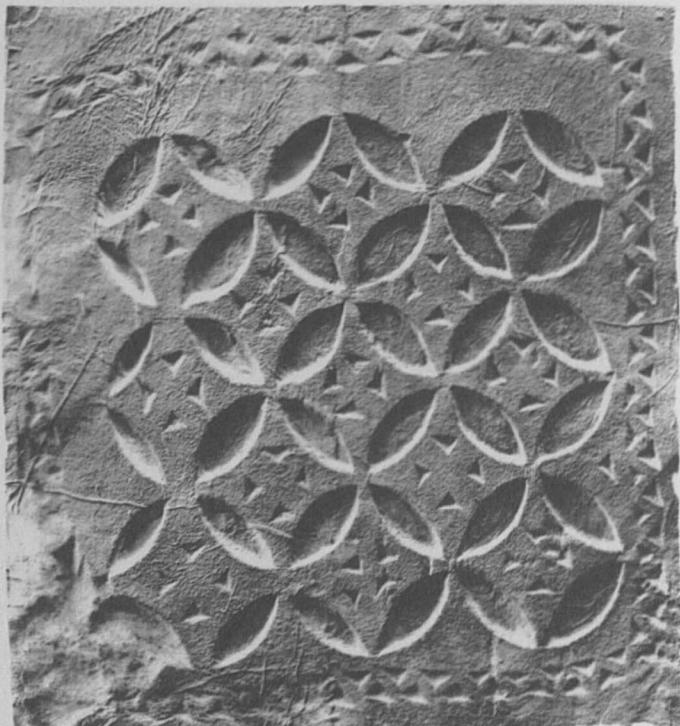

Дарвазъ. Жилая постройка въ кишлакъ на Пянджеъ.

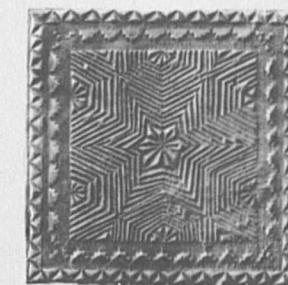
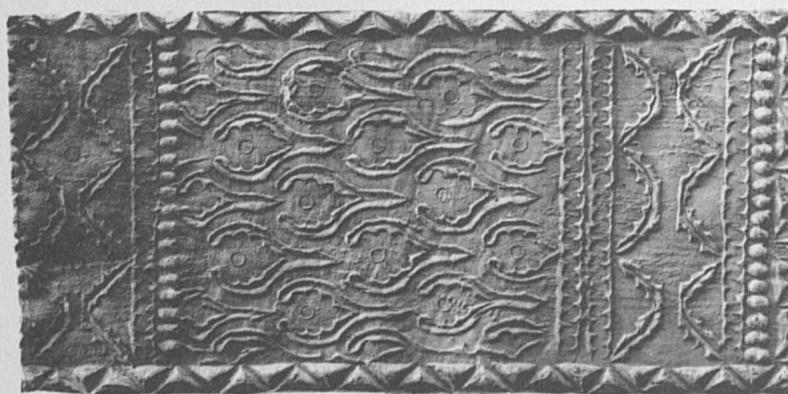
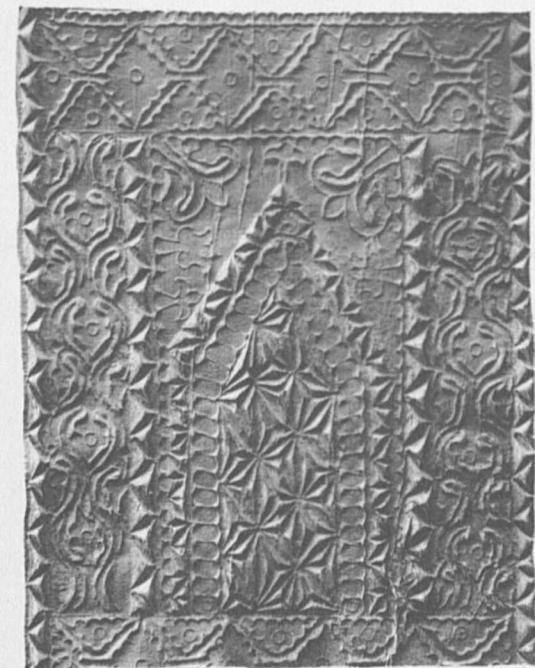
Образцы рѣзныхъ дверей въ богатыхъ домахъ.

Фотот. П. Гавлова.

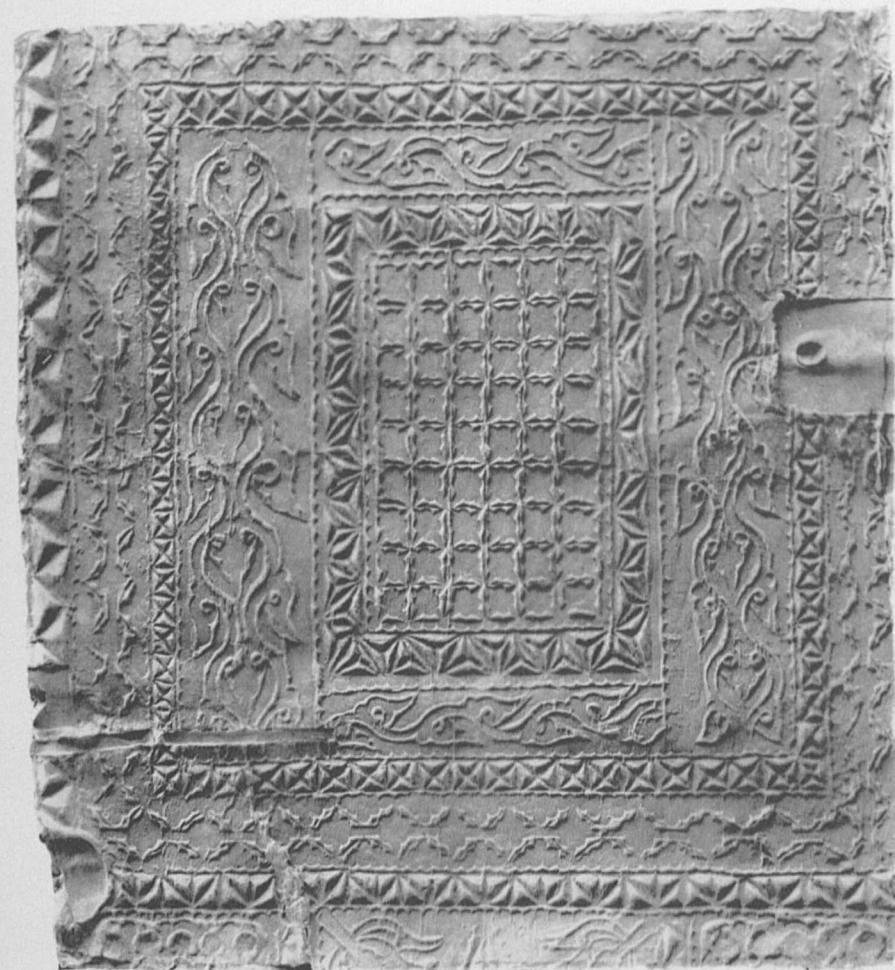
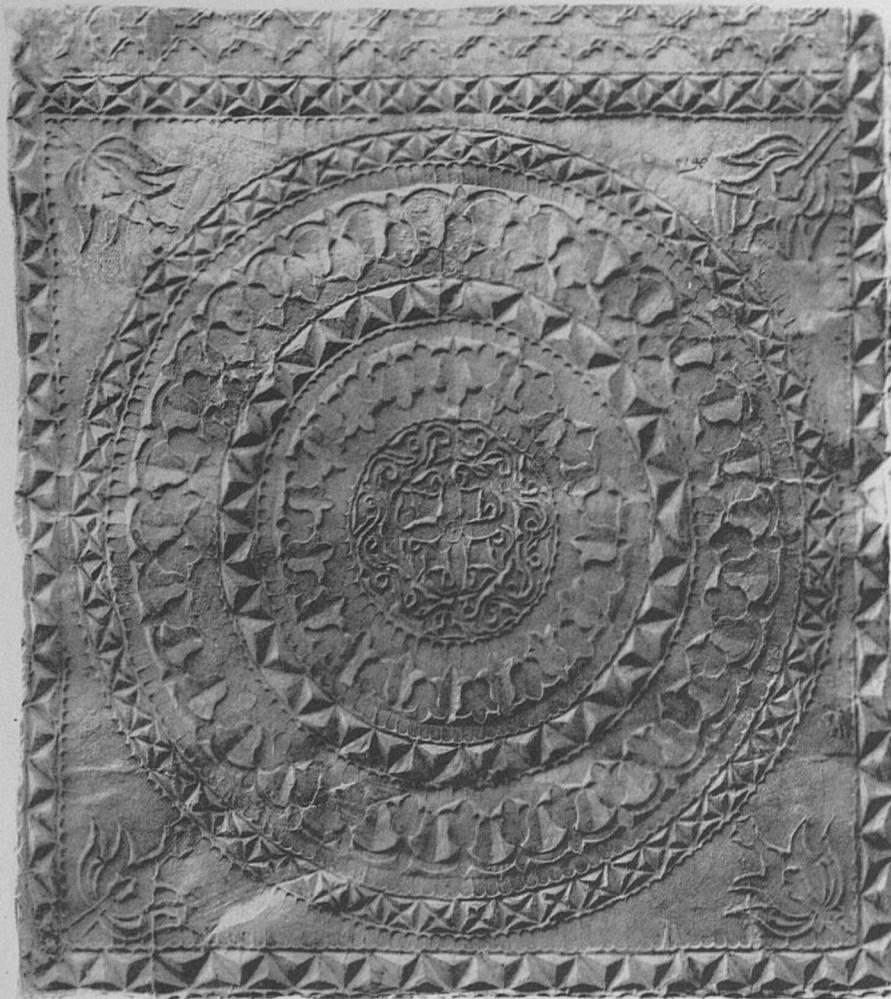

Образцы рѣзныхъ орнаментовъ на дверяхъ и воротахъ горныхъ „курганъовъ“ и „михмон-хонъ“.

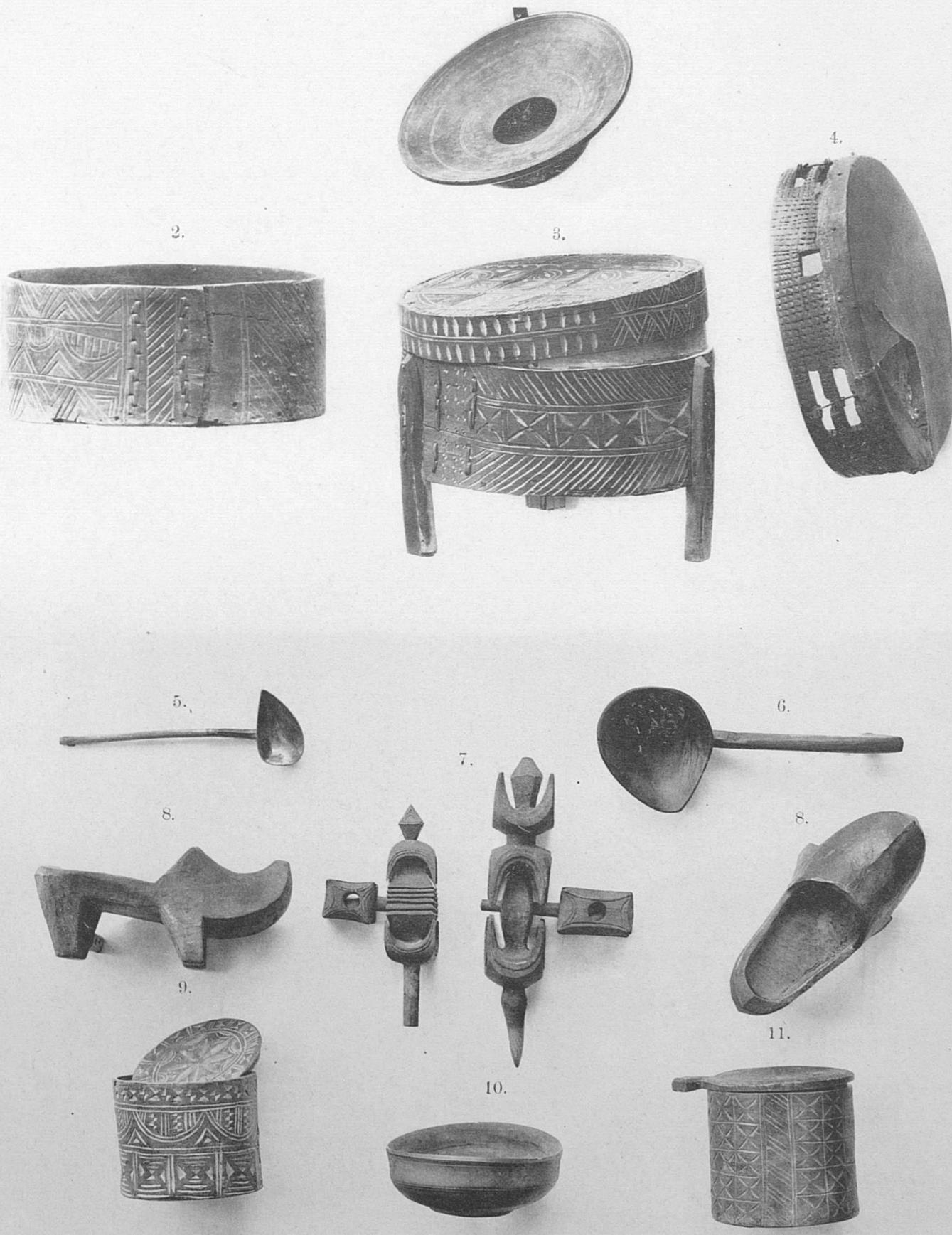

Образцы рѣзныхъ орнаментовъ, встрѣчающіеся на дверяхъ и воротахъ горныхъ „кургановъ“
и мѣстныхъ „михмон-хонѣ“.

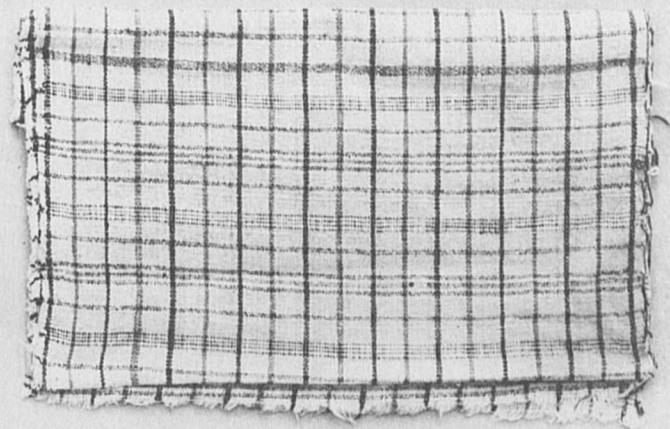
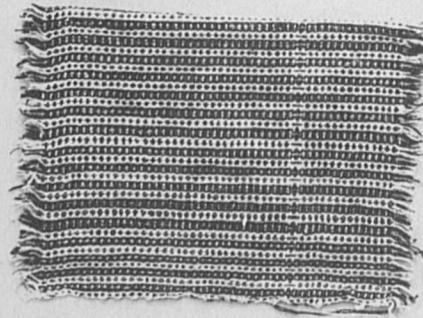
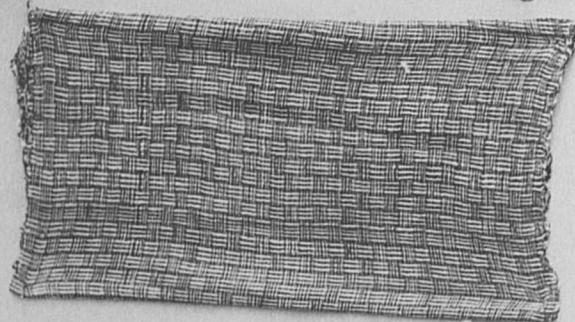
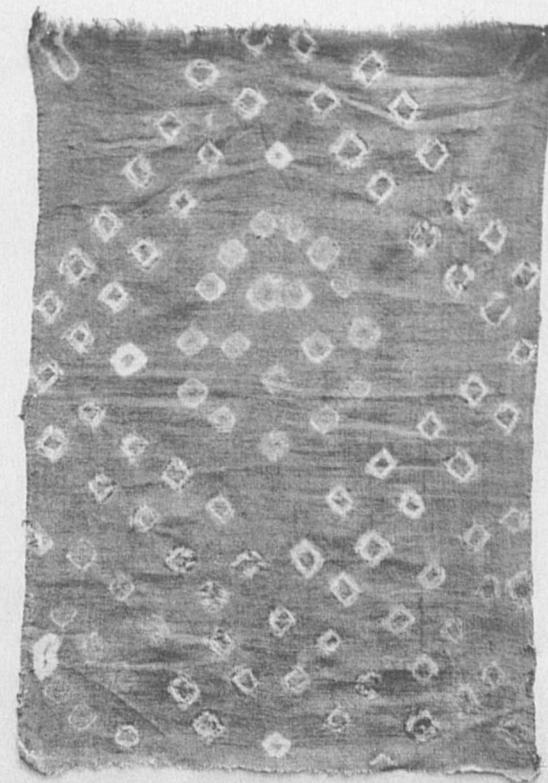
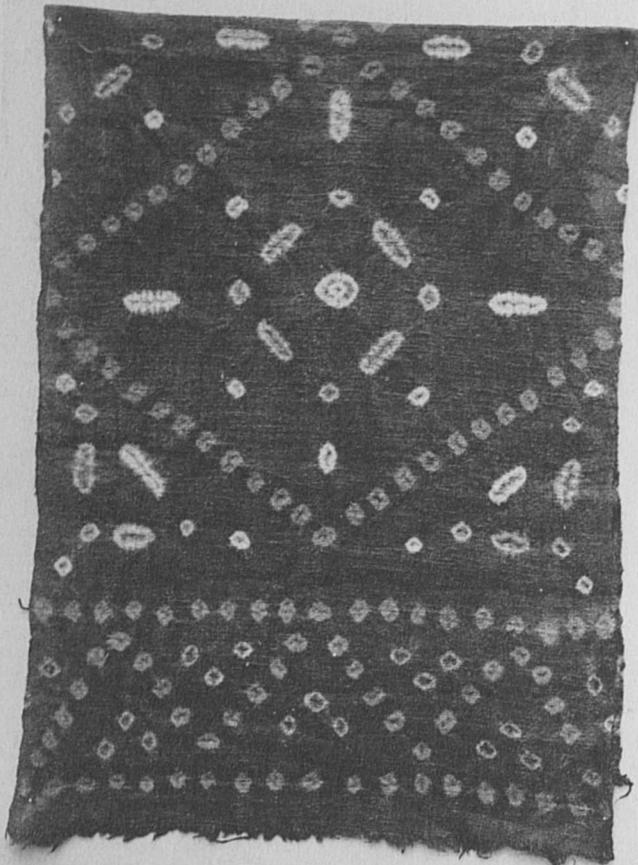
Образцы рѣзныхъ орнаментовъ, встрѣчающіеся на дверяхъ и воротахъ горныхъ „кургановъ“.

Фотот. П. Павлова.

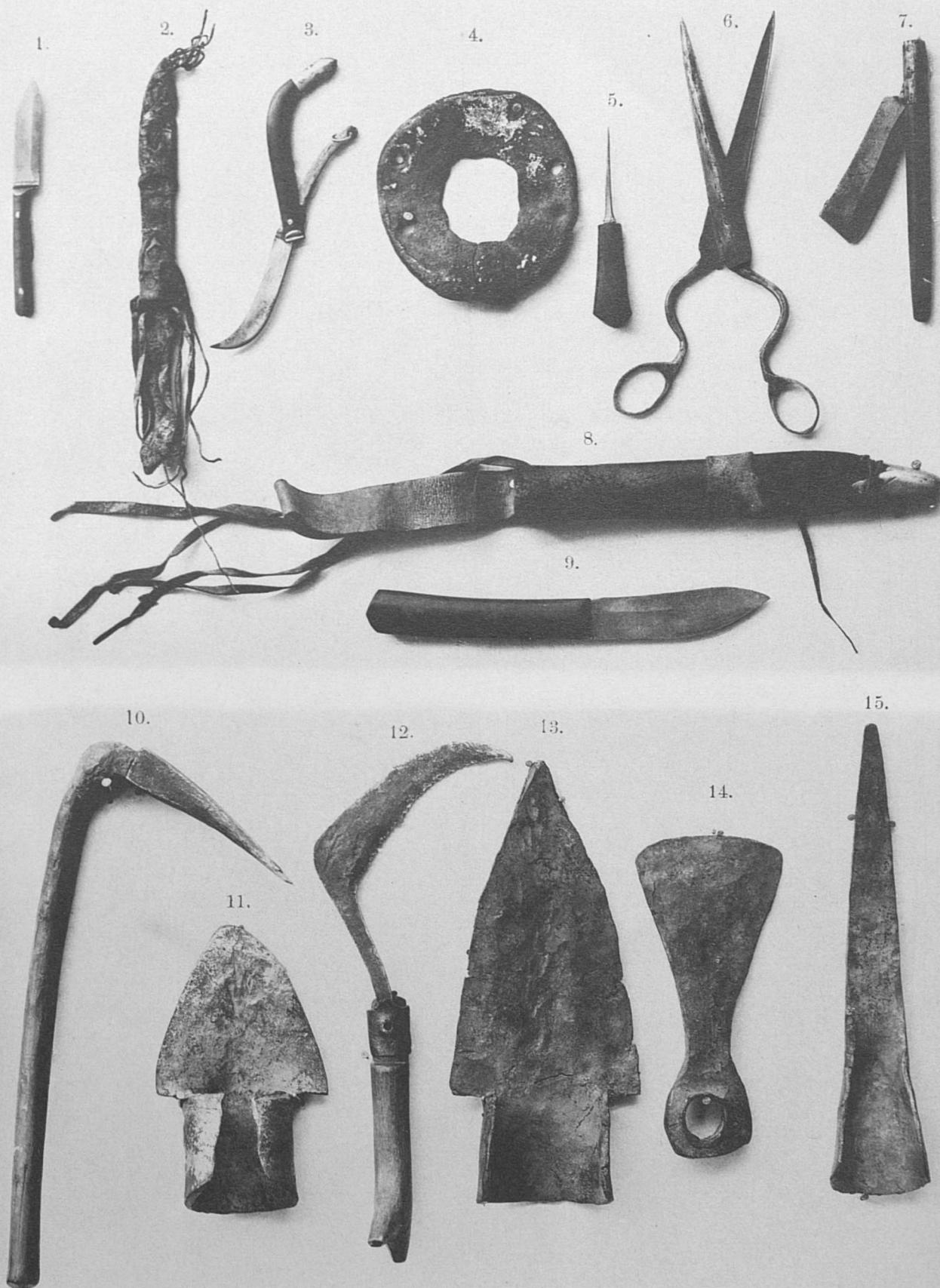

Деревянныя издѣлія горныхъ таджиковъ.

1. Деревянный тазъ для умыванія. 2. „Рости“. 3. „Табангъ“. 4. Бубенъ. 5. 6. Ложки для ъды. 7. Подсвѣтчики для втыканія „чирог'овъ“. 8. Деревянныя туфли („кафшъ“).
9. 11. „Табанг'и“ другой формы. 10. Деревянная чашка („табакъ“) для кушанья.

Образцы хлопчатобумажныхъ тканей дарвазского производства.

Желѣзныя издѣлія таджиковъ долины Ванджа.

1, 2, 3, 8 и 9—ножи съ ножнами для ношения на поясѣ, 4—подкова, 5—шило,
6—ножницы, 7—бритва, 10 и 15—клевецъ для копанья земли, 11—сошникъ, 12—серпъ,
13—заступъ, 14—мотыга.

Образцы мѣдныхъ кунгандовъ („оби-джуш“) для воды и для заварки чая въ употребленіи въ Дарвазѣ, кокандской, самаркандской, кашгарской и афганской работы; средняя чаша персидской работы; вокругъ ся начертаны имена всѣхъ шіитскихъ имамовъ.

Изданія гр. А. А. Бобрина.

Н. Ю. Зографъ. Черепа изъ Макшеватскихъ пещеръ. In-folio, 33 стр., 7 фототип. табл. 1899 г.

А. Семеновъ. Материалы для изученія нарѣчія горныхъ таджиковъ Центральной Азіи. In-quarto, въ двухъ частяхъ: I ч.—56 стр., 9 фототипій. 1900 г. II ч.—74 стр., 4 фототипіи. 1901 г.

Гр. А. А. Бобрина. Орнаментъ горныхъ таджиковъ Дарваза (нагорная Бухара). In-folio, 18 стр., 5 цветныхъ и 15 черныхъ фототипій, раб. фот. Павлова. 1900 г.

Его же. Секта Исмаилья въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи. In-8, 18 стр., 1 цинкографія. 1902 г.

Складъ изданій:

Москва, Малая Никитская, № 20.

Изданіе гр. П. С. Шереметева и гр.

А. А. Бобрина.

Гр. Павелъ Шереметевъ. Зимняя поѣздка въ Бѣлозерскій край. In-quarto, 180 стр., многочисленныя фототипіи и цинкографіи, раб. фот. Павлова. 1902 г.

Складъ изданія:

Вознесенка, домъ гр. Шереметева.